

ДЖОН СТЕЙНБЕК

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ АВТОБУС

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Заблудившийся автобус
Джон Стейнбек

Аннотация
Джон Стейнбек. Заблудившийся автобус
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII
Глава XIX
Глава XX

Глава XXI
Глава XXII

Аннотация

«Внемлите, судари, со тщанием Сей притчи мудрым увещаниям…»

Джон Стейнбек не зря предварил этот блестящий, простой и глубоко психологичный роман эпиграфом из старинного моралите. Пассажиры обветшалого автобуса, которым предстоит провести в обществе друг друга один день, словно сошли со страниц средневековой пьесы – настолько четко каждый из них соответствует одному из типичных образов провинциальной Америки середины прошлого века.

Преуспевающий предприниматель, так и не избавившийся от кошмарных воспоминаний о войне. Некрасивая юная мечтательница, пытающаяся оживить серые будни сиропными сказками Голливуда. Крайне благопристойная семья, которая «несчастна по-своему». Грубиян-подросток со смешными надеждами и мечтами… И еще люди. Люди, каждый из которых обычен до обыденности – и в то же время уникален.

Джон Стейнбек
Заблудившийся автобус

© John Steinbeck, 1947
© Copyright renewed by Elaine A. Steinbeck, Thom Steinbeck, and John Steinbeck IV, 1975
© Перевод. В. Голышев, 2016
© AST Publishers, 2018

* * *

Внемлите, судари, со тщанием
Сей притчи мудрым увещаниям
И ощутите Божий страх:
На небо смертного призвание
Есть всей земле напоминание,
Сколь преходящи мы во днях.

Глава I

В шестидесяти семи километрах к югу от Сан-Исидро, на шоссе Север — Юг есть перекресток, восемьдесят с лишним лет назад прозванный Мятежным углом.

Здесь от шоссе под прямым углом ответвляется дорога на запад, и через семьдесят восемь километров она выходит на другое шоссе Север — Юг, соединяющее Сан-Франциско с Лос-Анджелесом и, само собой, Голливудом. Всякий, кому нужно попасть из долины в глубине штата на побережье, должен свернуть на эту дорогу, которая начинается у Мятежного угла и, попетляв между холмами, через пустыньку, через поля, через перевал выбегает на приморское шоссе прямо посреди городка Сан-Хуан-де-ла-Крус.

Мятежный угол получил свое название в 1862 году. Рассказывают, что на этом перекрестке держала кузницу семья Бленкенов. Сами Бленкены и зятья их были нищие, темные, гордые и буйные выходцы из Кентукки. Не нажив добра и мебели, они притащили с Востока что имели — свои предрассудки и свою политику. Не обзаведясь

рабами, они, однако, готовы были живот положить за свободу рабства. Когда началась война, Бленкены посовещались, не поехать ли назад через бескрайний Запад, сражаться за Конфедерацию. Но путь был длинный, в один конец они уже проехали — и решили, что больно далеко. Так в Калифорнии, склонявшейся к северянам, Угол Бленкенов с кузницей и шестьюдесятью пятью гектарами земли отложился от Союза и примкнул к Конфедерации. По рассказам, чтобы оборонять свой мятежный остров от проклятых янки, Бленкены отрыли окопы и прорезали в кузне бойницы. Янки же эти — в большинстве мексиканцы, немцы, ирландцы и китайцы — не то что не нападали на мятежников, а прямо гордились ими. Слаще Бленкенам никогда не жилось: неприятель подносил кур и яйца, а в убойную пору даже свиную колбасу, — все считали, что такую доблесть надо уважать, невзирая на убеждения. Участок получил название Мятежный угол и сохранил его по сей день.

После войны Бленкены сделались ленивыми, склочными; как всякая побежденная страна, упивались ненавистью и обидами — а потому, забывши вместе с войной и гордость, люди перестали ковать у них лошадей и направлять плуги.

И то, что армии Союза не могли сделать силой оружия, сделал Первый национальный банк Сан-Исидро с помощью просроченной закладной.

Теперь, восемьдесят с лишним лет спустя, о Бленкенах помнят мало — только что они были очень гордые и очень вздорные. Участок за это время много раз менял хозяев и в конце концов влился в империю газетного короля. Кузница сгорела, была отстроена, сгорела снова, а то, что осталось, переоборудовали в гараж с бензоколонкой, а позже в магазин-ресторан-гараж со станцией обслуживания. Когда участок купили Хуан Чикой с женой и приобрели право на пассажирские перевозки между Мятежным углом и Сан-Хуан-де-ла-Крусом, хозяйство это стало еще и автобусной станцией. Мятежные Бленкены из-за гордости и повышенной обидчивости, которая есть признак невежества и лени, исчезли с лица земли, и никто теперь не помнит, какие они из себя были. А Мятежный угол знают хорошо и Чикоев любят.

За бензоколонками стояла маленькая закусочная, в закусочной — стойка с круглыми закрепленными табуретами и три столика, для тех, кто желал расположиться поосновательнее. Чаще они пустовали — за столиком полагалось

давать чаевые хозяйке, а за стойкой нет. Позади стойки первую полку занимали булки, плюшки, пончики, вторую — консервированные супы, апельсины и бананы, третью — коробки кукурузных хлопьев, рисовых хлопьев, ячменных хлопьев и других казненных злаков. С краю за стойкой был рашпер, рядом с ним раковина, рядом с ней краники — газированной воды и пивной, рядом с ними мороженицы, а на самой стойке, между держателями для бумажных салфеток, монетными щелями проигрывателя, солонками, перечницами и соусницами, красовались под прозрачными колпаками пироги. По стенам везде, где только можно, висели календари и плакаты, изображавшие неправдоподобно ярких девушек с налитыми грудями и без бедер: блондинки, брюнетки, рыжие — все как одна обладали этим чрезвычайным верхним устройством, и пришелец из другого мира при виде такой увлеченности художника и публики, наверно, решил бы, что мы размножаемся посредством молочных желез.

У Алисы, жены Хуана Чикоя, которая работала в этом блестящем окружении, была вислая грудь, широкие бедра, и ходила она, тяжело ступая на пятки. Алиса вовсе не завидовала ежемесячным

девушкам и кока-кольным девушкам. Она никогда таких не встречала и не думала, что они вообще встречаются. Она жарила яичницы и шницели, разогревала супы из банок, разливала пиво, накладывала мороженое, к вечеру ноги гудели, и она делалась раздражительной и сварливой. А в середине дня из прически вываливалась прямая влажная прядь и лезла в глаза; сперва Алиса откидывала ее рукой, а под конец просто сдувала.

Рядом с закусочной в уцелевшей кузнице был оборудован гараж, на потолке и балках до сих пор чернела копоть старого горна, и правил здесь — между автобусными рейсами в Сан-Хуан-де-ла-Крус и обратно — Хуан Чикой. Он был хороший, спокойный человек, Хуан Чикой, полуирландец-полумексиканец, лет пятидесяти, с ясными глазами, густыми волосами и красивым смуглым лицом. Жена любила его безумно — и побаивалась, потому что он был мужчина, а их, Алиса обнаружила, не так уж много. Каждый рано или поздно обнаруживает, что мужчин на свете не так уж много.

В гараже Хуан латал проколотые шины, выгонял воздушные пробки из бензопроводов, вычищал наждачно твердую пыль из карбюрато-

ров, менял диафрагмы чахоточных бензонасосов, делал всякий мелкий ремонт, о котором моторизованная публика знать не знает. Не занимался он починками только с половины одиннадцатого до четырех. В это время он вез на автобусе в Сан-Хуан-де-ла-Крус пассажиров, которых высаживали на Мятежном углу большие автобусы компании «Борзая», и возвращался обратно с людьми, которых забирали «борзые» — либо в 4.46 на север, либо в 5.17 на юг.

Пока Хуан Чикой был в рейсе, обязанности механика исполнял очередной мальчишка-переросток или безусый юнец — более или менее «ученик». Ни один из них не задерживался надолго. Доверчивый клиент и вообразить не мог, какие разрушения способен причинить такой подручный его карбюратору, и хотя сам Хуан был первоклассным механиком, в учениках у него обыкновенно ходили дерзкие подростки, которые проводили досуг, запихивая железные плашки в щель проигрывателя-автомата или вяло переругиваясь с Алисой. Этих юнцов все манила куда-то удача, увлекая все дальше на юг, к Лос-Анджелесу и опять же Голливуду, где в конце концов соберутся юнцы со всего света.

За гаражом были две кабинки, увитые плю-

щом: одна «Мужчины», другая «Дамы». К каждой вела своя дорожка: одна по левую руку от гаража, другая по правую руку от гаража.

Выделялся Угол и заметен был среди распаханных полей благодаря большим дубам, окружавшим гараж и закусочную. Высокие и стройные, с черными стволами и сучьями, ярко-зеленые летом и черные, унылые зимой, эти деревья стояли как вехи в плоской длинной долине. Никто не знает, Бленкены их посадили или же, наоборот, сами осели возле них. Последнее вероятней: во-первых, Бленкены отродясь не сажали того, чего нельзя съесть, а во-вторых, деревьям с виду было больше восьмидесяти пяти лет. Может быть, даже лет двести; впрочем, возможно, что их корни питались от какого-то подземного ключа, почему дубы и выросли такими сильными посреди полупустынных мест.

Летом эти большие деревья бросали на станцию тень, и проезжие часто останавливались под ними перекусить и остудить перегретые моторы. Да и сама станция была уютна: весело окрашенная в красный и зеленый цвет, с широкой грядкой гераней вокруг ресторана, красных гераней в густо-зеленой листве, плотной, как живая изгородь. Белый гравий перед бензоколонками

каждый день продирали граблями и поливали. В ресторане и гараже царили система и порядок. Например, на полках в ресторане банки с супом, коробки с хлопьями и даже грейпфруты располагались в пирамидках: четыре в нижнем ряду, потом три, потом две и одна на верхушке. Так же и банки с маслом в гараже; а вентиляторные ремни были развешаны на гвоздях по ранжиру. Станцию содержали в аккуратности. Окна ресторана были забраны сетками от мух, а дверь с сеткой мощно захлопывалась за каждым входящим и выходящим. Потому что мух Алиса Чикой ненавидела. В мире, и без того трудно переносимом и малопонятном, мухи были для нее совсем уже гадостным испытанием. Алиса ненавидела их жестоко, и смерть насекомого под мухобойкой или медленное удушение на липучке доставляли ей жгучую радость.

Подобно тому как через гараж Хуана вереницей проходили ученики, в закусочной у Алисы мелькали молодые помощницы. Девушки эти, недотепистые, мечтательные, серенькие, — которые поинтереснее обыкновенно отбывали через несколько дней с клиентом, — по части работы не отличались. Они развозили мокрой тряпкой грязь, грезили над голливудскими журналами,

вздыхали в проигрыватель, а у последней краснели глаза, не проходил насморк, и она писала длинные страстные письма Кларку Гейблу. Всех их Алиса подозревала в том, что они впускают мух. Не раз доставалось за мух и последней девушке — Норме.

По утрам распорядок на Мятежном углу был неизменный. С рассветом, а зимой и того раньше, в закусочной зажигалась лампа, и Алиса включала кофеварку (громадное идолоподобное серебряное сооружение, которое у археологов грядущей эпохи будет значиться как предмет культа амельканов, расы, предшествовавшей атомитам, которые по неизвестной причине исчезли с лица земли). Первыми заезжали завтракать усталые шоферы грузовиков, и к этому времени в закусочной уже было тепло и уютно. Потом являлись коммивояжеры, спешившие затемно к большим городам Юга, чтобы сохранить для дела целый день. Коммивояжеры всегда следили за грузовиками и останавливались там же, потому что шоферы грузовиков считаются большими знатоками придорожной пищи и кофе. С восходом солнца подруливали первые туристы — поесть и расспросить о дороге.

Туристы с севера мало интересовали Норму,

зато кто ехал с юга или через Сан-Хуан-де-ла-Крус, то есть мог побывать в Голливуде, — эти ее просто притягивали. За четыре месяца Норма встретила пятнадцать человек, лично побывавших в Голливуде, пятеро из них побывали на студии, а двое видели живого Кларка Гейбла. Вдохновленная этими двоими, появившимися сразу друг за другом, она написала письмо на двенадцати страницах, которое начиналось словами «Дорогой мистер Гейбл» и заканчивалось «Любящий Друг». От мысли, что мистер Гейбл вдруг узнает, кто написал письмо, ее бросало в дрожь.

Норма была верной девушкой. Пусть другие, ветреницы, бегают за выскочками синатрами, ван джонсонами, сонни тафтсами. Даже в войну, когда фильмов с Гейблом не выходило, Норма оставалась ему верна, освежая свою мечту цветной карточкой мистера Гейбла в летном обмундировании с пулеметными лентами крест-накрест.

Она часто насмехалась над сонни тафтсами. Ей нравились мужчины постарше, с интересными лицами. Бывало, когда она возила мокрой тряпкой взад-вперед по стойке, мечтательно расширившиеся глаза ее останавливались на сетчатой двери — и сужались светлые глаза, и

закрывались на секунду. Это надо было понимать так, что в тайный вертоград ее мечты через сетчатую дверь вошел Кларк Гейбл и ахнул при виде ее и застыл с приоткрытым ртом, признавши в ней свою суженую. А мимо него влетали и вылетали невозбранно мухи.

Дальше этого у них не заходило. Норма была робка. А кроме того, не знала, как это делается. Вся ее любовная жизнь состояла из нескольких борцовских схваток на заднем сиденье машины, причем ее целью было сохранить на себе одежду. До сих пор она побеждала просто за счет целеустремленности. Она была уверена, что мистер Гейбл не только не позволит себе ничего подобного, но и, услышав о таком, не одобрит.

Норма носила нелиняющие платья — гордость торговой фирмы «Национальные долларовые магазины». Но конечно, у нее было и выходное, сатиновое, платье. Хотя если приглядеться, то и в нелиняющих есть своя прелесть. Мексиканскую серебряную брошку, изображающую ацтекский календарный камень, ей завещала тетка, за которой Норма ухаживала семь месяцев и на самом деле хотела котиковую накидку и кольцо с речным жемчугом и бирюзой. Но они отошли другой родне. А еще, от матери, Норме осталась

нитка мелких янтарных бус. Норма никогда не надевала бусы вместе с мексиканской брошкой. Кроме этого у нее были еще две драгоценности, совершенно ослепительные, — и Норма знала, что они ослепительные. На дне чемодана у нее лежали золоченое обручальное кольцо и перстень с громадным бриллиантом типа бразильского, оба — за пять долларов. Она надевала их только в постель. Утром снимала и прятала в чемодан. Об их существовании не знала ни одна живая душа на свете. Засыпая, Норма вертела их на среднем пальце левой руки.

Планировка спален на Мятежном углу была простая. Жилье было пристроено к закусочной сзади. Дверь у края стойки открывалась в спальню-гостиную Чикоев, где стояли двухспальная кровать под вязаным покрывалом, консольный приемник, пара мягких кресел, диван (все это называлось «гарнитур») и металлическая лампа под зелено-мраморным стеклянным абажуром. Отсюда вела дверь в комнату Нормы, ибо Алиса придерживалась теории, что за девушками нужен глаз и нельзя давать им волю. Чтобы попасть в ванную, Норме надо было пройти через комнату Чикоев или же лезть через окно, как она обычно и поступала. Подручный механика жил в

комнате по другую сторону от хозяйской спальни, но имел отдельный выход и пользовался увитой плющом кабинкой позади гаража.

В общем, это был складный архитектурный ансамбль, и удобный, и симпатичный. Во времена Бленкенов Мятежный угол представлял собой место грязное, неприглядное и подозрительное — Чикои же здесь процветали. Были и деньги в банке, и в какой-то степени чувство уверенности, и счастье.

Этот островок, осененный рослыми деревьями, был виден за много километров. Чтобы найти Мятежный угол и дорогу на Сан-Хуан-де-ла-Крус, никто не нуждался в дорожных указателях. В просторной долине хлеба расстилались до подножия высоких гор на востоке, а в западную сторону не так далеко — до округлых холмов, где на черных лысинах стояли вечнозеленые дубы. Летом холмы плыли, томились, пеклись в желтом зное, и Мятежный угол под сенью высоких деревьев был местом заманчивым и запоминающимся. Зимой, в проливные дожди, закусочная сулила тепло, бобы под острым соусом и кофе.

В разгар весны, когда зеленела трава в полях и предгорьях, когда люпин и маки одевали землю в лазурь и золото, когда пробуждались большие

деревья с желто-зеленой молодой листвой, милее места не было на свете. Такую красоту не перестаешь замечать, даже когда она привычна. От нее сжимает горло утром и сладко теснит под ложечкой, когда заходит солнце. От аромата люпина и трав дышишь быстро и шумно, почти сладострастно. В такую-то пору цветения и роста, еще до зари, и вышел с электрическим фонарем к автобусу Хуан Чикой. Его подручный Прыщ Карсон сонно плелся за ним.

Окна закусочной еще были темны. Над восточными холмами даже не серело. Было еще далеко до рассвета. И совы ухали над полями. Хуан подошел к автобусу, стоявшему перед гаражом. При свете фонаря он был похож на длинный аэростат с серебряными окнами. Прыщ Карсон, не проснувшись как следует, стоял, руки в карманах, и вздрагивал — не от холода, а со сна.

Ветерок потянул над полями и принес запах люпина и запах земли, очнувшейся и неистово производящей.

Глава II

Фонарь с мелким, обращенным вниз отражателем ярко освещал только ноги, ботинки, шины и комли дубов. Он нырял и качался, и бело-голубой пузырек лампочки ослепительно сиял. Хуан подошел с фонарем к гаражу, вынул из комбинезона связку ключей, нашел ключ от висячего замка и отомкнул ворота. Внутри зажег верхний свет и выключил фонарь.

Он взял с верстака полосатую рабочую кепку. На нем был комбинезон с большими латунными пуговицами на нагруднике и боковых застежках, а сверху — черная куртка из конской кожи с черными вязаными манжетами и воротом. Туфли у него были круглоносые и жесткие, и подошва такая толстая, что казалась надутой. В старом шраме на щеке возле большого носа залегла тень. Он сгреб пятерней густые черные волосы и заправил под кепку. Руки у него были широкие и сильные, с тупыми пальцами, ногти плоские от работы, свилеватые, в бороздках от ушибов и повреждений. На среднем пальце левой руки не хватало фаланги, и он грибком утолщался к

концу. Утолщение было другой фактуры, чем остальной палец, лоснилось, как будто хотело сойти за ноготь, и на этом пальце Хуан носил широкое обручальное кольцо, как будто решил: не годишься для работы, так послужи хоть для украшения.

Из кармана в нагруднике торчали карандаш, линейка и шинный манометр. Брился Хуан только вчера, и щетина на горле и по сторонам подбородка была беловатая и седоватая, как у старого эрделя. Это бросалось в глаза, потому что в остальном борода была черная как смоль. Черные глаза насмешливо щурились — вроде того, как щурятся от дыма, когда нельзя вынуть изо рта сигарету. А губы у Хуана были полные и добрые — спокойные губы: нижняя слегка выдавалась, но не брюзгливо, а с юмором и уверенностью; верхнюю, хорошо очерченную, прорезал чуть слева глубокий шрам, почти белый на розовом. Видно, когда-то ее рассекло насквозь, и теперь тугой белый шнурок стягивал полную губу, так что она набегала на шрам двумя крохотными складочками. Уши у него были не очень большие, но торчали как ракушки или как если бы их оттопырили руками, к чему-то прислушиваясь. И Хуан, казалось, все время к чему-то прислушива-

ется, причем глаза его смеются над услышанным, а рот не совсем одобряет. Движения у него были уверенные, даже тогда, когда его занятие уверенности не требовало. Ходил он так, как будто шел в точно определенное место. Руки двигались быстро и четко и никогда не баловались со спичками или ногтями. Зубы у Хуана были длинные и с золотом по кромкам, что придавало его улыбке некоторую свирепость.

Возле верстака он снял с гвоздей инструменты и уложил в длинный плоский ящик — ключи, пассатижи, несколько отверток, молоток и бородок. Рядом с ним Прыщ Карсон, налитый сном, облокотился на масленую доску верстака. На нем были рваный свитер мотоклуба и тулья фетровой шляпы, обрезанная по краю зубчиками. Прыщ был длинный узкоплечий малый семнадцати лет, с тонкой талией и длинным лисьим носом; глаза у него по утрам казались совсем светлыми, а днем становились оливковыми. На щеках золотился пух, а сами щеки были изрыты, изъедены и распаханы прыщами. Между старых воронок торчали новые образования, зреющие и убывающие. Кожа блестела от снадобий, которые прописываются при таких страданиях и не помогают ни на грош.

Синие джинсы на Прыще были тесные и настолько длинные, что низки он подвернул сантиметров на двадцать пять. На узких его боках штаны удерживались широким, богато тисненным ремнем с толстой гравированной серебряной пряжкой, в которой сидело четыре бирюзы. Прыщ старался не давать рукам воли, но пальцы самочинно тянулись к изрытым щекам, и, поймав себя на этом, он опять опускал руки. Он писал всем фирмам, предлагавшим лекарства от прыщей, и ходил по врачам, которые знали, что вылечить не могут, но знали также, что скорее всего это пройдет через несколько лет само по себе. Тем не менее они прописывали ему мази и примочки, а один посадил его на овощную диету.

Глаза у него были узкие и с косым разрезом, как у сонного волка; сейчас, ранним утром, они совсем слиплись от гноя. Прыщ был редкостный соня. Будь на то его воля, он спал бы чуть ли не круглые сутки. Весь его организм и душа были полем жестокой битвы, которая зовется юностью. Вожделения в нем не затихали, и когда они не были прямо и явно половыми, то выливались в меланхолию, глубокую и слезливую чувствительность или крепкую, с душком, религиозность.

В уме его и чувствах, как на лице, все время шла вулканическая работа, все время саднило и свербело. У него бывали приступы неистовой праведности, когда он убивался из-за своих пороков, вслед за чем впадал в меланхолическую лень, близкую к прострации; уныние сменялось спячкой. После он долго еще ходил как в дурмане, вялый и обалделый.

В это утро он надел свои коричнево-белые, с дырочками, полуботинки на босу ногу, и из-под завернутых штанин выглядывали лодыжки в разводах грязи. В периоды упадка Прыщ до того обессилевал, что совсем не мылся и даже ел плохо. Фетровая тулья с аккуратными зубчиками служила не так для красоты, как для того, чтобы длинные каштановые волосы не лезли в глаза и не маслились, когда он работал под машиной. Сейчас он стоял, бессмысленно глядя на Хуана, складывавшего инструменты в ящик, и ум его ворочался в громадных байковых одеялах сна, тяжких до тошноты. Хуан сказал:

— Включи лампу на длинном шнуре. Давай, Прыщ. Давай, давай, просыпайся!

Прыщ встряхнулся, как собака.

— Что-то никак не могу очухаться, — объяснил он.

— Лампу отнеси туда и тащи мою доску. Надо двигаться.

Прыщ взял переносную лампу в защитной сетке и стал сматывать с ручки тяжелый резиновый шнур. Потом включил его в розетку возле двери, и свет плеснул. Хуан поднял ящик с инструментами, шагнул за дверь и взглянул на темное небо. Воздух переменился. Ветерок колыхал молодые дубовые листья, шнырял между гераней — нерешительный влажный ветерок. Хуан принюхивался к нему, как принюхиваются к цветку.

— Если опять дождь, — сказал он, — ей-богу, это лишнее.

На востоке посветлело, стали обозначаться вершины гор. Подошел Прыщ с переносной лампой, разматывая за собой резиновый шнур. Большие деревья выступили навстречу свету, и он заблестел на желтоватой зелени молодых листиков. Прыщ отнес лампу к автобусу и вернулся в гараж за длинной доской на роликах, которая позволяла передвигаться, лежа под машиной. Он кинул доску около автобуса.

— Да, похоже, натягивает, — сказал он. — Так ведь весной в Калифорнии, считай, всегда дожди.

Хуан сказал:

— Против весны я ничего не имею, но шестеренка у нас полетела, а пассажиры ждут, а земля от дождей раскисла…

— Для урожая — хорошо, — заметил Прыщ.

Хуан умолк и оглянулся на помощника. От глаз у него разбежались веселые морщинки.

— Это точно, — сказал он, — точно.

Прыщ застенчиво отвернулся.

Автобус теперь освещала переносная лампа, и выглядел он непривычно и беспомощно, потому что там, где полагалось быть задним колесам, стояла пара тяжелых дровяных козел, и держал его не задний мост, а брус 10 × 10 сантиметров, положенный на козлы.

Это был старый автобус, на нем стоял четырехцилиндровый мотор с низкой степенью сжатия и специальная коробка скоростей с пятью передними передачами вместо трех, причем две — меньше нормальной первой, и двумя задними. Несмотря на толстый слой свежей серебрянки, на выпуклых бортах ясно проступали все бугры и вмятины, царапины и шрамы долгой и тяжелой службы. Почему-то от кустарной окраски старый автомобиль выглядит еще древнее и потасканнее, чем если бы ему предоставили

честно приходить в упадок.

Внутри автобус тоже ремонтировали. Сиденья, некогда плетеные, были обиты красным дерматином, и хотя работа была аккуратная, она была непрофессиональная. В салоне стоял кисловатый душок дерматина и откровенный, назойливый запах бензина и масла. Это был старый, старый автобус, переживший много поездок и много трудностей. Дубовые планки пола были сточены и вытерты подошвами пассажиров. Борта были помятые и выправленные. Окна не открывались, потому что весь кузов слегка перекосило, и летом Хуан выставлял окна, а на зиму вставлял опять.

Кресло водителя протерлось до пружин, но на протертом месте лежала цветастая ситцевая подушка двоякого назначения — оберегать водителя и прижимать голые пружины. На ветровом стекле висели талисманы: детский башмачок — для охраны, потому что неверные ножки младенца требуют постоянной осмотрительности и Божьего попечения, и крошечная боксерская перчатка — это для силы, силы кулака на брошенном вперед предплечье, силы поршня, толкающего шатун, силы человека как ответственной и гордой личности. Еще на ветровом стекле висела пухленькая целлулоидная

куколка в вишнево-зеленом головном уборе из страусовых перьев и соблазнительном саронге. Она была для радостей плоти, глаза, слуха, обоняния. На ходу игрушки крутились, качались и прыгали перед глазами водителя. Там, где ветровое стекло делила пополам средняя стойка, на приборной доске расположилась маленькая металлическая, ярко раскрашенная Дева Гвадалупская. Лучи от нее шли золотые, одежды на ней были лазоревые, и стояла она на молодом месяце, который держали херувимы. Она олицетворяла связь Хуана с вечностью. К церковной и догматической стороне религии это имело мало касательства, а больше — к религии как памяти и чувству. Смуглая Дева напоминала Хуану и о матери, и о темном домике, где мать, говорившая по-испански с легким ирландским акцентом, его вырастила. Потому что Деву Гвадалупскую мать выбрала своей личной богиней. Отставку получили св. Патрик и св. Бригита и десять тысяч бледных северных дев, на их место взошла эта смуглая, с настоящей кровью в жилах, близкая к людям.

Мать преклонялась перед своей Девой, чей день отмечают лопающимися в небе ракетами, а отец Хуана, мексиканец, понятно, не видел тут ничего

особенного. Естественно, что в дни святых пускают ракеты. Как же иначе? Взлетающая с треском трубка — это, понятно, душа возносится в небо, а гремучая вспышка вверху — это торжественный вход в тронный зал Небес. Хуан Чикой, хотя и не был набожным человеком, в свои пятьдесят лет не вел бы автобус с легкой душой, если бы за ним не приглядывала Гвадалупана. Религия его была практическая.

Под святой в щитке было отделение для мелочей, и там лежали револьвер «смит-и-вессон» калибра 11,43 мм, бинт, пузырек йода, флакон лавандовой нюхательной соли и непочатая пол-литровая бутылка виски. Хуан считал, что с таким снаряжением он готов почти к любой непредвиденности.

На переднем бампере автобуса когда-то была надпись, до сих пор еще различимая: «El grand Poder de Jesus» — «Великая сила Иисусова». Она осталась от прежнего владельца. Теперь же на обоих бамперах было четко выведено простое слово «Любимая». И все, кто знал автобус, знали его как «Любимую». Сейчас «Любимая» была парализована: задние колеса сняты, зад висел в воздухе, опираясь на десятисантиметровый брус, перекинутый между козлами.

Хуан держал новую коронную шестерню, катал в ней ведущую.

— Поднеси поближе свет, — сказал он Прыщу и прокатил шестеренку по всему кольцу. — Помню, раз поставил новое кольцо со старой шестерней — сразу полетело.

— Когда зуб ломается, гремит прилично, — сказал Прыщ. — Звук такой, как будто он сквозь пол в тебя летит. Как вы думаете, почему он сломался?

Хуан держал кольцевую шестерню перед собой торцом и медленно вел по ней малую, проверяя на просвет зацепление.

— Не знаю, — ответил он. — В металле и вообще в машинах много непонятного. Возьми Форда. Он выпустит сотню машин, и две или три из них — ни к черту. Не что-нибудь одно барахлит — вся машина барахло. И рессоры, и мотор, и помпа, и вентилятор, и карбюратор. Она вся помаленьку разваливается, и никто не знает, почему так. Возьми другую машину, тоже с конвейера, — вроде такая же, как все, да не такая. В ней что-то есть, чего в других нет. В ней силы больше. Как в крепком человеке. Делай с ней что хочешь — все выдержит.

— У меня была такая, — сказал Прыщ. — «Форд-А». Я его продал. Спорить могу, он еще бегает.

Ездил на нем три года и десяти центов на ремонт не истратил.

Хуан положил новые шестерни на подножку и поднял с земли старую. Он пальцем потрогал обломок зуба.

— Металл — хитрая вещь, — сказал он. — Иногда он как будто устает. Знаешь, у нас в Мексике люди держали по два, по три мясных ножа. Одним пользовались, а остальные втыкали в землю. Говорили: «Лезвие отдыхает». Не знаю, так ли, но эти ножи можно было заточить, как бритву. Я думаю, никто не понимает металла, даже те, кто его делает. Давай посадим шестерню. Ну-ка поднеси туда свет.

Хуан положил доску с роликами позади автобуса, лег на нее спиной и, отталкиваясь ногами, въехал под днище.

— Передвинь свет немного левее. Нет, выше. Вот. Теперь пихни мне ящик с инструментами, можешь?

Руки Хуана работали четко: масло капнуло ему на щеку. Он стер его тыльной стороной ладони.

— Поганая работенка.

Прыщ заглянул к нему под автобус.

— Может, повешу лампу тут на гайку? — спросил он.

— Да нет, через минуту надо будет перенести, — ответил Хуан.

Прыщ сказал:

— Хорошо бы вы сегодня починили. В своей кровати охота поспать. В кресле не отдыхаешь.

Хуан фыркнул:

— Ты видал, как они разозлились, когда нам пришлось вернуться из-за шестерни? Можно подумать, я нарочно это устроил. До того были злы, что и на Алису накинулись из-за пирога. Наверно, думают, она их сама печет. В дороге люди очень не любят задержек.

— Спали на наших кроватях, — заметил Прыщ. — Не понимаю, чего они разоряются. В креслах-то спали мы с вами да Алиса с Нормой. А хуже всех — эти, Причарды. Не девушка, конечно, не Милдред, а старики. Им все чего-то кажется, что их надувают. Он мне сто раз сказал, что он там президент или еще кто и он этого так не оставит. Возмутительно, говорит. А сам с женой спал на вашей кровати. Интересно, где Милдред спала? — Глаза у Прыща слегка заблестели.

— На диване, наверно, — сказал Хуан. — А может, с папой, с мамой. Который игрушками торгует, ночевал в комнате Нормы.

— Этот мне понравился, — сказал Прыщ, — он

не ругался. Сказал, что с удовольствием заночует. А чем занимается, не говорил. Зато Причарды за всех пошумели — не Милдред, а старики. А знаете, куда они едут, мистер Чикой? По Мексике. Милдред учит в колледже испанский. Она им будет вместо переводчицы.

Хуан вставил шпонку и несильными ударами загнал ее до конца. Потом выбрался из-под автобуса.

— Давай собирать задний мост.

Свет просачивался в небо из-за гор. В сером и черном, бесцветная, занималась заря, и в ней белые и синие предметы стали серебряными и красными, а темно-зеленые были черны. Черны и белы были молодые листья больших дубов, и очертания гор обозначились резко. Слабо порозовели восточные кромки тяжелых и пузатых облаков, колобками катившихся по небу.

Внезапно в закусочной вспыхнул свет и вырвал из небытия грядку гераней перед домом. Хуан оглянулся на свет.

— Алиса встала, — сказал он. — Скоро кофе поспеет. Давай кончать с задним мостом.

Мужчины работали слаженно. Каждый знал, что делать. Каждый делал свое. Прыщ тоже лежал на спине, затягивал гайки на картере, и от

дружной работы рождалось хорошее чувство.

Хуан напряг руку, подтягивая гайку, ключ сорвался, и он ссадил костяшку пальца. Густая черная кровь потекла по грязной руке. Он пососал ссадину, и вокруг рта осталось кольцо темного масла.

— Сильно ободрали? — спросил Прыщ.

— Да нет, это, наверно, к удаче. Без крови работу не сделаешь. Так мой отец говорил. — Он опять пососал палец; кровь шла тише.

Тепло и розовый отсвет зари исподволь разливались вокруг, и электрический свет как будто терял яркость.

— Интересно, сколько еще приедет на «борзом», — праздно полюбопытствовал Прыщ. И тут из хорошего чувства к мистеру Чикою родилась волнующая мысль. Мысль была такая пронзительная, что стало даже больно. — Мистер Чикой… — начал он с запинкой, робким, униженным, умоляющим тоном.

Хуан перестал навинчивать гайку и ждал просьбы — о выходном, о прибавке, о чем-нибудь. Просьба была неминуема. Она слышалась в голосе и для Хуана означала неприятность. Неприятности всегда так начинались.

Прыщ молчал. Он не находил слов.

— Чего ты хочешь? — осторожно спросил Хуан.

— Мистер Чикой, мы не могли бы договориться… вы не могли бы, ну… больше не звать меня Прыщом?

Хуан отнял ключ от гайки и повернул голову. Оба лежали на спине, лицом друг к другу. Хуан видел воронки от старых прыщей, набухающие бугорки и один в соку, тугой, с желтой головкой, готовый лопнуть. Хуан смотрел, и взгляд его смягчался. Он сообразил. До него вдруг дошло — и он удивился, что только сейчас, а не раньше.

— Как тебя звать? — грубо спросил он.

— Эд, — ответил Прыщ. — Эд Карсон, я дальний родственник Кита Карсона. Пока этими не пошел, меня в школе звали Китом. — Голос был намеренно ровный, но грудь его тяжело подымалась, и он сопел носом.

Хуан отвернулся и снова взглянул на массивный шар дифференциала.

— Ладно, — сказал он, — давай ставить домкраты. — Он выехал из-под автобуса. — Сперва накачай туда масло.

Прыщ быстро ушел в гараж и вернулся со шприцем, таща за собой воздушный шланг. Он повернул кран, и воздух с шипением вошел в шприц со смазкой. Шприц попукивал, нагоняя

в картер смазку, пока она не полезла наружу. Прыщ ввернул пробку.

Хуан сказал:

— Кит, вытри руки и погляди, как там у Алисы кофе, ладно?

Прыщ пошел к закусочной. Перед дверью, под большим дубом было еще почти черно. Он постоял там, задержав дыхание. Его трясло как в ознобе.

Глава III

Когда макушка солнца высунулась из-за восточных гор, Хуан Чикой встал с земли и отряхнул грязь с комбинезона на ногах и на заду. Солнце ударилось в окна закусочной и теплом разлилось по зеленой траве вокруг гаража. Загорелось на маках, на плоских пашнях и на синих люпиновых островах.

Хуан подошел к двери автобуса. Он всунулся в кабину, повернул ключ зажигания и ладонью надавил на стартер. Стартер повыл сердито, потом мотор схватил, взревел, и Хуан сбавил газ. Он рукой выжал сцепление, включил первую скорость и отпустил сцепление. Колеса медленно вращались в воздухе, и Хуан пошел назад — послушать, как работает задний мост, не шумит ли новая пара шестерен.

В гараже Прыщ мыл руки в мелком тазике с бензином. Солнце пригрело бурый прошлогодний лист, залетевший в угол дверной коробки. Вскоре из-под листа медленно выползла сонная муха и замерла на ярком солнце. Ее крылья мутно переливались, и она была вялая от ночного холо-

да. Муха потерла крылья ногами, потом потерла ногу об ногу, потом потерла голову передними ногами, между тем как солнце, косо бившее из-под громадных пушистых облаков, разогревало ее организм. Вдруг она снялась, дважды описала круг, вылетела под дубы, врезалась в сетчатую дверь закусочной, упала на спину и зажужжала на земле, пытаясь перевернуться. Потом все-таки встала, взлетела и заняла позицию на притолоке.

Алиса Чикой, осунувшаяся после ночи в кресле, подошла к двери и посмотрела на автобус. Сетчатая дверь приоткрылась всего на несколько сантиметров, но муха юркнула в щель. Алиса заметила ее вторжение и тут же шваркнула по ней посудным полотенцем. Муха зажужжала очумело, а потом уселась под краем стойки. Алиса посмотрела, как крутятся на весу задние колеса автобуса, потом ушла за стойку и открыла паровой кран кофейницы.

Коричневая жидкость в водомерном стекле на боку кофейницы выглядела бледной, разбавленной. Алиса прошлась полотенцем по стойке и при этом заметила, что в большом белом кокосовом пироге под прозрачным колпаком неровно вырезан с краю клин. Она взяла с серебряного подноса

нож, сняла колпак, подровняла торт, а крошки съела. И в тот самый миг, когда колпак опускался на место, муха ворвалась под него и накинулась на кокосовый крем. Она села под маленьким выступом, так что сверху ее не было видно, и стала жадно рыться и возиться в сладком креме. Она овладела огромной тортовой горой и была очень счастлива.

Вошел пропахший бензином и маслом Прыщ и уселся на круглый табурет.

— Ну, мы все сделали, — сказал он.

— Ты и кто еще? — саркастически спросила Алиса.

— Нет, конечно, всю тонкую работу делал мистер Чикой. Мне бы чашку кофе и пирога.

— Ты уже там поклевал, пока я спала. — Она отринула волосы от глаз. — Следов не заметешь.

— Ну, запишите на меня, — сказал Прыщ. — Я же плачу за питание — нет?

— Ну чего ты ешь столько сладкого? — сказала Алиса. — Круглый день толчешься у подноса. У тебя и жалованья-то не остается. Все уходит на сласти. Оттого и прыщи, ей-богу. Удержаться, что ли, не можешь?

Прыщ застенчиво поглядел на свои руки. Под ногтями, где не взял бензин, было черно.

— Там калорий много, — сказал он. — Кто работает, ему калории нужны. Скажем, примерно в три часа дня, когда у тебя упадок. Нужно что-нибудь питательное, чтобы побольше калорий.

— Чтобы штаны оттягивали, — заметила Алиса. — Тебе калории нужны, как мне… — И она покинула фразу на половине. Алиса была большая ругательница, но главных слов никогда не произносила — только подводила к ним. Она налила из крантика кофе в чашку, толстую плоскодонную чашку без блюдца, плеснула молока и двинула ее через стойку.

Смутно глядя на соблазнительную девушку от кока-колы, висевшую над проигрывателем, Прыщ насыпал четыре ложки сахару и мешал, мешал его, держа ложку торчком.

— Мне бы пирога, — терпеливо повторил он.

— Да на здоровье. Отрасти себе сиденье, как аэростат.

Прыщ взглянул на ладный Алисин зад и быстро отвел глаза. Алиса достала из-за стойки нож и вырезала клин из кокосового пирога. Горка крема оползла и завалила муху. Алиса сдвинула кусок на блюдце и толкнула через стойку. Прыщ напал на него с кофейной ложкой.

— Эти люди еще не встали? — спросил он.

— Нет, но зашебуршились. Кто-то из них извел всю горячую воду. На закусочную ни капли не осталось.

— Это, наверно, Милдред, — предположил Прыщ.

— А?

— Девушка. Наверно, в ванне купалась.

Алиса посмотрела на него в упор:

— Занимайся своими калориями да фантазию свою не особенно распускай.

— А что я такого сказал? Э, тут муха в пироге.

Алиса оцепенела.

— Вчера у тебя в супе была муха. Ты их что, в кармане носишь?

— Нет, правда. Еще трепыхается.

Алиса подошла.

— Убей ее! — закричала она. — Раздави! Выпустить хочешь? — Она схватила за стойкой вилку и раздавила муху вместе с крошками, а потом скинула все в урну.

— А мой пирог? — спросил Прыщ.

— Получишь другой кусок. Не понимаю, почему у тебя всегда мухи. Больше ни у кого.

— Везет, наверно, — вполголоса сказал Прыщ.

— Что?

— Я сказал просто…

— Я слышала, что ты сказал. — Она не выспалась и была раздражена. — Будешь язык распускать — вылетишь отсюда пулей. Будь ты механик-размеханик. По мне, ты просто сопляк. Прыщавый сопляк.

Прыщ сник. Чем больше она распалялась, тем ниже он опускал голову. Он не знал, что сейчас она вымещает на нем самые разные неудовольствия.

— Чего я такого сказал? — оправдывался он. — Пошутить уже нельзя.

Алиса достигла того накала, когда оставалось либо впасть в безудержную истерическую ярость, от которой темнело в глазах и у нее самой, и у всех окружающих, либо поскорее уняться, потому что она уже чувствовала, как у нее распирает горло и грудь. Алиса быстро оценила положение. Оно было напряженным. Автобус должен выехать. Хуан тоже не выспался. Люди, ночевавшие в их постелях, услышат крик и выйдут, и Хуан может ее ударить. Один раз он ударил. Не сильно, но точно и так резко, что она испугалась, не убил ли он ее. А потом, этот черный страх, всегда маячивший на краю сознания, — что он ее бросит. Других он бросал. Скольких — она не знала, он никогда не рассказывал, но такой интересный мужчина

не мог не бросать женщин. Все это пронеслось в долю секунды. Алиса решила не впадать в ярость. Она придавила то, что поднималось в груди. Рассеянно отрезала от торта чересчур большой кусок, положила на блюдце и, пройдя вдоль стойки, поставила перед Прыщом.

— Все нервничают, — сказала она.

Прыщ поднял взгляд от своих ногтей. Теперь он увидел, как въедаются исподволь в ее шею морщинки, как припухли нижние веки. Он увидел, что кожа на руках уже не тугая, как у девушек. Он ее очень пожалел. Как ни обделен был Прыщ красотой, он думал, что единственное, чем стоит обладать в жизни, — это молодость, и кто потерял молодость, тот, можно считать, умер. Сегодня утром он одержал большую победу и теперь, видя слабость и нерешительность в Алисе, стал добиваться второй.

— Мистер Чикой говорит, что больше не будет звать меня Прыщом, — сказал он.

— Почему не будет?

— Ну, я его попросил. Меня зовут Эдвард. А в школе меня звали Китом, потому что моя фамилия Карсон.

— Хуан зовет тебя Китом?

— Ага.

Алиса плохо понимала, о чем идет речь, а сзади, в спальне, слышалось движение, шаги по голым половицам, иногда — тихий разговор. Сейчас, когда чужие напомнили о себе, Прыщ стал ей ближе — все-таки он был не совсем чужой.

— Ладно, посмотрим, — сказала она.

Свет солнца бил в окна фасада и дверь и пятью яркими пятнами лежал на стене, высвечивая коробки с хлопьями и пирамиды апельсинов за стойкой. Но вот пять ярких квадратов потускнели и потухли. Прогремел гром, и вдруг хлынул ливень. Он застучал по крыше.

Прыщ подошел к двери и выглянул. За пеленой дождя местность исчезла, и на цементной дорожке вскакивали фонтанчики. Мокрый свет отливал сталью. Прыщ увидел, что Хуан спрятался в автобусе. Задние колеса все еще медленно крутились. Потом Хуан спрыгнул на землю и бросился к закусочной. Прыщ распахнул перед ним дверь, и он влетел в комнату: даже от короткой перебежки комбинезон намок, а туфли хлюпали.

— Господи Боже, — сказал он, — вот это ливень!

Серая стена дождя заслонила холмы, а свет цедила темный, металлический. Головки люпинов поникли под тяжестью влаги. Сбитые лепестки

маков лежали на земле, как золотые монеты. И без того промокшая земля уже не впитывала воду, и по уклонам сразу побежали ручейки. Ливень хлестал по крыше закусочной на Мятежном углу.

Хуан Чикой сидел за столиком у окна, пил кофе с хорошей порцией сливок, жевал пончик и глядел на ливень. Вошла Норма и принялась мыть тарелки в стальной раковине за стойкой.

— Можешь дать мне еще чашку кофе? — попросил Хуан.

Она сонно вынесла чашку из-за стойки. Чашка была полна до краев. Кофе перелился и капал с донышка. Хуан вытащил бумажную салфетку, сложил и подстелил под мокрую чашку.

— Не выспалась, а? — сказал он.

Норма осунулась, платье на ней было измято. Сейчас было видно, что она сделается старообразной еще задолго до старости. Кожа у нее была землистая, а руки в пятнах. Крапивница начиналась у нее от самых разных причин.

— Совсем не спала, — сказала она. — Попробовала на полу и все равно не могла уснуть.

— Ладно, постараемся, чтоб это больше не повторилось, — сказал Хуан. — Надо мне было достать машину и отправить их в Сан-Исидро.

— Уступил им наши постели! — с насмешкой сказала Алиса. — Это же надо придумать! Да где еще хозяева отдали бы свои постели? Им-то сегодня не работать. Могли бы и посидеть ночь.

— Да, видно, не сообразил, — отозвался Хуан.

— Тебе наплевать, что жена ночует в кресле, — сказала Алиса. — Готов отдать ее постель первому встречному.

Алиса снова почувствовала, что в ней поднимается ярость, — и испугалась. Она этого не хотела. Знала, что будет только хуже, и боялась этого, но ничего не могла поделать — ярость поднималась и клокотала.

Полотнище дождя хлестнуло по крыше, как тяжелая метла, пронеслось, оставив за собой тишину, и почти сразу новый пласт ливня накрыл закусочную. Снова громко закапало со стрех, забулькало в желобах. Хуан задумчиво смотрел в пол, и легкая улыбка растягивала его губу, перехваченную белой ленточкой шрама. И этого Алиса тоже испугалась. Сейчас он ее выделил и наблюдает за ней. Она это чувствовала. Для Алисы все отношения и положения включали только двух участников: она и другой делались огромными, а все остальные пропадали из виду. Полутонов не было. Когда она говорила с Хуаном,

на свете существовали только они двое. Когда прицеплялась к Норме, весь мир исчезал, оставались только она и Норма, а вселенная тонула в сером облаке.

А Хуан — он мог все отодвинуть и увидеть любой предмет соотносительно с остальными. Предметами разной важности и величины. Мог видеть, оценивать, судить и радоваться. Хуан умел радоваться людям. Алиса умела только любить и ненавидеть, люди ей либо нравились, либо не нравились. Никаких полутонов она не видела и не чувствовала.

Она подобрала рассыпавшиеся волосы. Раз в месяц она полоскала волосы в средстве, гарантировавшем таинственный и роскошный блеск, который завораживает мужчин и обрекает на рабство. Глаза Хуана смотрели на нее издалека, как на что-то забавное. И это вселяло в Алису ужас. Она знала, что он видит в ней не сердитую женщину, омрачающую мир, а просто одну из миллиона сердитых женщин, которых можно изучать, разглядывать — да, и даже получать от этого удовольствие. В ужасе Алисы был холод одиночества. Хуан заслонял собой весь мир, а она — она знала это — ничего ему не заслоняла. Он мог видеть не только вокруг нее, но и сквозь

нее — что-то другое. Она помнила, что когда он ее ударил, ужас был не в самом ударе — били ее и раньше, и ей это было даже не отвратительно, а, наоборот, возбуждало ее, воодушевляло — но ударил он ее как букашку. Без всякого запала. Он даже не очень рассердился, просто был раздражен. И хлопнул надоеду, чтобы не шумела. Алиса пыталась лишь привлечь его внимание одним из немногих известных ей способов. То же самое она пыталась сделать сейчас, но по расфокусированному его взгляду чувствовала, что он ускользнул.

— Я стараюсь, чтобы в доме было уютно, красиво… и ковер, и бархатный гарнитур… а ты — извольте, уступаешь все чужим. — Голос ее терял уверенность. — А твоя жена всю ночь должна сидеть в кресле.

Хуан не спеша поднял взгляд.

— Норма, — сказал он, — можешь налить мне еще чашку кофе? И побольше сливок.

Алиса разогревалась для новой вспышки гнева, чувствуя ее приближение, и тут Хуан неторопливо перевел взгляд на нее. Взгляд был теплый и веселый и опять сфокусированный: он смотрел на нее, и она знала, что он ее видит.

— Тебе это не повредит, — сказал он. — Приятней будет спать сегодня на своей кровати.

У Алисы дух занялся. Ее окатило жаром. Ярость превратилась в острое желание. Она рассеянно улыбнулась ему и облизнула губы.

— Ну, паразит, — сказала она очень мягко. И глубоко, прерывисто вздохнула. — Яйца хочешь?

— Ага. Пару, в мешочек.

— Я знаю, какие ты любишь, — ответила она. — Бекон подать?

— Нет. Гренку и пару пончиков.

Алиса ушла за стойку.

— Когда же они вылезут? — сказала она. — Я бы хоть в ванную сходила.

— Уже зашевелились, — отозвался Хуан. — Скоро выйдут.

Там действительно шевелились. В спальне послышались шаги. Открылась какая-то дверь, и женский голос резко произнес: «Могли бы и постучать!» Мужчина ответил: «Простите, пожалуйста. Другого выхода не было — только через окно».

Голос еще одного мужчины, надтреснутый, с властной растяжкой, сказал: «Стучать, мой друг, никогда не мешает. Ушибли ногу?» — «Да».

Дверь у края стойки открылась, и вышел маленький человек. На нем были двубортный пиджак и рубашка того бежевого цвета, который

любят езжалые люди и зовут дорожным, потому что на нем не видна грязь. Костюм по той же причине был нейтрально-серый, а галстук зеленый, вязаный. Лицо у него было вытянутое, как щенячья мордочка, и глаза блестели вопросительно, тоже как у щенка. Тоненькие, аккуратные усики лежали на верхней губе, как гусеница, и когда он говорил, она словно выгибала спину. Зубы были ровные и белые, кроме двух верхних спереди, которые сияли золотом. Вид у него был полностью причесанный, как будто он и пух с костюма счищал щеткой для волос, а рубашка — с неявными разводами, которые происходят от стирки воротничка в раковине и сушки в расстеленном виде на туалетном столике. В манерах его проглядывала застенчивая бойкость, а в лице — несколько вздрагивающее выражение, как будто он привык ограждать себя от оскорблений с помощью продуманных приемов.

— Здравствуйте, люди, — сказал он. — Я как раз думал: где же вы ночевали? Ручаюсь, что сидя.

— Сидя, — неприветливо подтвердила Алиса.

— Ничего, — сказал Хуан. — Сегодня пораньше ляжем.

— Починили автобус? Думаете, доберемся в такой дождь?

— Обязательно, — сказал Хуан.

Человек, хромая, обогнул край стойки и, морщась от боли, сел за столик. Норма принесла стакан воды и столовые приборы в бумажной салфетке.

— Яйца?

— Яичницу — с глазками, с беконом, чтобы хрустел, и гренку с маслом. С маслом — улавливаете? Значит, вы ее намазываете маслом — как следует намазываете, — даете ему растаять, чтобы без желтых шишечек, и получаете на чаек. — Он поднял ногу в дырчатой и простроченной туфле, поглядел на нее и закряхтел от боли.

— Щиколотку растянули? — спросил Хуан.

Дверь у края стойки отворилась, и вошел человек среднего роста. Он был похож на Трумэна, на вице-президента компании и на ревизора. Очки у него были в прямоугольной оправе. Костюм — приличествующего серого цвета, лицо — тоже с сероватостью. Он был бизнесмен, одевался как бизнесмен и выглядел как бизнесмен. В петлице лацкана сидел значок ложи, такой крохотный, что с двух шагов его вообще не было видно. Жилет не был застегнут на последнюю пуговицу. Но она и не предназначалась для застегивания. Поперек жилета бежала красивая золотая цепочка для

часов и ключей, по дороге она ныряла в петлю, а потом выныривала. Он сказал:

— Для миссис Причард омлет — если яйца свежие, можно жидковатый, — гренку и мармелад. А мисс Причард хочет только апельсиновый сок и кофе. Мне — ячменные хлопья со сливками, яичницу перевернутую, хорошо поджаренную — но чтобы желток не растекся, — сухую гренку и кофе по-бостонски — то есть пополам с молоком. Можете все подать на подносе.

Алиса посмотрела на него с яростью.

— Лучше, если вы сами выйдете, — сказала она. — У нас не разносят.

Мистер Причард ответил холодным взглядом:

— Нас здесь задержали. Я уже потерял один день отпуска. Поломка автобуса произошла не по моей вине. Так по крайней мере завтрак подайте. Жена чувствует себя неважно. Я не привык сидеть на табурете, и миссис Причард — тоже.

Алиса пригнула голову, как бодливая корова.

— Слушайте, мне хочется в туалет и вымыть лицо, а вы заняли мою ванную.

Мистер Причард нервно дотронулся до очков.

— Я вас понимаю.

Он обернулся к Хуану, и блики на очках превратили их в два зеркальца, за которыми исчезли

глаза. Рука его выдернула из жилетного кармана цепочку. Он раскрыл золотую пилку для ногтей и быстро прочистил кончиком под каждым ногтем. Потом оглянулся вокруг, и его пробрал легкий холодок неуверенности. Мистер Причард был бизнесмен, президент не очень большой корпорации. Он никогда не бывал один. Дела в его фирме вершил круг людей, работавших одинаково, думавших одинаково и даже выглядевших одинаково. Обедал он с людьми себе подобными, которые собирались в клубах; чуждым элементам и чуждым идеям доступа туда не было. Его религиозная жизнь опять-таки проходила в его ложе и в его церкви — и та и другая были изолированы и ограждены. Раз в неделю он играл в покер с людьми, настолько не отличавшимися от него, что игра была вполне равной, и отсюда они черпали убеждение, что все они — великолепные игроки. Куда бы он ни пришел, он был не просто человеком, а единицей в корпорации, единицей в клубе, в ложе, в церкви, в партии. Его идеи и мысли никогда не подвергались критике, потому что он добровольно объединялся только с такими же, как он. Он читал газету, выпускаемую его кругом и для его круга. Книги, попадавшие в его дом, были отобраны комитетом, отбрасывавшим все, что

могло его раздражить. Он терпеть не мог иные страны и иностранцев, потому что среди них трудно найти своего двойника. Он не хотел выделиться из своего круга. Он был бы рад подняться там на самый верх, чтобы им восхищались; но покинуть свой круг он и не помышлял. На редких холостяцких вечеринках, когда голые женщины плясали на столе или сидели в громадных бокалах с вином, мистер Причард и гоготал, и пил это вино, но рядом были еще пятьсот причардов.

А теперь, после некрасивого заявления Алисы насчет туалета, он оглянулся вокруг и увидел, что он один. Что тут больше нет мистеров причардов. Взгляд его задержался было на маленьком мужчине в пиджачной паре, но выглядел тот как-то странно. Правда, в петлице у него тоже был какой-то, что ли, значок — голубая эмалевая планка с белыми звездочками, — но такого клуба мистер Причард не знал. Эти люди сделались ему противны, и даже собственный отпуск сделался противен. Ему захотелось вернуться в спальню и закрыть дверь, а тут этой толстой захотелось в туалет. Мистер Причард очень быстро почистил ногти золотой пилочкой на часовой цепочке.

От природы и сначала мистер Причард таким не был. Один раз он голосовал за Юджина Дебса,

но это было давным-давно. Дело в том, что люди его круга наблюдали друг за другом. Всякое отклонение от общепринятого сперва замечалось, потом обсуждалось. Отклонившийся человек был ненадежный человек, а если он упорствовал, с ним никто не хотел иметь дело. Защитная окраска действительно защищала. Но мистер Причард не был двоедушным. Он отказался от свободы, а потом и забыл, что это такое. Теперь он смотрел на ту историю как на юношеское безумство. Голос, поданный за Юджина Дебса, он относил туда же, куда и посещение публичного дома в возрасте двадцати лет. У мальчишек такое не редкость. Иногда он даже в клубе за обедом вспоминал, как проголосовал за Дебса — доказывая этим, что и он был горяч и что такие выходки наряду с прыщами вообще свойственны юности. Но хотя он извинял себе это озорство и даже им гордился, он был немало озабочен поведением своей дочери Милдред.

Она водилась в колледже с очень опасной компанией — определенного сорта публикой и преподавателями, которые считались красными. Перед войной пикетировала пароход с металлоломом для Японии и собирала деньги на лекарства для тех, кого он называл красными в

Испанской войне. С самой Милдред он об этом не разговаривал. Она не хотела с ним это обсуждать. И у него было глубокое убеждение, что если все будут молчать и сдерживаться, то она это перерастет. Муж и дети разрядят ее политическое беспокойство. Тогда, говорил он, она поймет, что такое настоящие ценности.

Посещение публичного дома он помнил слабо. Ему было двадцать лет, и он был пьян, а после им овладело иссушающее чувство осквернённости и горя. Зато помнил следующие две недели, когда он с ужасом ждал симптомов. Он даже решил покончить с собой, если они появятся: покончить с собой так, чтобы это приняли за несчастный случай.

Сейчас он нервничал. Он был в отпуске, которого, в сущности, не хотел. Он ехал в Мексику, которую, несмотря на рекламы, считал страной не только грязной, но и опасно радикальной. Они экспроприировали нефть; другими словами, украли частную собственность. А чем это лучше России? Россия мистеру Причарду заменила дьявола Средних веков как источник всяческого коварства, зла и ужасов. Сегодня он нервничал еще и потому, что не выспался. Он любил свою собственную кровать. Привыкнуть к новой —

ему нужна неделя, а тут впереди три недели, и что ни ночь, то новая кровать, да и бог знает с какой живностью. Он устал, и собственная кожа казалась ему шершавой. Вода тут была жесткая, и после бритья стало ясно, что через три дня на шее образуется хомуток подкожной щетины.

Он вытащил из грудного кармана платок, снял и протер очки.

— Я предупрежу жену и дочь, — сказал он. — Я не знал, что мы вас так стеснили.

Норме понравилось это слово, и она повторила его про себя. «Стеснять… я не хотела бы вас стеснять, мистер Гейбл, но должна сказать вам…»

Мистер Причард вернулся в спальню. Слышно было, что он им разъясняет положение, а они о чем-то спрашивают.

Человек с усиками встал и заковылял к стойке, постанывая от боли.

Он взял сахарницу и, кривясь, вернулся на свое место.

— Я бы вам подала, — пожалела его Норма.

Он улыбнулся и мужественно сказал:

— Не хотел вас беспокоить.

— Вы бы нисколько меня не стеснили, — сказала Норма.

Хуан опустил чашку на стол.

Прыщ сказал:

— Мне бы кусок кокосового пирога.

Алиса рассеянно отрезала ему кусок, двинула блюдце по стойке и сделала отметку в блокноте.

— Хоть бы разик хозяйка угостила, — заметил Прыщ.

— Я думаю, кое-кто тут и без хозяйки угощается, и не разик, — ответила Алиса.

— Вижу, вы здорово растянули ногу, — обратился к маленькому человеку Хуан.

— Отдавил, — сказал тот, — пальцы отдавил. Сейчас покажу.

Из спальни вышел мистер Причард и сел за свободный стол.

Маленький человек расшнуровал и снял туфлю. Потом стянул носок и аккуратно положил его в туфлю. Ступня его была забинтована до подъема, и бинт пропитался яркой красной кровью.

— Показывать не обязательно, — поспешно сказала Алиса. От вида крови ей делалось дурно.

— Все равно пора сменить повязку, — пояснил тот, размотал бинт и открыл ногу. Большой палец и два соседних были страшно раздавлены, ногти почернели, а концы пальцев превратились в кровавое мясо.

Хуан встал. Прыщ подошел поближе. Даже

Норма не осталась в стороне.

— Господи спаси, жуткое дело, — сказал Хуан. — Погодите, воды принесу, промоем. Надо чем-то намазать. Вы получите заражение. Можете ногу потерять.

Прыщ пронзительно свистнул сквозь зубы, показывая свою заинтересованность и даже некоторое восхищение размерами увечья. Маленький человек следил за лицом Хуана, и глаза его блестели от удовольствия и приятного ожидания.

— Думаете, скверно? — спросил он.

— Черт, еще как скверно, — подтвердил Хуан.

— Думаете, надо показаться врачу?

— Я бы на вашем месте показался.

Маленький человек радостно хохотнул.

— Вот это я и хотел услышать, — сказал он. Он поддел ногтем подъем ноги, и нога отделилась — и кожа, и кровь, и раздавленные пальцы, а под этим открылась ступня, целая и невредимая, со здоровыми пальцами. Закинув голову, он ликующе рассмеялся: — Улавливаете? Пластмасса. Новинка.

Мистер Причард подошел поближе с отвращением на лице.

— Это искусственная раненая нога «Маленького чуда», — объявил человек. Он вытащил

из бокового кармана плоскую коробку и вручил Хуану. — Вы мне посочувствовали, хочу вам подарить. С наилучшими пожеланиями от Эрнеста Хортона, представляющего компанию «Маленькое чудо». — Он увлеченно затараторил: — Выпускаются трех номиналов — с одним, двумя и тремя раздробленными пальцами. Та, которую я вам дал, — трехпальцевая, как у меня. Приложен бинт и пузырек искусственной крови, чтобы повязка выглядела страшно. Инструкция — внутри. Когда надеваете в первый раз, надо размочить в теплой воде. Тогда обтягивает, как перчатка, никто не отличит. Получите массу удовольствия.

Мистер Причард подался к нему. Он уже мысленно видел, как снимает носки на правлении. Можно сделать это сразу после мексиканской поездки, а сперва сочинить какую-нибудь историю с бандитами.

— Почем они у вас идут? — спросил он.

— По полтора доллара, но я вообще-то не продаю в розницу, — сказал Эрнест Хортон. — Торговля хватает сразу все, что я получаю. За две недели я продал сорок гроссов.

— Ну? — сказал мистер Причард. Глаза у него одобрительно расширились.

— Не верите — могу показать книжку заказов. Такой ходкой новинки мне еще не приходилось продавать. «Маленькое чудо» имеет на ней отличную прибыль.

— Сколько вы накидываете? — поинтересовался мистер Причард.

— Видите ли, если вы не торгуете, я предпочел бы не говорить. Деловая этика — так?

Мистер Причард кивнул.

— Я бы взял одну для пробы по розничной цене, — сказал он.

— Сейчас, поем и принесу. Готова у вас гренка с маслом? — спросил он Норму.

— Поспевает, — сказала Норма, виновато ушла за стойку и включила тостер.

— Понимаете, их успех — на психологии, — торжествующе объяснил Эрнест. — Искусственные разрезанные пальцы мы производили годами, и они шли туго, а это… тут психологическая тонкость в том, что вы снимаете туфлю и носок. Никто не ждет, что вы затеете такую волынку. Тот, кто до этого додумался, получил очень хороший гонорар.

— Надо полагать, вы тоже имеете с нее неплохой доход, — сказал мистер Причард с восхищением. Сейчас он чувствовал себя гораздо лучше.

— Не жалуюсь, — сказал Эрнест. — У меня в чемодане еще два-три образчика, могут вас заинтересовать. Они не для продажи, только для торговцев, но я их продемонстрирую. Может быть, посмеетесь.

— Я хочу взять полдюжины раненых ног, — сказал мистер Причард.

— Трехпальцевых?

Мистер Причард подумал. Он хотел их подарить, но он не хотел конкуренции. Чарли Джонсону розыгрыши удавались лучше, чем мистеру Причарду. Чарли был прирожденный комик.

— Скажем так: одну трехпальцевую, три двухпальцевые и две однопальцевые. Так, пожалуй, будет в самый раз.

Дождь менялся. Он накатывал тяжелыми косыми водяными обвалами, которые перемежались коротким капающим затишьем. Хуан пил кофе у окна. На блюдце перед ним лежала половинка румяного пончика.

— Я думаю, немного поутихнет, — сказал Хуан. — Мне бы еще раз проверить задний мост, до того как поедем.

— Мне бы кокосового пирога, — сказал Прыщ.

— Не получишь, — сказала Алиса. — Клиентам

надо немножко оставить.

— А я, что ли, не клиент?

— Не знаю, получим ли мы сегодня из Сан-Исидро. Надо оставить на всякий случай.

На самом краю стойки стояла ваза в виде лесенки, и там лежали конфеты. Прыщ поднялся с табурета и встал перед корзинкой. Он долго рассматривал яркие палочки, не зная, что выбрать. Наконец взял три брикета и сунул в карман.

— Одна «Беби Рут», одна «Любовное гнездышко» и одна «Кокосовая киска», — сказал он.

— «Кокосовая киска» — десять центов. Она с орехами, — сказала Алиса.

— Я знаю, — сказал Прыщ.

Алиса достала из-за стойки блокнот.

— Ты забежал вперед жалованья, — сказала она.

Глава IV

Как только Причарды вышли из спальни, Норма быстро сказала:

— Мне надо немного помыться и причесаться, — и кинулась к двери.

Алиса двинулась за ней по пятам.

— В ванную после меня, — холодно сказала она.

Норма прошла через спальню Чикоев к себе. Она закрыла за собой дверь и, поскольку ключа не было, заперлась на задвижку, чтобы не помешали. Ее узкая складная кровать была не застелена, а у стены стоял большой чемодан Эрнеста с образцами.

Комнатка была тесная. Одну стену занимал низкий комод с тазом и кувшином; над ним была прибита блестящая шелковая наволочка с бахромой. Она была розовая, с изображением скрещенных пушек на букете красных роз. И на ней было напечатано стихотворение «Письмо солдата к матери».

Тебя, о мама, помню в громе битвы,
Меня хранят от пуль твои молитвы,

Когда мы победим врага в борьбе,
Родная мама, я вернусь к тебе.

Норма оглянулась на окно, серое от дождевого света, и, сунув руку за пазуху, отогнула ворот платья. К изнанке английской булавкой был приколот ключик. Норма его отколола. Потом выдвинула из-под комода чемодан и отперла. Сверху лежал глянцевый портрет Кларка Гейбла в серебряной рамке и с надписью «С наилучшими пожеланиями — Кларк Гейбл». Портрет, рамка и надпись были куплены в магазине подарков в Сан-Исидро.

Она торопливо запустила руку на дно чемодана. Пальцы нащупали квадратную коробочку с кольцами. Норма вытащила ее, сдернула крышку, увидела, что кольца на месте, и опять спрятала на дно. Потом закрыла и заперла чемодан, задвинула под комод и снова приколола ключ к изнанке платья. После этого она выдвинула ящик комода, взяла щетку и гребень и повернулась к окну. На стене, рядом с красно-зеленой цветастой кретоновой занавеской, висело зеркало в раме. Норма подошла к нему и стала смотреть на себя.

Свинцовый свет из окна падал на ее лицо. Она широко раскрыла глаза, после чего улыбнулась,

показав все зубы, — жизнерадостно улыбнулась. Она приподнялась на цыпочки, помахала громадной толпе и опять улыбнулась. Она провела гребнем по жидким волосам — гребень застрял в завитых концах, она дернула. Потом взяла из ящика карандаш и подвела тупым грифелем бесцветные брови; дуги нарисовала покруче, отчего лицо приобрело удивленное выражение. Потом стала расчесывать волосы щеткой: десять раз одну сторону, десять раз другую. Причесываясь, она приподнималась на носки и напрягала мускулы — то на левой ноге, то на правой, — чтобы развить икры. Этот метод рекомендовала одна кинозвезда, которая в жизни не делала упражнений, но имела красивые ноги.

Норма бросила взгляд на окно, где свет потускнел еще больше. Не дай Бог подсмотрят этот нелепый танец. Скрытностью Норма превосходила айсберг. Снаружи виднелась только крохотная часть Нормы. Потому что несравненно большая, лучшая и прекраснейшая часть Нормы была внутри ее, защищена и закупорена.

Ручка двери повернулась, и на дверь нажали. Норма напряглась и оцепенела. Двигалась только одна рука, она лихорадочно стирала брови, от чего на лбу образовались серые полосы. А в дверь

уже стучались. Стучались легонько и вежливо. Она положила щетку на комод, обдернула платье и подошла. Вытянула задвижку, приоткрыла дверь. На нее смотрело лицо Эрнеста Хортона. Его плотные ворсистые усики выгнулись подковкой.

Норма пока не отпускала дверь.

— Вы все были так любезны и прочее, — сказал он. — И мне очень неприятно причинять вам лишнее беспокойство.

Норма слегка расслабилась, но дышала еще тяжеловато. Она открыла дверь и отступила. Эрнест со смущенной улыбкой вошел в комнату. Он остановился возле кровати.

— Как же я не заправил койку, — сказал он и, расстелив простыню и одеяло, принялся сгонять складки.

— Не надо, я сама, — сказала Норма.

— Я вам обещал чаевые, а вы не подождали, — сказал Эрнест. — Но я приготовил. — Он застелил кровать аккуратно, как будто набил на этом руку.

— Да я бы сама убрала, — сказала Норма.

— Уже убрал, — ответил он. Он подошел к своему большому чемодану. — Не возражаете, я открою? Я хочу кое-что вынуть.

— Давайте, — сказала Норма. Глаза ее загоре-

лись любопытством.

Он положил большой чемодан на ее кровать, щелкнул замком и откинул крышку. В чемодане были чудесные вещи. Тут были картонные трубки и платки, менявшие цвет. Тут были взрывающиеся сигары и вонючие бомбочки. Тут были и трубки для чревовещания, и рожки, и карнавальные бумажные шапки, и флажки, и смешные значки. Были шелковые наволочки вроде той, что висела над столиком. Эрнест достал шесть искусственных раненых ног в плоских упаковках, и Норма подошла поближе, чтобы заглянуть в замечательный чемодан. Взгляд ее привлекли фотографии киноартистов. Карточки были запрессованы в прозрачный пластик толщиной не меньше половины сантиметра. И у них было еще одно любопытное свойство. Они не выглядели плоскими. То ли благодаря хитрому изгибу, то ли из-за игры преломленного света лица были как бы выпуклые, выходящие из глубины. Карточки казались трехмерными, а размером были двадцать на двадцать пять сантиметров.

Сверху улыбался, как живой, Джеймс Стюарт; из-под него высовывался еще чей-то краешек — только волосы и часть лба, однако Норма узнала этот лоб и волосы. Губы у нее разжались, глаза

блеснули. Рука потянулась к чемодану и убрала Джеймса Стюарта прочь. И правда — он, Кларк Гейбл, глядел на нее, выпуклый, натуральный. У него было серьезное, сосредоточенное выражение — подбородок вперед, глаза спокойные и внимательные. Таким на портретах она его не видела. Она глубоко вздохнула, стараясь, чтобы этого не было слышно. Она вынула карточку из чемодана, глядя ему в глаза остановившимися расширенными глазами.

Эрнест наблюдал за ней и заметил ее интерес.

— Правда, потрясающе? — сказал он. — Новая идея. Заметили, что они выпуклые, почти как статуя?

Норма кивнула, онемев.

— Предсказываю, — объявил Эрнест. — Перед всей торговлей ручаюсь. Эта штучка выметет с рынка все остальные картинки, навсегда. Она кислотоустойчива, влагоустойчива и никогда не желтеет — она вечная. Она отформована и заплавлена прямо в рамке. Она вечная.

Норма не сводила глаз с портрета. Эрнест хотел забрать его, но ее пальцы вцепились в карточку, как когти.

— Сколько? — Слово прозвучало как хриплое глубокое рычание.

— Это только образец, — сказал Эрнест. — Чтобы показывать торговцам. Не для продажи. Их заказывают.

— Сколько? — Ее пальцы побелели от напряжения. Эрнест посмотрел на нее внимательно. Он увидел, что лицо ее застыло, желваки затвердели и ноздри раздуваются от сдерживаемого дыхания.

Эрнест сказал:

— В розницу они идут по два доллара, но я говорил, что с меня причитаются хорошие чаевые. Вы больше хотите это, чем чаевые?

Голос Нормы прозвучал хрипло:

— Да.

— Тогда берите.

Белизна медленно сошла с ее пальцев. В глазах светилось торжество. Она облизнула губы.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо вам. — Она повернула карточку лицом к себе и прижала к груди. Пластмасса была не холодная, как стекло, а теплая и нежная на ощупь.

— А я, пожалуй, обойдусь одним образцом, — сказал Эрнест. — Понимаете, я двигаюсь на юг. В контору вернусь только через полтора месяца. Две недели решил провести в Лос-Анджелесе. Для моих товаров — лучше города нет.

Норма унесла карточку к комоду, выдвинула ящик, засунула карточку под белье и задвинула ящик.

— Вы, наверно, и в Голливуд попадете, — сказала она.

— А как же. С игрушками там еще лучше, чем в Лос-Анджелесе. А потом, у меня там — вроде отпуска. У меня там много друзей. Устраиваю себе отпуск, гуляю, смотрю разные разности и заодно с торговлей знакомлюсь. Убиваю двух зайцев. Времени не теряю. У меня там фронтовой друг на студии работает. С ним и развлекаемся. В прошлый раз начали с «Мелроз-грота». Это на Мелроз, рядом со студией РКО. Вот погуляли! Я вам не буду рассказывать, чем мы занимались, но я в жизни так не веселился. А другу, конечно, потом пришлось идти на работу, на студию.

Норма навострила уши, как щенок, когда он наблюдает за жуком.

— Ваш друг работает на студии? — равнодушно переспросила она. — На какой?

— «Метро-Голдвин-Майер», — сказал Эрнест. Он укладывал чемодан и не смотрел на нее. Он не услышал ее свистящего дыхания и неестественных ноток в ее голосе.

— Вы тоже бываете на студии?

— Ага. Вилли устраивает мне пропуск. Иногда хожу смотреть на съемки. Вилли — плотник. Работал там до войны и опять вернулся. Мы вместе служили. Прекрасный малый. На вечеринках — незаменим! У него знакомых барышень, телефонов у него — вы себе представить не можете. Толстая черная книжка — и вся полна телефонами. Сам не помнит половину дам, которые у него записаны.

Эрнест постепенно зажигался темой. Он сел на стульчик возле стены. Он засмеялся.

— В начале войны — я его еще не знал — он служил в Санта-Ане. Офицеры, значит, прослышали про его черную книжечку и стали брать Вилли в Голливуд. Вилли добывал для них дам и увольнение получал, когда хотел. Ему неплохо жилось, пока их часть не посадили на пароход.

Во время этих воспоминаний в глазах у Нормы появилось выражение досады. Она теребила свой фартук. Голос ее сделался высоким, потом низким.

— Скажите, вас не очень стеснит, если я попрошу об одном одолжении?

— Да нет, — сказал Эрнест. — О каком?

— Если я дам вам письмо, а вы вдруг… ну, окажетесь на студии МГМ и случайно встретите

мистера Гейбла. Так вы ему… его не передадите?

— Кто это — мистер Гейбл?

— Мистер Кларк Гейбл, — сурово сказала Норма.

— А-а, он. Вы его знаете?

— Да, — сказала Норма ледяным голосом. — Я… я его двоюродная сестра.

— Вон что? Ну конечно, передам. Но вдруг я туда не попаду? Почему вы не отправите по почте?

Глаза у Нормы сузились.

— Почта до него не доходит, — загадочно сказала она. — Там сидит девица — ну, секретарша, так она просто забирает письма и сжигает.

— Да что вы? — сказал Эрнест. — Зачем?

Норма остановилась и подумала.

— Там просто не хотят, чтобы он их получал.

— Даже от родственников?

— Даже от двоюродной сестры, — сказала Норма.

— Это он вам сказал?

— Да. — Глаза у нее были широко раскрыты и ничего не выражали. — Да. Конечно, я скоро туда поеду. Были предложения, и раз я даже собралась ехать, но мой двоюродный брат — то есть мистер Гейбл — сказал, он сказал: «Нет, тебе надо набраться опыта. Ты молода. Тебе некуда спешить».

И я набираюсь опыта. В закусочной очень много узнаешь о людях. Я их все время изучаю.

Эрнест посмотрел на нее с некоторым сомнением. Он слышал фантастические рассказы об официантках, которые в одну ночь становились звездами сцены, но у Нормы не те буфера, подумал он, и не те ноги. Ноги у Нормы были как палочки. Хотя он знал о двух или трех кинозвездах, которые без грима до того неинтересны, что на улице их никто и не узнает. Он читал о них. А Норма — хотя внешность у нее неподходящая — ну, ей подложат, где надо, и если Кларк Гейбл ей двоюродный брат, то при такой руке не пропадешь. Все двери открыты.

— В этот раз я вообще-то не собирался просить у Вилли пропуск, — сказал он. — Бывал уже я там… но, если вам нужно, я туда схожу, найду его и передам ваше письмо. А все-таки зачем, по-вашему, они выкидывают его почту?

— Просто хотят выжать из него все, что можно, а потом выкинуть его, как старый башмак, — сказала Норма со страстью. Чувства накатывали на нее волна за волной. Она была в экстазе, и в то же время ее душил страх. Норма не была лгуньей. Такого, как сейчас, с ней никогда не случалось. Она шла по длинной шаткой доске и понимала

это. Одного вопроса, малейшей осведомленности со стороны Эрнеста было бы достаточно, чтобы скинуть ее в пропасть, но остановиться она не могла.

— Он великий человек, — говорила она, — великого благородства человек. Ему не нравятся роли, которые его заставляют играть, потому что он не такой. Ретта Батлера — он не хотел его играть, потому что он не подлец и не любит играть подлецов.

Эрнест опустил голову и наблюдал за Нормой исподлобья. И Эрнест начал понимать. Разгадка забрезжила в его сознании. Красивее, чем сейчас, Норма никогда не будет. Ее лицо выражало достоинство и отвагу и по-настоящему сильный прилив любви. Эрнесту оставалось либо осмеять ее, либо ей подыгрывать. Если бы в комнате был посторонний, например другой мужчина, Эрнест бы, наверно, ее высмеял из страха, что этот посторонний будет его презирать, и высмеял бы тем наглее, с тем большим стыдом, что видел, как светится в девушке сильное, чистое, всепоглощающее чувство. Это оно заставляет новообращенных пролеживать ночи на камнях перед алтарем. Такого излияния нектара любви, такого открытого жара Эрнесту ни в ком не при-

ходилось видеть.

— Я возьму письмо, — сказал он. — Я скажу, что это от двоюродной сестры.

На лице у Нормы появился испуг.

— Нет, — сказала она. — Лучше, если это будет сюрпризом. Скажите — просто от друга. Больше ничего, ничего не говорите.

— Когда вы думаете поехать туда работать? — спросил Эрнест.

— Мистер Гейбл говорит, что надо еще год подождать. Говорит, я еще молода, надо набраться опыта, узнать людей. Правда, иногда я от этого очень устаю. Так скучаю иногда по своему дому со… с большими тяжелыми шторами и длинным диваном. Так хочется повидать всех моих подруг — Бэт Дэвис, Ингрид Бергман, Джон Фонтейн, — а с теми, остальными-то, которые вечно разводятся и всякое такое, я компанию не вожу. Мы просто сидим, говорим о серьезных вещах и все время занимаемся — ведь только так можно развиться и стать великой актрисой. А есть еще много таких, которые плохо обходятся с поклонниками — не дают автографов и так далее, — а мы нет! То есть мы не такие. Иногда мы даже приводим девушек прямо с улицы — выпить чаю и поговорить, как будто мы ровня, — мы-то

понимаем, что всем обязаны верности наших поклонников. — Внутри у нее все содрогалось от страха, а остановиться она не могла. Она слишком далеко зашла по доске и не могла остановиться, и доска уже не держала ее.

Эрнест сказал:

— Я сначала не понял. Вы уже снимались? Вы уже знамениты?

— Да, — сказала Норма. — Но мое здешнее имя ничего вам не скажет. В Голливуде меня знают под другим именем.

— Под каким?

— Я не могу сказать, — ответила Норма. — Вы тут единственный, кто обо мне что-то знает. Только никому не говорите, ладно?

Эрнест был потрясен.

— Да, — пообещал он, — не скажу, раз вы не хотите.

— Храните мою тайну свято, — сказала Норма.

— Ну ясно, — сказал Эрнест. — Так давайте письмо, и не беспокойтесь, он его получит.

— Это кто это что получит? — произнесла в дверях Алиса. — Что вы тут делаете вдвоем в спальне? — Подозрительно шаря в поисках улик, взгляд ее скользнул по чемодану с образцами на кровати, задержался на подушке, оценил состо-

яние покрывала и наконец добрался до Нормы. Он двинулся от туфель по ногам, помедлил на юбке, помешкал на талии и остановился на ее пылающем лице.

Норме от смущения чуть не стало дурно. Щеки пошли красными пятнами. Алиса подбоченилась.

Эрнест примирительно сказал:

— Я просто хотел убрать с дороги мой чемодан, а она попросила меня передать письмо двоюродному брату в Лос-Анджелесе.

— Нет у ней брата в Лос-Анджелесе.

— Как же нет, когда есть, — сердито сказал Эрнест, — я знаю ее брата.

И тут злость Алисы, все утро искавшая выхода, вырвалась на волю.

— Слушайте, вы! — закричала Алиса. — Не хватало еще, чтобы всякий заезжий торгаш портил моих девчонок!

— Да никто ее не трогал, — сказал Эрнест. — Никто до нее пальцем не дотронулся.

— Ах нет? А что вы делаете у нее в спальне? А на физиономию ее посмотрите! — Алиса созрела для истерики. Сильные, хриплые, визгливые звуки вырывались из ее глотки. Волосы свалились на лицо, глаза выкатились и намокли. Губы же-

стоко сжались, как у боксера, который добивает потрясенного соперника. — Я этого не потерплю! Не хватало еще, чтобы она понесла! Не хватало мне щенков по всему дому! Мы вам отдали свои комнаты, свои кровати!

— Да говорят вам, ничего не было! — закричал ей Эрнест. Перед этим бредовым натиском он чувствовал себя совершенно беспомощным. И то, что он ей возражает, звучало для него чуть ли не признанием вины. Он не понимал, что на нее нашло, ему стало муторно от такой несправедливости, и в нем тоже зашевелился гнев.

У Нормы был открыт рот, ей передался микроб истерии. Она дышала шумно и при каждом вздохе подвывала. Ее руки выкручивали друг дружку, словно хотели изломать.

Алиса надвигалась на Норму, сжав правую руку в кулак, и не по-женски: пальцы были сложены ровно, костяшками вверх, большой плотно лежал на суставах указательного и среднего. Слова выходили с хриплым клокотанием.

— Вон отсюда! Вон из дома! Вон, под дождь!

Алиса подступила к Норме, Норма попятилась, и у нее вырвался испуганный визг.

За дверью послышались быстрые шаги и — окрик Хуана:

— Алиса!

Она замерла. Рот у нее тоже открылся, в глазах возник страх. Хуан медленно вошел в комнату. Большие пальцы он зацепил за карманы комбинезона. Он приближался к ней легко, как кошка подкрадывается к добыче. Золотое кольцо на обрубке пальца тускло блестело в свинцовом свете из окна. У Алисы вся ярость превратилась в страх. Она съежилась, отступила, отошла за кровать, очутилась в тупике, допятилась до стены и там замерла.

— Не бей меня, — прошептала она. — Пожалуйста, не бей.

Хуан подошел к ней вплотную, его правая рука медленно протянулась к ее руке и взяла повыше локтя. Од смотрел на нее — не сквозь нее и не мимо. Он мягко повернул ее, провел по комнате и за дверь и закрыл дверь, оставив Эрнеста и Норму вдвоем.

Они смотрели на закрытую дверь почти не дыша. Хуан подвел Алису к двуспальной кровати, мягко повернул, и она осела, как калека, повалилась на спину, бессмысленно глядя на него. Он взял подушку с изголовья и подложил ей под голову. Его левая рука — с обрезанным пальцем и кольцом — ласково погладила ее по щеке.

— Ничего, сейчас успокоишься, — сказал он.

Алиса накрыла лицо руками крест-накрест и зарыдала — хрипло, придушенно, без слез.

Глава V

Бернис Причард, ее дочь Милдред и мистер Причард сидели за столиком справа от входа. Эти трое здесь сблизились. Старшие — потому, что чувствовали себя в каком-то смысле осажденными, а Милдред — из покровительственного чувства к родителям. Она часто удивлялась, как родители выжили в этом грешном и буйном мире. Она считала их наивными и беззащитными детьми — и в отношении матери была отчасти права. Но Милдред забывала о детской прочности, устойчивости, о простодушном упорстве — добиться своего. И Бернис обладала такой прочностью. Она была довольно миловидна. У нее был прямой нос, и она так давно носила пенсне, что оно даже повлияло на его форму. Верхняя, хрящевая часть носа не только утончилась из-за пенсне, но и приобрела два красных пятнышка на местах, куда жали пружины. Глаза у нее были фиалковые, близорукие, что придавало ее взгляду милое затаенное выражение.

Она была изящная и женственная и одевалась чуть старомодно. Носила иногда жабо, старинные

брошки. Блузки — всегда с кружевом, с мережкой, с безукоризненно свежим воротничком и манжетами. Употребляла лавандовую воду, отчего ее кожа, одежда и сумочка всегда пахли лавандой и еще другим, почти неуловимым кисловатым запахом, который был ее собственным. У нее были красивые ноги от щиколоток и ниже, и она обувала их в очень дорогие туфли, обычно лайковые, на шнурках, с бантиком на подъеме. Рот у нее был вяловатый, детский, мягкий, довольно бесхарактерный. Разговаривала очень мало, но в своем кругу слыла человеком добрым и проницательным: первое — благодаря тому, что говорила о людях только хорошее, даже о незнакомых, второе — благодаря тому, что не высказывала общих соображений ни о чем, кроме духов и еды. Соображения других выслушивала с тихой улыбкой, как бы извиняя им то, что у них есть соображения. На самом деле она их не слушала.

Было время, Милдред плакала от ярости, когда мать встречала этой понимающей, извиняющей улыбкой ее очередной политический или экономический монолог. Лишь много позже дочь уяснила, что мать не слышит никакого разговора, если он не затрагивает людей, мест и вещей. С другой стороны, Бернис не забывала ни одной

подробности, касающейся товаров, расцветок и цен. Она могла точно вспомнить, сколько было уплачено за черные замшевые перчатки семь лет назад. Она питала слабость к перчаткам и кольцам — любым кольцам. Их у нее накопилось изрядно, но с бриллиантовым колечком, которое мистер Причард подарил ей при помолвке, и с золотым обручальным она не расставалась никогда. Снимала их только перед ванной. А когда мыла в раковине с нашатырем гребни и щетки, оставляла их на пальцах. Нашатырь очищал кольца, и бриллиантики блестели ярче.

Ее супружеская жизнь была довольно приятной, и она была привязана к мужу. Она считала, что изучила его слабости, его фокусы и его желания. Сама она из-за небольшого природного изъяна, так называемого клобучка, не могла извлекать все радости из семейной жизни; кроме того, из-за повышенного отделения кислот не могла зачать без того, чтобы кислая среда была предварительно нейтрализована. Обе эти особенности она считала нормальными, а всякое отклонение от них — ненормальностью и дурным вкусом. Женщин чувственного склада называла «женщинами этого сорта» и немного жалела их, так же как наркоманок и алкоголи-

чек.

Пробудившуюся было страсть мужа она приняла, а затем постепенно, незаметным, но упорным сопротивлением сперва перевела в удобное русло, потом обуздала, а потом удушила, так что порывы у него возникали все реже и реже, покуда он сам наконец не поверил, что вступил в возраст, когда эта сторона жизни не играет роли.

По-своему она была очень сильной женщиной. Домашнее хозяйство у нее было поставлено толково, чисто и удобно, и еду она готовила питательную, пусть и не слишком вкусную. Специй не признавала: ей давно сказали, что они возбуждают мужчину. Никто из троих — ни мистер Причард, ни Милдред, ни она сама — не полнел, — возможно, из-за скучной пищи. Эта пища не вызывала чрезмерного аппетита.

Среди друзей Бернис считалась милейшим, бескорыстнейшим человеком на свете, и они часто называли ее святой. А сама она часто говорила, как ей незаслуженно повезло, что из всех людей на свете именно у нее самые прекрасные, самые верные друзья. Она обожала цветы, сажала их, и прищипывала, и удобряла, и обрезала. Она всегда держала в доме большие вазы с цветами, и друзья говорили, что к ней приходишь, как в

цветочный магазин, и до чего же красиво она составляет букеты.

Лекарств она не принимала и без жалоб терпела частые запоры, покуда избавление не происходило силою вещей. Она не перенесла ни одной тяжелой болезни или травмы, а потому у нее не было мерила боли. Колотье в боку, легкий прострел, резь от газов под ложечкой втайне убеждали ее, что она при смерти. Когда она носила Милдред, она не сомневалась, что умрет, и привела свои дела в порядок, чтобы облегчить жизнь Причарду. Она даже написала письмо — с указанием вскрыть после ее смерти, — где советовала ему снова жениться, чтобы ребенок не рос совсем без матери. Потом она это письмо уничтожила.

Ее тело и ум были вялы и ленивы, и в глубине души она боролась с завистью к людям, у которых, казалось ей, бывают в жизни радости, тогда как ее жизнь проходит серым облаком в серой комнате. Обделенная восприятиями, она жила правилами. Образование полезно. Самообладание необходимо. Всему свое время и свое место. Путешествия расширяют кругозор. Эта последняя аксиома и погнала ее в результате путешествовать по Мексике.

Как она приходила к своим выводам, непонятно было даже ей самой. Это был долгий, медленный процесс накопления косвенных признаков, предположений, случайностей — тысяч их, — покуда наконец в совокупности они не решали дело. По сути же, в Мексику ей не хотелось. Ей просто хотелось вернуться к друзьям — из Мексики. Мужу совсем туда не хотелось. Он согласился только ради семьи и в надежде, что это будет полезно ему в культурном отношении. А Милдред хотелось — но не с родителями. Ей хотелось встретить новых и необычных людей и от общения с ними тоже стать новой и необычной. Милдред ощущала в себе мощные скрытые залежи чувств, и, вероятно, они в ней были. Они почти в каждом есть.

Бернис Причард, хотя и отвергала суеверия, была очень чутка к приметам. Поломка автобуса в начале пути напугала ее и, видимо, сулила цепь неприятностей, которые погубят все путешествие. Она видела, что муж не в своей тарелке. Ночью, лежа без сна на двуспальной кровати Чикоев и прислушиваясь ко вздохам мистера Причарда, она сказала:

— Все это превратится в приключение, когда останется позади. Я прямо слышу, как ты об этом рассказываешь. Будет смешно.

— Да, пожалуй, — ответил мистер Причард.

Они были привязаны друг к другу — примерно как брат с сестрой. В изъянах своей жены как женщины мистер Причард усматривал признак настоящей леди. Насчет ее верности беспокоиться не приходилось. Подсознательно он понимал, что жена у него холодная, но умом полагал это правильным. Свою нервозность, дурные сны, резкие боли, случавшиеся в области желудка, он приписывал неумеренному потреблению кофе и сидячему образу жизни.

Ему нравились красивые волосы жены, всегда завитые и чистые, нравилась ее опрятность в одежде и льстили комплименты по поводу ее хозяйственности и цветов. Такой женой можно было гордиться. Она вырастила прекрасную дочь, прекрасную, здоровую девушку.

Милдред была прекрасная девушка — высокая девушка, на пять сантиметров выше отца и на тринадцать выше матери. Она унаследовала от матери фиалковый цвет глаз и вместе с ним — близорукость. Без очков она видела плохо. У нее была хорошая фигура, крепкие ноги с сильными тонкими лодыжками. Ляжки и ягодицы у нее были ровные, гладкие и плотные от тренировок. Она была хорошей теннисисткой и играла

центровой в баскетбольной команде колледжа. Груди у нее были большие, тугие и широкие в основании. Физиологический недостаток матери ей не передался, и она уже пережила два полноценных романа, которые принесли ей глубокое удовлетворение и породили тягу к более постоянной связи.

Подбородок у Милдред был твердый и упрямый, как у отца, а рот мягкий, с полными губами, немного испуганный. Она носила очки в толстой черной оправе, придававшие ей ученый вид. Для новых знакомых всегда бывало неожиданностью увидеть Милдред на танцах без очков. Танцевала она хорошо, разве только чересчур правильно: усердная спортсменка, она, наверно, и в танцы вкладывала слишком много усердия в ущерб свободе. В танце у нее была некоторая склонность вести, но партнер с твердыми убеждениями мог преодолеть ее.

У Милдред тоже были твердые убеждения, но менявшиеся. Она участвовала в кампаниях, обычно благородных. Она совсем не понимала отца, потому что он ее всегда озадачивал. Говоря ему что-то здравое, логичное, разумное, она наталкивалась на непроходимую тупость, полное отсутствие мысли, которое ее ужасало. И тут же

он мог высказаться или поступить так умно, что она кидалась в другую крайность. Свысока она определяла его как карикатурного коммерсанта, загребущего, серого, черствого, а он вдруг разрушал ее уютную схему поступком или мыслью, отмеченными добротой и чуткостью.

О его эмоциональной жизни она и вовсе ничего не знала, так же как он — о ее. То есть в ее представлении у человека средних лет вообще не могло быть эмоциональной жизни. Милдред, которой шел двадцать второй год, считала, что у пятидесятилетнего никаких паров и соков не остается, — и считала не без оснований, поскольку и мужчины, и женщины этого возраста были непривлекательны. Влюбленный или влюбленная пятидесяти лет показались бы ей зрелищем непристойным.

Если между Милдред и отцом лежала пропасть, то от матери ее отделяла бездна. Женщина, лишенная сильных желаний, не могла приблизиться к девушке, у которой они были. Попробовав сначала поделиться с матерью своими восторгами, найти поддержку своим чувствам, Милдред наткнулась на глухоту, полное непонимание — и отпрянула, опять ушла в себя. Она долго ни с кем не откровенничала, не пыталась никому

открыться, думая, что она одна такая на свете, а остальные женщины похожи на ее мать. Но наконец полное доверие Милдред завоевала крупная мускулистая женщина, тренировавшая университетских хоккеисток, бейсболисток и лучниц, — завоевала, а потом захотела с ней жить. Это потрясение изгладилось только тогда, когда с ней стал жить студент инженерного факультета — молодой человек с мягким голосом и жесткими волосами.

Теперь Милдред держала свои чувства при себе, думала свои мысли про себя и ждала, когда смерть, замужество или случай освободят ее от родителей. Но она любила родителей и ужаснулась бы, если бы умом поняла, что желает им смерти.

Между ними троими никогда не было тесной близости, хотя все приличия соблюдались. Они были и нежны, и заботливы, и ласковы друг с другом, но Хуан Чикой с Алисой регулярно возобновляли отношения, о каких мистер Причард и его жена не могли и помыслить. И они даже не догадывались о существовании людей, которые утоляли потребность их дочери в дружбе. И не могли догадываться. Не должны были. Молодых женщин, танцевавших нагишом на банкетах в

клубе, отец Милдред считал порочными, и хотя он глазел на них, платил им и хлопал, ему в голову не приходило, что он как-то связан с пороком.

Раза два по настоянию жены он предостерегал Милдред насчет мужчин, учил, как уберечь себя. Он давал понять — и сам верил, — что очень неплохо знает жизнь, а все его знание, помимо чужих рассказов, сводилось к одному визиту в публичный дом, банкетикам и сухому безучастному снисхождению жены.

В это утро на Милдред были свитер, плиссированная юбка и туфли наподобие мокасин. Семья сидела за столиком в закусочной. Длинный жакет миссис Причард из черно-бурой лисы висел на крючке подле мистера Причарда. Мистер Причард привык пасти этот жакет, подавать его жене, принимать у жены, следить, чтобы он был аккуратно повешен, а не валялся как попало. Если где-то мех был примят, он пушил его ладонью. Он любил этот жакет, любил за то, что он дорогой, любил смотреть на жену в жакете и слушать, как его обсуждают другие женщины. Черно-бурая лиса встречалась сравнительно редко, а кроме того, была ценным имуществом. Мистер Причард считал, что с ней надо хорошо обращаться. Он первым напоминал, что пора отвезти жакет на

лето в холодильник. Он же и высказал мысль, что, пожалуй, не стоит брать его в Мексику: во-первых, Мексика — тропическая страна, а во-вторых, там бандиты, они могут украсть жакет. Миссис же Причард полагала, что взять стоит: во-первых, они заедут в Лос-Анджелес и Голливуд, а там все носят мех, а во-вторых, ей говорили, что ночи в Мехико холодные. Мистер Причард охотно уступил; для него, так же как для жены, этот мех был знаком их положения. Он рекомендовал их как людей преуспевающих, консервативных и солидных. Тебя совсем иначе принимают, если у тебя меховое пальто и дорогие чемоданы.

Сейчас жакет висел около мистера Причарда, и он сноровисто пробегал пальцами по меху, высвобождая длинную ость из подшерстка. Сидя за столиком, они услышали за дверью спальни хриплые крики Алисы, бросавшейся на Норму; их зверская грубость глубоко потрясла всех Причардов — и сблизила, насколько это было возможно. Милдред закурила сигарету, избегая материнского взгляда. Курить она начала всего полгода назад, когда ей исполнился двадцать один. После первого взрыва эту тему больше не обсуждали, но каждый раз, когда Милдред закуривала при ней, мать всем своим видом выражала неодобрение.

Дождь перестал, только капало с дубов на крышу. Побитая водой земля промокла, размякла. Пшеница, тучная и тяжелая от обильной дождями весны, легла под последним ливнем, и поля покрылись как бы застывшими волнами. Вода точилась, бежала, лилась, неслась в низины на полях. Канавы вдоль шоссе наполнились, и кое-где вода вышла даже на полотно. Повсюду журчала вода, бормотала вода. Все лепестки с золотых маков облетели, а сочный люпин тоже не вынес собственной тяжести и поник, как пшеница.

Разгуливалось. Тучи разлохматились, и уже плескалась в разрывах чистая синева, а по ней стремглав скользили шелковые клочья облаков. В вышине гулял крепкий ветер и растаскивал, перемешивал, скатывал тучи, но на земле воздух был совсем неподвижен, и пахло червями, мокрой травой, обнаженными корневищами.

С участка вокруг гаража и закусочной на Мятежном углу вода сливалась по канавкам в глубокий кювет у шоссе. Автобус в серебристой краске сверкал чистотой, вода еще капала с его бортов и каплями лежала на ветровом стекле. В закусочной было жарковато.

Прыщ стоял за стойкой и помогал готовить,

хотя до нынешнего дня ему это никогда не приходило в голову. Всегда, на прежних местах, он ненавидел работу, а потому, естественно, ненавидел и хозяина. Но переживания сегодняшнего утра были еще свежи. В ушах еще звучал голос Хуана: «Кит, вытри руки и погляди, как там у Алисы кофе». Ничего приятнее он в жизни не слышал. Ему хотелось что-то сделать для Хуана. Он выжал Причардам апельсины, подал кофе, а теперь пытался одновременно следить за гренками и сбивать яйца.

Мистер Причард сказал:

— Давайте все закажем болтушку. Так им будет проще. Мне можно подать на сковородке, и сделайте посуше.

— Хорошо, — сказал Прыщ. Сковорода у него перекалилась, и яичница скворчала и трещала, распространяя запах мокрых куриных перьев, который сопутствует чрезмерно быстрой жарке.

Милдред закинула ногу на ногу, и подол юбки затянулся под колено, так что с противоположной от Прыща стороны оно, наверно, оголилось. Он хотел зайти с той стороны и посмотреть. Его узкие глаза без конца шныряли туда — ухватить что можно. Только чтобы не заметила, как он смотрит ей на ноги. Он все рассчитал в уме. Если

она не опустит ногу, он пойдет подавать яичницу, а через руку повесит салфетку. Потом, когда он поставит тарелки, он зайдет за их стол шага на четыре и как бы случайно салфетку уронит. Он наклонится, посмотрит из-под локтя и тогда сможет увидеть ногу Милдред.

Он приготовил салфетку и мешал, торопил яичницу, пока Милдред не переменила позу. Ворошил яичницу. Яичница уже пригорела, а Прыщ загребал только поверху, чтобы не содрать со дна корку. Чад от сгоревших яиц наполнил закусочную. Милдред подняла взгляд и заметила огонек в глазах Прыща. Она посмотрела вниз, увидела, как задралась юбка, и обдернула ее. Прыщ следил за ней исподтишка. Он понял, что попался, и щеки у него вспыхнули.

Темный дым поднялся над яичницей, а над гренками поднялся синий дым. Хуан тихо вышел из спальни и принюхался.

— Господи Боже, — сказал он, — что ты делаешь, Кит?

— Хотел помочь, — смущенно ответил Прыщ.

Хуан улыбнулся:

— Спасибо, конечно, но лучше бы ты не жарил. — Он подошел к газовой плите, снял сковороду с горелой яичницей, сунул в раковину и

пустил воду. Яичница зашипела и забулькала, потом обиженно стихла. Хуан сказал: — Кит, пойди попробуй завести машину. Если не схватывает, подсос не трогай. Только зальешь. Если сразу не заведется, сними крышку распределителя и протри контакты. Могли отсыреть. Когда заведешь, несколько минут покрути на первой, а потом уже переключай, и пусть работает. Только смотри, чтобы он не стрясся с козел. На холостых — да?

Прыщ вытер руки.

— Масло сперва проверить, не уходит ли?

— Ага. Тебя учить не надо. Ага, взгляни. Утром на цапфе что-то было густо.

— Может быть, от тряски, — сказал Прыщ. Он забыл, как глядел на ногу Милдред. Он расцвел от похвалы Хуана.

— Кит, я не думаю, что он убежит, но все-таки ты за ним присматривай.

Прыщ подобострастно рассмеялся шутке хозяина и вышел на двор. Хуан поглядел в зал.

— Жена неважно себя чувствует, — сказал он. — Что прикажете? Еще кофе?

— Да, — сказал мистер Причард. — Молодой человек пытался изжарить яичницу, но сжег. Моя жена любит жидковатую…

— Если яйца свежие, — вставила его жена.

— Если яйца свежие, — повторил мистер Причард. — А я люблю посуше.

— Яйца свежие, да, — сказал Хуан. — Свежие, прямо со льда.

— Не уверена, что смогу съесть яйцо из холодильника, — сказала миссис Причард.

— Из холодильника, врать не буду.

— Я, пожалуй, обойдусь пончиком, — сказала миссис Причард.

— Я то же самое, — сказал мистер Причард.

Хуан открыто и с восхищением посмотрел на ноги Милдред. Она посмотрела на него. Он нехотя оторвал взгляд от ее ног, и в его черных глазах было столько удовольствия, столько откровенного восхищения, что она порозовела. В животе у нее стало тепло. Она ощутила электрический удар.

— А!.. — Она отвернулась. — Пожалуй, еще кофе. Ну, раз так, и пончик тоже.

— Пончиков осталось только два, — сказал Хуан. — Я подам два пончика и плюшку, а вы уж деритесь, кому что.

На дворе раздался рев автобуса и почти сразу перешел в тихое ворчание.

— Звук хороший, — сказал Хуан.

Из спальни тихо, чуть ли не крадучись, вышел Эрнест Хортон и осторожно прикрыл за собой

дверь. Он подошел к мистеру Причарду и положил на стол шесть плоских коробочек.

— Пожалуйста, — сказал он, — шесть.

Мистер Причард вынул бумажник.

— Найдется сдача с двадцати? — спросил он.

— Нет.

— Можете разменять двадцать? — спросил он Хуана.

Хуан нажал кнопку на кассе и поднял плоскую гирьку из отделения с бумажными деньгами.

— Могу десятками.

— Годится, — сказал Эрнест Хортон. — Доллар у меня, кажется, есть. С вас — девять. — Он забрал десятку, а мистеру Причарду отдал доллар.

— Что тут? — спросила миссис Причард. Она взяла коробку, но мистер Причард выхватил ее. — Не надо, — сказал он таинственно.

— Нет, что тут?

— Это мое дело, — игриво ответил мистер Причард. — Скоро узнаешь.

— Ах, сюрприз?

— Совершенно верно. А девочки пусть не суют носик не в свое дело. — Мистер Причард, когда был настроен игриво, всегда называл жену «девочкой», и она машинально начинала ему подыгрывать.

— А когда девочки увидят хорошенький подарок?

— Потерпи, — сказал он, засовывая плоские коробки в боковой карман. Он хотел охрометь, когда представится удобный случай. И даже придумал один вариант. Нога у него так заболит, что он сам не сможет снять туфлю и носок. И попросит жену снять ему туфлю и носок. То-то у нее будет лицо, то-то будет смеху! Она обомрет, когда увидит больную ногу.

— Что там, Элиот? — спросила она немного сварливо.

— Узнаешь — имейте терпение, девочки. Слушайте, — обратился он к Эрнесту, — я тут придумал поворотик. Потом расскажу.

Эрнест сказал:

— Ага, вот так вот мир и движется. Вы придумали поворотик — и обеспечены. Ломать вы ничего не хотите. Только поворотик — лицовка, как говорят в Голливуде. Это про сценарий. Берете картину, которая имела кассу, и делаете лицовку — так, не чересчур… не чересчур, а в меру, и получается вещь.

— Справедливо замечено, — сказал мистер Причард. — Справедливо замечено, друг мой.

— Интересно с этими поворотиками, — сказал

Эрнест. Он сел на табурет и закинул ногу на ногу. — Интересно, как можно обмануться в новой идее. Я, скажем, изобрел одну штуку и решил, что теперь могу посиживать да деньги считать — не тут-то было! Понимаете, много людей вроде меня разъезжают, и весь их гардероб — в чемодане. А тут, например, съезд или какое-то из ряда вон свидание. И нужен смокинг. А для смокинга нужно много места, а наденете вы его раз-другой за всю поездку. Вот у меня и возникла идея. Положим, рассудил я, у вас есть хороший темный костюм — темно-синий, или почти черный, или маренго, — и положим, к нему есть шелковые чехлы на лацканы, и ленты, которые пристегиваются к брюкам. Вечером вы надеваете хороший костюм, натягиваете шелковые чехлы на лацканы, пристегиваете ленты к брючинам — и вы уже в смокинге. Я даже придумал для них упаковку.

— Послушайте! — вскричал мистер Причард. — Чудесная идея! Ведь сколько места у меня в чемодане занимает смокинг — а зачем? Я лучше повезу такую штуку. Если вы возьмете патент и развернете рекламную кампанию, широкую, по всей стране… ну да — можно привлечь знаменитого киноартиста…

Эрнест поднял руку.

— Вот и я так думал, — сказал он. — И ошибался — и вы ошибаетесь. Я все уже вычертил — и как они будут надеваться, и как на брючинах будут шелковые петельки для крючков, которые на ленте… а у меня был приятель, коммивояжер в фирме готового платья… — Эрнест хохотнул, — так он мне открыл глаза. На тебя, говорит, все портные и все фабриканты накинутся сворой. Они продают смокинги по пятьдесят — сто пятьдесят долларов, а ты своей десятидолларовой штучкой подрубаешь их под корень. Да они тебя живьем съедят.

Мистер Причард важно кивнул:

— Да, суть ясна. Они должны защищать и себя, и своих акционеров.

— Он нарисовал не очень обнадеживающую картинку, — сказал Эрнест. — Я думал, я буду посиживать и считать доходы. Я думал: у того, кто летает, например, вес багажа ограничен. Имеет он право сэкономить на весе? А тут у него два костюма, но весят — как один. А потом мне пришла мысль — может быть, за это ухватятся ювелирные фирмы. Набор: запонки для манжет, для воротничка, мои лацканы и ленты — все в красивой коробке. Но это — пока так, предварительно. Ни с кем не советовался. Может быть,

что-то выйдет.

— Нам с вами надо встретиться и поговорить подробнее, — сказал мистер Причард. — Вы получили патент?

— Да нет. Мне не хотелось тратиться, пока этим никто не заинтересовался.

— Да, — сказал мистер Причард. — Пожалуй, вы правы. И адвокаты, и процедура — все это стоит изрядных денег. Наверно, вы правы. — Он переменил тему. — Когда мы сможем выехать? — спросил он Хуана.

— «Борзой» приходит около десяти. Они привозят обычный груз и пассажиров. Мы отправляемся в десять тридцать. По расписанию. Подать вам что-нибудь еще? Еще кофе?

— Еще кофе, — сказал мистер Причард.

Хуан подал ему и посмотрел через окно, как крутятся в воздухе колеса автобуса. Мистер Причард посмотрел на свои часы.

— У нас еще час, — сказал он.

Из-за угла дома появился высокий сутулый старик. Он ночевал в постели Прыща. Старик открыл дверь, вошел и сел на табурет. Его тонкая подагрическая шея была постоянно согнута, так что нос указывал прямо в землю. Ему было далеко за шестьдесят, и брови у него нависали

над глазами, как у скайтерьера. Длинная верхняя губа с глубокими морщинами выдавалась вперед, как короткий хоботок тапира. Уголок посередине казался хватательным органом. Глаза у него были золотисто-желтые, так что вид он имел свирепый.

— Мне это не нравится, — начал он без предисловий. — Вчера не понравилось, когда вы сломались, а сегодня еще больше не нравится.

— Я починил задний мост, — сказал Хуан. — Вон крутится.

— Я, кажется, верну билет и поеду обратно в Сан-Исидро на «борзом».

— Это — ваше право.

— У меня предчувствие, — сказал старик. — Мне все это не нравится. Что-то меня предостерегает. Раза два со мной так бывало. Один раз решил не обращать внимания — и попал в беду.

— Автобус в исправности, — сказал Хуан, слегка повысив от досады голос.

— Я не про автобус говорю, — сказал старик. — Я здесь живу, я местный. Земля насквозь промокла. Река Сан-Исидро сейчас поднялась. Вы не знаете, как она разливается. Сразу за Пико-Бланко она уходит в каньон Лоун-Пайн, и там большая излучина. Земля не принимает воду, и все до капли

стекает в Сан-Исидро. Сейчас она бушует.

Миссис Причард заметно встревожилась.

— Вы думаете, это опасно? — спросила она.

— Что ты, милая, — сказал мистер Причард.

— У меня предчувствие, — сказал старик. — Старая дорога шла вдоль излучины и реку не пересекала. Так вот, тридцать лет назад мистер Траск вылез в начальники дорожного управления. Старая дорога его, видите ли, не устраивала. Он соорудил два моста — и что он выгадал? Тридцать два километра он выгадал. Округу это обошлось в двадцать семь тысяч. Мистер Траск был жулик.

Он повернул согнутую шею и оглядел Причардов.

— Жулик. Его бы на другую работку наладили, да умер три года назад. Богатым умер. Два его сынка сейчас в Калифорнийском университете, живут на денежки налогоплательщиков. — Он умолк, и его верхняя губа задвигалась из стороны в сторону над длинными желтыми зубами. — Настоящего напора эти мосты не выдержат. Там бетон слабый. Я верну билет и поеду обратно в Сан-Исидро.

— Позавчера река была в норме, — сказал Хуан. — Почти никакого паводка.

— Не знаете вы эту реку. Она может подняться за два часа. Я видел, как она разливалась на три четверти километра и по ней плыли курятники и дохлые коровы. Нет, раз уж у меня предчувствие, я не поеду. Хотя я не суеверный.

— Вы думаете, мост может провалиться под автобусом?

— Что я думаю — мое дело. А что Траск был жулик — знаю. Оставил после себя состояние — тридцать шесть тысяч пятьсот долларов. И сынки-студенты сейчас их тратят.

Хуан вышел из-за стойки к настенному телефону.

— Алло, — сказал он. — Дайте мне станцию обслуживания Брида на Сан-Хуанской дороге. Номера не знаю. — Он подождал немного, потом сказал: — Алло. Это Чикой с Угла. Как река? У-у, да? Ну, а мост цел? Ага. Хорошо, ладно, до скорого. — Хуан повесил трубку. — Вода порядком поднялась, — объявил он. — Мост, говорят, цел.

— Когда над каньоном ливень, река может подняться на метр за три часа. Когда вы туда доберетесь, моста уже может не быть.

Хуан с легким раздражением обернулся к нему:

— Чего вы от меня хотите? Чтобы я не ехал?

— Это дело ваше. А я хочу сдать билет и вернуться в Сан-Исидро. Дурака валять и в ваших глупостях участвовать не буду. Один раз у меня было такое предчувствие, я не прислушался — и сломал обе ноги. Нет, дорогой мой, когда вы вчера сломались, у меня тоже появилось предчувствие.

— Считайте, что вернули билет, — сказал Хуан.

— О том и речь, любезный. Вы тут недавно. Вы не знаете того, что я знаю про Траска. Жалованье полторы тысячи в год, а наследства оставляет — тридцать шесть с половиной и земли шестьдесят пять гектаров. Видали?

Хуан сказал:

— Хорошо, будет вам место на «борзом».

— Я ведь вам не про Траска истории рассказываю. А говорю, как дело было. Сами соображайте, что к чему. Тридцать шесть тысяч пятьсот долларов.

Эрнест Хортон спросил:

— А если его снесет?

— Тогда мы по нему не переедем, — сказал Хуан.

— И что будем делать? Повернем назад?

— Конечно, — сказал Хуан. — Или назад, или перепрыгнем.

Сутулый старик торжествующе улыбнулся слушателям.

— Видите? — сказал он. — Вы сюда вернетесь, а автобуса на Сан-Исидро уже не будет. Сколько вы здесь просидите? Месяц? Подождете, пока новый мост построят? А вы знаете, кто теперь начальник дорожного управления? Студент. Прямо со студенческой скамьи. Книжки, книжки, а опыта никакого. Ну да, начертить мост он может, а построить? Это мы увидим.

Хуан вдруг рассмеялся.

— Замечательно, — сказал он. — Старый мост еще не снесло, а вам уже новый не нравится, который не построили.

Старик нагнул больную шею набок.

— Дерзим? — спросил он.

В черных глазах Хуана зажегся тусклый красный огонек.

— Да, — сказал он. — Я посажу вас на «борзой», не беспокойтесь. Не хотел бы я вас везти.

— А выкинуть меня не можете, вы — общественный транспорт.

— Ладно, — устало сказал Хуан. — Сам иногда удивляюсь, зачем я держу автобус. Может быть, скоро с ним развяжусь. Одна морока. Предчувствия у вас! Чушь!

Бернис внимательно прислушивалась к этому разговору.

— Я в них тоже не верю, — сказала она, — но говорят, в Мексике в это время года сухо. Как осенью. А дожди там летом.

— Мама, — сказала Милдред, — мистер Чикой знает Мексику. Он там родился.

— О, в самом деле? Сейчас там сухо, правда?

— Кое-где, — сказал Хуан. — Там, куда вы собираетесь, — наверное. Есть места, где сухо не бывает.

Мистер Причард откашлялся.

— Мы едем в Мехико и Пуэблу, а потом в Куэрнаваку и Тахко, может быть, съездим в Акапулько и на вулкан, если все будет хорошо.

— Все будет хорошо, — сказал Хуан.

— Вы знаете эти места? — осведомился мистер Причард.

— Конечно.

— Как там гостиницы? — спросил мистер Причард. — Знаете эти туристские агентства: все у них прекрасно. А как на самом деле?

— Прекрасные, — сказал Хуан, уже улыбаясь. — Роскошные. Каждое утро — завтрак в постель.

— Извините, если я причинил вам утром неудобства, — сказал мистер Причард.

— Да чего там. — Хуан оперся руками на стойку и заговорил доверительно: — Иногда просто надоедает. Катаешь на этом проклятом автобусе взад и вперед, взад и вперед. Иногда кажется, плюнул бы и уехал в холмы. Я читал про капитана парома в Нью-Йорке — как-то раз он взял курс в открытое море, и с тех пор о нем не слышали. Может быть, утонул, а может, причалил к какому-нибудь острову. Я его понимаю.

На шоссе перед закусочной притормозил громадный красный грузовик с прицепом. Водитель выглянул. Хуан помахал ладонью из стороны в сторону. Грузовик перешел на вторую скорость, прибавил газу и скрылся.

— Я думал, он заедет, — сказал мистер Причард.

— Он любит пирог с малиной, — сказал Хуан. — Когда у нас есть, он всегда останавливается. Я ему показал, что нет.

Милдред смотрела на Хуана не отрываясь. Чем-то трогал ее этот смуглый человек со странными теплыми глазами. Ее тянуло к нему. Ей хотелось привлечь его внимание — особое внимание. Она расправила плечи, так что грудь приподнялась.

— Почему вы уехали из Мексики? — спросила она и сняла очки, чтобы он увидел ее без очков,

когда будет отвечать. Она облокотилась на стол, поднесла указательный палец к наружному углу глаза и оттянула его к виску. Так глаз видел лучше. Она могла яснее разглядеть лицо. Кроме того, это придавало глазу томную миндалевидность, а глаза у нее были красивые.

— Не знаю, почему я уехал, — сказал ей Хуан. Его теплый взгляд будто окутывал ее и гладил. Внутри у нее все сладко опустилось. «Да что я, с ума сошла? — подумала она. — Надо прекратить». Живая и чувственная картина мелькнула у нее в голове.

Хуан сказал:

— Людям там, если они небогатые, приходится слишком тяжело работать за маленькие деньги. Это, наверно, главное, почему я уехал.

— Вы очень хорошо говорите по-английски, — сказала Бернис Причард так, как будто это было комплиментом.

— А что тут такого? Мать была ирландка. Учился сразу обоим языкам.

— Так вы мексиканский гражданин? — спросил мистер Причард.

— Наверно, — сказал Хуан. — Я этим как-то не интересовался.

— Вам не мешало бы подать прошение о граж-

данстве, — сказал мистер Причард.

— Зачем?

— Не помешало бы.

— Правительству это все равно, — ответил Хуан. — Налоги плачу, призвать меня могут.

— Тем не менее вам бы это не помешало, — сказал мистер Причард.

Взгляд Хуана играл с Милдред, трогал ее грудь, скользил по бедрам. Он увидел, как она вздохнула и слегка выгнула спину, и где-то на дне его души шевельнулась ненависть. Не сильная, потому что ее в нем было мало, но индейская кровь — была, и в сумраке прошлого гнездилась ненависть к ojos claros, светлым глазам, блондинам. Ненависть, страх перед белой кожей. Светлоглазые веками забирали лучшие земли, лучших лошадей, лучших женщин. Хуан ощутил в себе волнение, как слабую еще зарницу; его приятно согревала мысль, что если бы он захотел, он мог бы взять и скрутить эту девушку, надругаться над ней. Он мог бы нарушить ее покой, соблазнить и духовно, и физически, а потом прогнать. В нем зашевелилась жестокость, и он не мешал ей расти. Голос его стал мягче и глубже. Он говорил прямо в ее фиалковые глаза.

— Моя страна, — сказал он, — хоть я и не живу

там, она в моем сердце. — Про себя он засмеялся над этим, но Милдред не смеялась. Она подалась вперед и оттянула уголки обоих глаз, чтобы лучше видеть его лицо.

— Я помню всякое, — сказал Хуан. — У нас в городе на площади были писцы, которые сочиняли бумаги для неграмотных. Они были хорошие люди. Другими не могли быть. Деревенские их быстро бы раскусили. Они понятливые, эти крестьяне с гор. Помню, однажды утром, когда я был мальчишкой, я сидел на скамье. В городе была фиеста в честь святого. Церковь завалена цветами, стояли лотки со сладостями, чертово колесо и маленькая карусель. И всю ночь в честь святого пускали ракеты. В парке к писцу подошел индеец и сказал: «Я прошу тебя написать письмо моему патрону. Я скажу тебе, что писать, а ты напиши красивыми и хорошими словами, чтобы он не принял меня за невежу». — «Письмо длинное?» — спрашивает писец. «Не знаю», — говорит индеец. «Это будет стоить одно песо», — говорит писец. И маленький индеец заплатил ему и сказал: «Ты напиши моему патрону, что я не могу вернуться в свой город и на свое поле, потому что я увидел великую красоту и должен остаться. Напиши ему, что мне очень жаль, я не хочу огорчать его и

огорчать моих друзей, но я не могу вернуться. Я стал другим, и друзья меня не узнают. На поле я буду тосковать и не буду знать покоя. А друзья от меня откажутся и возненавидят меня, потому что я стал другим. Я видел звезды. Напиши ему это. И напиши, чтобы отдал мой стул моему названому брату, а мою свинью с двумя поросятами — старухе, которая сидела со мной, когда у меня была лихорадка. Горшки мои — зятю, и скажи патрону, пусть с ним будет Бог и красота. Скажи ему это».

Хуан замолчал и увидел, что рот у Милдред приоткрыт, — увидел, что она воспринимает его рассказ как притчу о ней.

— Что с ним произошло? — спросила она.

— А-а. Он увидел карусель, — сказал Хуан. — Он не мог с ней расстаться. Он спал возле нее, скоро у него кончились деньги, и он голодал, а потом хозяин пустил его к рычагу, управлять каруселью, и стал кормить. Он не мог с ней расстаться. Он влюбился в карусель. Может быть, он до сих пор там. — Рассказывая, Хуан постепенно превращался в иностранца. В речи его зазвучал легкий акцент.

Милдред глубоко вздохнула. Мистер Причард сказал:

— Позвольте, я правильно понял? Он отказался

от своей земли, от всего имущества и не вернулся домой, потому что увидел карусель?

— Земля-то у него была не своя. Своей земли у индейцев не бывает. Но от всего остального, что у него было, — отказался.

Милдред сердито смотрела на отца. Это был как раз тот случай, когда он выглядел глупым до отвращения. Неужели он не понимает, как красива эта история? Ее взгляд вернулся к Хуану — молча сказать, что она понимает, и в выражении его лица ей почудилось что-то такое, чего раньше не было. Ей показалось, что она увидела в его лице злое, жестокое торжество, — но, может быть, это все — близорукость, подумала она. Проклятая близорукость, ничего не дает разглядеть. Однако то, что она увидела, ее поразило. Она тут же взглянула на мать, а потом на отца — вдруг и они заметили, — но они взирали на Хуана бессмысленно. Отец говорил очень медленно, отчего Милдред просто выходила из себя:

— Я могу понять, что это показалось ему красивым, если он раньше не видел карусели, — но ведь ко всему привыкаешь. Человек и к дворцу привыкнет за несколько дней — и сразу захочет еще чего-нибудь.

— Это же просто рассказ, — перебила Милдред

с такой свирепостью, что отец оглянулся на нее удивленно.

Милдред почти ощущала пальцы Хуана на своих бедрах. Во всем теле легонько покалывало от возбуждения, не находившего выхода. Зуд был чисто физиологическим, и Милдред разъярилась на отца так, как будто он помешал им в самом разгаре. Она надела очки, быстро взглянула на Хуана и тут же отвела взгляд, потому что глаза у него были затуманенные, хотя смотрел он на них троих. Он как будто торжествовал. Он смеялся над ней и над тем, что происходило незаметно для отца и матери. И вдруг ее желание стало комом в животе, и в животе заболело, и ей сделалось тошно. Она испугалась, что ее вырвет.

Эрнест Хортон сказал:

— Я давно хочу прокатиться в Мексику. Думал как-нибудь поговорить об этом с начальством. Там, наверно, можно завязать довольно полезные связи. Взять хотя бы их фиесты. Там же продаются такие штучки, правильно?

— Конечно, — сказал Хуан. — Продают маленькие четки и религиозные картинки, свечи, всякое такое… сласти, мороженое.

— Ну, если кто-нибудь туда съездит и поразведает — ведь мы бы могли выпускать этот товар

гораздо дешевле, чем они. Мы бы могли штамповать эти четки — и красиво — из белого чугуна. А ракеты? Наша фирма поставляет их для самых больших праздников; все виды фейерверков. Это мысль. Я, пожалуй, напишу письмо.

Хуан посмотрел на растущую стопку грязных тарелок в раковине. Он оглянулся на дверь спальни, потом открыл дверь и заглянул туда. Кровать была пуста. Алиса уже встала, но дверь в ванную была закрыта. Хуан вернулся и стал мыть грязную посуду в раковине.

Небо быстро очищалось, и чистое желтое солнце светило на отмытую землю. Молодые листья дубов были почти желтыми в утреннем свете. Зеленые поля казались неправдоподобно молодыми.

Хуан усмехнулся. Он отрезал два куска хлеба.

— Я, пожалуй, немного пройдусь, — сказал мистер Причард. — Хочешь со мной, милая? — спросил он жену. Она бросила взгляд на дверь спальни.

— Одну минуту, — сказала она, и он ее понял.

— Я подожду за дверью, — сказал он.

Глава VI

Когда Хуан ушел, Алиса долго лежала на спине, закрыв лицо руками крест-накрест. Постепенно, как ребенок, она перестала всхлипывать. Сгиб руки был теплым и мокрым от слез. Ею овладел покой, и напряжение спало, как тугая сеть, опутывавшая тело. Она лежала спокойно и расслабленно, а мысль скачком вернулась к тому, что произошло. Алиса не помнила женщину, которая кричала на Норму. Утренняя сцена уже подернулась дымкой. Алиса не могла объяснить себе свой поступок. Теперь, задумавшись об этом, она поняла, что на самом деле не подозревала Норму в дурном поведении, а если бы и заподозрила, все равно не приняла бы близко к сердцу. Любви к Норме она не питала. Норма была ей совершенно безразлична. Несчастная линялая кощёнка.

Когда Норма поступила на работу, Алиса, конечно, направила на них с Хуаном свои антенны, но, не обнаружив со стороны Хуана никакой реакции — никакого оживления, никаких искательных и провожающих взглядов, — потеряла к

Норме всякий интерес и воспринимала ее только как организм для подавания кофе и мытья посуды. Алиса почти не замечала вещи и людей, если они не попадали так или иначе в приход или расход ее сиюминутной жизни. А сейчас, когда она лежала расслабленно, согревшись и успокоившись, ум ее заработал, и с мыслями вкрался страх.

Она перебрала в памяти всю сцену. Страх вызывала мягкость Хуана. Он должен был ее ударить. И то, что не ударил, ее встревожило. Или она ему стала совсем безразлична? Такая доброта мимоходом у мужчины, установила Алиса, — преддверие отставки. Она пыталась вспомнить, как выглядят старшая и младшая Причард, вспомнила, не смотрел ли с теплом на кого-нибудь из них Хуан. Она знала Хуана. Когда в нем просыпался интерес, глаза у него разогревались, как печка. Потом с легким содроганием она вспомнила, что свою кровать он уступил Причардам. От нее до сих пор пахло лавандой. Этот запах стал Алисе противен и ненавистен.

Она прислушивалась к глухим голосам за дверью. Хуан их кормит. Он не стал бы этим заниматься, если бы у него не было интереса. Он сказал бы: да ну к черту — и пошел бы возиться

с автобусом. Страх и беспокойство овладевали Алисой. Она плохо обошлась с Нормой. Но это пустяки. С такой, как Норма, только обойдись чуть поласковей — она вся размякнет и потечет. Она так мало видела любви, что ей только запашок учуять — сразу распустит слюни до земли. Алиса презирала подобную жажду любви. Она не умела сравнить потребность Нормы со своею. Для Алисы сама она была большой, а все остальные — очень маленькими, то есть все, кроме Хуана. А он опять-таки был ее продолжением. Она решила, что первым делом, пожалуй, надо привести в порядок Норму. Норма нужна была ей в закусочной, потому что сразу же после отъезда Хуана Алиса собиралась напиться. Когда он вернется, она скажет, что с ума сходила от зубной боли.

Напивалась она не очень часто, но сейчас ждала этого с нетерпением. И раз уж она решила, надо прятать концы сразу. Пьяных женщин Хуан не любил. Она убрала руки с лица. От тяжести их в глазах поплыла муть, но через секунду зрение прояснилось. Она увидела, как стелется солнечный свет по зеленой равнине за окном и льется за холмы далеко на западе. Погожий день.

Алиса с усилием поднялась и пошла в ванную. Она намочила край полотенца в холодной воде

и похлопала им по лицу, разглаживая замявшиеся от тяжести рук пухлые щеки. Потом обтерла щеки, нос и лоб. Бретелька лифчика оторвалась. Она расстегнула платье и, обнаружив, что английская булавка, на которой держался лифчик, еще там, снова приколола бретельку. Получилось коротковато — но когда Хуан уедет, она пришьет. Ничего она, конечно, не пришьет. Когда бретелька совсем истреплется, она купит новый лифчик.

Алиса причесалась и намазала губы. Глаза еще были красные. Она пустила из пипетки капли в углы глаз и пальцами разогнала их под веками. Еще раз осмотрела себя в зеркале аптечки и вышла. В комнате стащила с себя мятое платье и надела чистое ситцевое.

Она быстро подошла к двери в комнату Нормы и тихо постучалась. Никто не отозвался. Она опять постучалась. В комнате послышалось шуршание бумаги. Потом — шаги, и Норма открыла дверь. Глаза у нее были мутные, как будто она только что проснулась. Она держала огрызок карандаша, которым до этого подводила брови.

Когда она увидела Алису, на лице ее появилась тревога.

— Я ничего такого не делала с этим человеком, — быстро сказала она.

Алиса шагнула в комнату. Она умела обращаться со своими девушками, пока не выходила из себя.

— Я знаю, золотко, — сказала Алиса. Она опустила глаза, как будто ей было стыдно. Она умела обращаться со своими девушками.

— Зачем вы так говорили? Кто-нибудь услышит и в самом деле подумает. Я не такая. Я просто хочу зарабатывать и жить тихо. — Ей стало жалко себя, на глаза навернулись слезы.

Алиса сказала:

— Я зря на тебя набросилась — просто паршиво себя чувствовала. Дни мои подошли. Знаешь ведь, как бывает погано. Иногда просто не в себе.

Норма оглядела ее с любопытством. Она впервые видела Алису такой кроткой. Впервые — потому что до сих пор Алисе не было нужды в ее расположении. Алиса не любила женщин и девушек. Ее отношение к другим женщинам всегда было окрашено жестокостью, и, увидев, как наполнились слезами глаза Нормы, она возликовала.

— По себе знаешь, — сказала Алиса. — Прямо сама не своя.

— Я знаю, — сказала Норма. Токи робкого тепла исходили от нее. Она изголодалась по любви,

дружбе, близости хоть с каким-нибудь живым существом. — Я знаю, — повторила она и почувствовала себя старше и сильнее Алисы, которую ей хотелось защитить, — Алисе только того и надо было.

Алиса увидела у нее в руке карандаш.

— Может, ты выйдешь и поможешь там? Мистер Чикой с ног сбился.

— Сию минуту, — сказала Норма.

Алиса закрыла дверь и прислушалась. Тишина, потом шуршание, потом резкий стук задвинутого ящика. Алиса откинула ладонью волосы и тихо подошла к двери в закусочную. Она была довольна. Она многое разузнала о Норме. Она узнала, как Норма относилась к жизни. Она узнала, куда Норма спрятала письмо.

Алиса и раньше пыталась залезть к Норме в чемодан, но он всегда был заперт, и хотя она могла бы разнять его голыми руками — картонный, — остались бы следы. Ничего, она подождет. Раньше или позже, если поглядывать, Норма забудет запереть чемодан. Алиса была умна, но она не понимала, что Норма тоже не дура. Норма поработала уже у алис. Когда Алиса лазила по ящикам ее комода, разглядывала ее вещи и читала письма от сестры, она не замечала картонной

спички, валявшейся на краю ящика. Норма всегда клала ее туда, и если спичка оказывалась сдвинутой, ясно было, что кто-то покопался в ее вещах. Хуан и Прыщ не могли, значит, это Алиса.

Норма вряд ли забыла бы запереть чемодан. При всей своей мечтательности Норма была неглупа. В коробке из-под зубной пасты в запертом чемодане лежали двадцать семь долларов. Когда наберется пятьдесят, Норма уедет в Голливуд, наймется в ресторан и будет ждать «случая». За пятьдесят долларов можно снять комнату на два месяца. Питаться она будет на работе. Ее высокие долгоногие мечты — это само собой, но и в няньке она не нуждалась. Норма была не дура. Да, она не понимала ненависти Алисы ко всем женщинам. Она не догадывалась, что извинения Алисы — уловка. Но, вероятно, она и это поняла бы вовремя, если бы это стало опасным. И хотя Норма верила, что только самые возвышенные и благородные мысли и побуждения владеют Кларком Гейблом, о побуждениях людей, с которыми она сталкивалась в обиходной жизни, она кое-что знала и была невысокого мнения.

Когда Прыщ стал скрестись ночью в ее окошко, она знала, как тут распорядиться. Она окошко заперла. А лезть с шумом, когда в соседней комнате

спал Хуан, он побоялся бы. Норма им не дурочка.

Сейчас Алиса стояла в спальне перед дверью в закусочную. Она провела пальцем под обоими глазами, потом открыла дверь и вышла за стойку как ни в чем не бывало.

Глава VII

Большой и красивый автобус компании «Борзая» стоял под посадочным навесом в Сан-Исидро. Рабочие заправляли его, проверяли уровень масла и давление в шинах. Система обслуживания работала как часы. Негр подметал салон, отряхивал сиденья и подбирал с полу спички, окурки и обертки от жвачки. Он провел пальцами под спинкой заднего сиденья, тянувшегося от борта до борта. Иногда он находил тут монету или перочинный нож. Деньги оставлял себе, а большинство других предметов сдавал на станцию. Люди подымают жуткую вонь из-за потерянных вещей, а из-за мелочи — нет. Иногда удавалось набрать за этим сиденьем доллара два. Сегодня уборщик выковырял две десятицентовых, одну пятидесятицентовую и маленький бумажник с призывной повесткой, водительскими правами и членской карточкой Клуба Львов.

Он заглянул в отделение для бумажных денег. Две пятидесятидолларовых и чек на пятьсот. Он положил бумажник в карман рубашки и обмахнул сиденье метелкой. Он дышал тяжеловато. С

деньгами просто. Можно их вынуть, а бумажник кинуть за сиденье, чтобы после рейса его нашел другой уборщик. Чек — не трогать. С чеками опасно. Но эти две хорошенькие полусотенные… какие хорошенькие полусотенные! В горле у него встал ком и не пройдет, пока хорошенькие не окажутся у него, а бумажник за сиденьем.

Но он не мог до них добраться, потому что оголец снаружи мыл окна, забрызганные дорожной грязью. Приходилось выжидать. Попадешься — выгонят.

В манжете его синих диагоналевых брюк было распоротое место. Он придумал сунуть две хорошенькие туда, в манжет, перед тем как сойдет с автобуса. А перед концом рабочего дня он заболеет. Ага, заболеет. С неделю не будет выходить. Если он заболеет на работе и все равно доработает день до конца, тогда никто не догадается, почему он не выходил еще несколько дней, и его не выгонят. Он услышал, что кто-то влез в автобус, и немного напрягся. Это заглянул шофер, Луи.

— Здорово, Джордж, — сказал он. — Слушай, не находил бумажника? Один говорит, потерял.

Джордж что-то буркнул.

— Ладно, пойду сам посмотрю, — сказал Луи.

Джордж резко обернулся — он все еще стоял

на коленях.

— Нашел я его, — сказал он. — Хотел кончить тут и сдать.

— Да? — сказал Луи.

Он взял у Джорджа бумажник и открыл. Оголец смотрел через стекло. Луи грустно улыбнулся Джорджу и скосил глаза на малого.

— Не повезло, Джордж, — сказал Луи. — Похоже, дело дохлое. Этот сказал, две полусотенных, тут и есть две полусотенных. — Он вытащил деньги и чек, чтобы их увидел малый, подглядывавший в окно. — Ничего, Джордж, может, в другой раз повезет, — сказал Луи.

— Может, он заплатит за находку? — сказал Джордж.

— Тогда половина — твоя, — сказал Луи. — А если меньше доллара — все твои.

Луи ушел из автобуса в зал ожидания. Он сдал бумажник в кассу.

— Джордж нашел. Как раз собирался нести, — сказал Луи. — Молодец парень. — Луи знал, что хозяин бумажника стоит у него за спиной, и сказал кассиру: — Если бы я потерял, я бы Джорджа отблагодарил как следует. Хуже всего человека портит — это когда его не поощряют. Я помню, парень нашел тысячу и сдал, а ему даже спасибо

не сказали. Так он чуть ли не на другой день ограбил банк и убил двоих охранников. — Луи врал легко и без запинки. — Сколько едет на юг? — спросил он.

— У тебя полно, — сказал кассир. — Один до Мятежного угла, и пироги не забудь, как на прошлой неделе. В жизни не слыхал такого скандала из-за пятидесяти пирогов. Вот ваш бумажник, сэр. Проверьте, все ли на месте.

Владелец заплатил за находку пять долларов. Луи решил, что как-нибудь отдаст Джорджу доллар. Он знал, что Джордж не поверит, — ну и черт с ним. Это вообще дело скользкое — кто у кого захамил. Плывет в руки — не зевай. Луи был крупный, полноватый, но любитель красиво одеться. Собутыльники звали его Мордатый. За словом в карман он не лез, был сообразителен и старался прослыть лошадником. Скаковых лошадей называл собачками, а всякую ситуацию — надбавкой. Он бы хотел быть Бобом Хоупом, а еще лучше — Бингом Кросби.

Луи увидел Джорджа, который заглядывал в дверь зала. Его охватил порыв щедрости. Он подошел и дал Джорджу долларовую бумажку.

— Жадная сволочь! — сказал он. — На доллар. Ему приносят пятьсот с лишним, а он тебе —

доллар!

Джордж взглянул ему в лицо — стрельнул карими глазами. Он знал, что это ложь, и знал, что ничего не может сделать. Если Луи на него разозлится, может напакостить. И страшно хотелось напиться. Джордж прямо чувствовал, как его разбирает виски. А все из-за этого сопляка — суется со своим носом.

— Спасибо, — сказал Джордж.

Мальчишка прошел мимо с ведром и губкой. Джордж сказал:

— По-твоему, это чистые окна?

И Луи подыграл Джорджу. Он сказал малому:

— Хочешь выйти в люди — шевелись. Окна загвазданные. Вымой снова.

— Я тебе не подчиняюсь. Начальник будет недоволен — тогда посмотрим.

Луи и Джордж переглянулись. Сопляк. Луи только захотеть, и через неделю ему дадут под зад коленкой.

Большие автобусы «Борзой», тяжелые и высокие, как дома, въезжали под посадочный навес и отъезжали. Шофера плавно и красиво подруливали к платформам. Пахло маслом, дизельным выхлопом, конфетами и сильным моющим порошком, ударявшим в нос.

Луи вернулся на станцию. Внимание его привлекла молодая женщина, вошедшая с улицы. Она несла чемодан. Взгляд Луи выхватил ее из толпы. Краля! Такую кралю он посадил бы в автобусе позади своего кресла. Он поглядывал бы на нее в зеркальце и расспрашивал. Может, живет где-нибудь по маршруту. У Луи много приключений начиналось с этого.

Свет с улицы падал на нее сзади, так что Луи не мог разглядеть лицо, но чувствовал — хороша. А почему чувствовал — он сам не мог сказать. Мало ли какая могла стоять там, против света. Почему же он ее приметил? Конечно, фигура складная и красивые ноги, это видно. Но главное — от нее как-то тянуло женщиной.

Он видел, что она направилась с чемоданом к кассе, и поэтому сразу к ней не пошел. Он ушел в туалет. Он стал перед умывальником, окунул руки в воду и провел ладонями по волосам. Потом вынул из бокового кармана расческу, гладко зачесал волосы назад и примял рукой сзади, где остался хохолок. Потом расчесал усики — без особой нужды, потому что они были очень короткие. Одернул серый вельветовый пиджак, подтянул пояс и слегка подобрал живот.

Сунув расческу в карман, он снова осмотрел

себя в зеркале. Пригладил волосы на висках. Ощупал затылок — не торчит ли там, прилег ли хохолок. Поправил форменную черную бабочку на резинках и, достав из кармана рубашки сенсен, кинул несколько зернышек в рот. И напоследок как бы встряхнул на себе пиджак.

Когда его правая рука протянулась к латунной ручке двери, левая пробежала пальцами вверх и вниз по ширинке, проверяя, все ли застегнуто. Он сложил губы в кривоватую улыбку — смесь искушенности и простодушия, — которая приносила ему успех. Луи прочел где-то, что если смотришь девушке в глаза и улыбаешься, это производит впечатление. Не просто смотришь на нее так, как будто она самая красивая на свете, а смотришь, покуда она не отведет глаза. И еще одна хитрость. Если тебе трудно смотреть людям в глаза, смотри им в переносицу. Тому, на кого смотришь, кажется, будто ему смотрят в глаза, а на самом деле ты не смотришь. Этот прием Луи находил очень удачным.

Почти все свободное от сна время Луи думал о женщинах. Ему нравилось плохо с ними обходиться. Нравилось бросать их, когда они в него влюблялись. Он называл их щетками. «Я возьму щетку, — говорил он, — ты возьмешь щетку, и

загудим». Он величаво вышел из туалета, но тут же вынужден был отступить, потому что два человека несли между скамейками длинный ящик с отдушинами. На стенке ящика большими белыми буквами было написано: ДОМАШНИЕ ПИРОГИ МАТУШКИ МЭХОНИ. Грузчики прошли мимо Луи к посадочной платформе.

Женщина уже сидела на скамейке, чемодан она поставила у ног. Проходя по залу, Луи быстро взглянул на ее ноги, а потом встретился с ней глазами и стал смотреть. Он улыбался кривоватой улыбкой и двигался по направлению к ней. Она смотрела на него без улыбки, потом отвела взгляд.

Луи расстроился. Она должна была смутиться — но не смутилась. Просто потеряла к нему интерес. А хороша была и в самом деле: красивые, не худые ноги с крепкими бедрами, живота — никакого, и большая грудь, которой она отнюдь не стеснялась. Она была блондинка, с жесткими, слегка посекшимися от горячей завивки волосами, но волосы красивые, блестящие, и прическа такая, как нравилось Луи — с крупными завитками. Глаза были подведены синим карандашом, на веки положен кольдкрем, а ресницы густо намазаны тушью. Румян не было, губы накрашены

ярко, так что рот казался почти квадратным, как у некоторых киноактрис. На ней был костюм — узкая юбка и жакет с круглым воротником. Туфли — коричневые, с белой строчкой. И сама хороша, и одета как надо. И видно — в дорогое.

Луи разглядывал ее лицо, пока шел. У него было чувство, что он ее где-то видел. Может, в кино, а может, просто похожа на какую-нибудь знакомую. Такое тоже случается. Глаза были широко расставлены, почти неестественно широко, — голубые с коричневыми искорками и ясно обозначенными линиями от зрачка к наружному краю радужной оболочки. Брови были выщипаны и подрисованы высокими дугами, что придавало ей удивленный вид. Луи заметил, что ее руки в перчатках лежат спокойно. Она не нервничала, не суетилась, и это его обеспокоило. Он боялся самообладания в женщинах, и его не покидало чувство, что где-то он ее видел. Колени у нее были не костлявые, круглые, а юбка не задиралась, хотя она ее не обдергивала.

Проходя мимо, Луи наказал ее за то, что она отвела взгляд, — уставился ей на ноги. Действовало это обыкновенно таким образом, что женщина поправляла юбку, даже если юбка не задралась, — но сейчас не подействовало. Его искусство не

произвело впечатления, и Луи слегка растерялся. Проститутка, наверное, сказал он себе. Обыкновенная дешевка. И тут же посмеялся над собой. При таких-то вещах — дешевка?

Луи подошел к окошку кассы и сардонически улыбнулся кассиру Эдгару. Эдгар им восхищался. Эдгар хотел бы походить на него.

— Куда щетка едет? — спросил Луи.

— Щетка?

— Ну. Баба. Блондинка.

— А-а. — Эдгар обменялся мужским, понимающим взглядом с Луи. — На юг, — сказал он.

— На моей телеге?

— Ну.

Луи побарабанил по доске пальцами. Он отрастил на мизинце очень длинный ноготь. Ноготь выгнулся желобком и был подпилен остро. Луи не знал, зачем он это сделал, но с удовольствием отметил, что еще несколько шоферов начали отращивать ноготь на мизинце. Луи создавал моду, и это было ему приятно. Один шофер такси привязал хвост енота к пробке радиатора, и на другой же день у каждого трепался на капоте кусок меха. Скорняки делали искусственные лисьи хвосты, и ни один школьник не появлялся на машине без развевающегося хвостика. А таксист, наверное,

развалившись за баранкой, с удовольствием думал, что все началось с него. Луи отращивал ноготь на мизинце пять месяцев и уже видел несколько человек своих последователей. Это может пойти по стране — а началось все с Луи.

Он постучал по доске длинным выпуклым ногтем, но осторожно, потому что когда ноготь вырастает до такой длины, он легко ломается. Эдгар смотрел на ноготь. Свою же левую руку он прятал внизу. У него тоже отрастал ноготь, но он был еще не очень длинный, и Эдгар не хотел показывать его Луи, пока не отрастет как следует. У Эдгара ногти были ломкие, этот приходилось покрывать бесцветным лаком, иначе он бы сразу сломался. Он даже в постели раз сломался. Эдгар посмотрел на блондинку.

— Хочешь заняться этой… щеткой?

— Почему бы не попробовать? — сказал Луи. — Может, и проститутка.

— Хорошая проститутка — тоже дело. — Взгляд Эдгара опять скользнул в ту сторону. Женщина положила ногу на ногу. — Луи, — сказал он извиняющимся тоном, — пока я не забыл — ты присмотри за тем, как грузят ящик с пирогами. На прошлой неделе на нас была жалоба. Где-то по дороге уронили ящик, и малиновый пирог весь

перемешался с лимонным, а сверху еще изюм насыпался. Пришлось выплачивать.

— Только не в моем рейсе, — отрезал Луи. — Его ведь в Сан-Хуан везут? На ихней колымаге с Мятежного угла и уронили.

— Выплачивать нам пришлось, — сказал Эдгар. — Все-таки проверь, ладно?

— В моем рейсе никаких пирогов не роняли, — угрожающе сказал Луи.

— Я знаю. Знаю, что не у тебя. Но из конторы велели передать тебе, чтобы ты проследил.

— Чего же они ко мне не обратились? — сказал Луи. — Есть жалоба — ну так и вызвали бы меня, а не передавали через кого-то. — Он раздувал в себе злость, как костер. Но злился он на женщину. Дешевка. Он посмотрел на большие настенные часы. Секундная стрелка в полметра длиной прыгала по циферблату, а в выпуклом стекле Луи видел блондинку, которая сидела, закинув ногу на ногу. В кривом стекле было плохо видно, но ему показалось, что она смотрит ему в затылок. Злость в нем приутихла.

— Я присмотрю за пирогами, — пообещал он. — Скажи им, малины в лимонном не будет. Я, кажется, подзаймусь этой щеткой. — Он увидел восхищение в глазах Эдгара и медленно повер-

нулся лицом к залу.

Луи не ошибся. Она смотрела ему в затылок, а когда он повернулся, продолжала смотреть в лицо. Во взгляде ее не было интереса, совсем никакого. Но глаза красивые, подумал он. Хороша, черт! Луи прочел в журнале, что широко расставленные глаза говорят о сексуальности, и от блондинки тянуло ею, тянуло. На таких всегда оглядываются на улице. Стоит ей появиться — сразу все поворачиваются и смотрят. Прямо видишь, как головы поворачиваются, словно на ипподроме. Что-то в ней есть особенное — и дело не в косметике, не в походке, хотя и они много значат. Что бы это ни было, но она несла в себе такой заряд. Луи почуял его, когда она только вошла с улицы и стояла против света, так что он даже не мог ее разглядеть. Сейчас она смотрела на Луи без улыбки, вообще без всякого выражения, просто смотрела, а он это все равно чуял. Горло у него перехватило, и шея над воротничком покраснела. Он знал, что через секунду отведет глаза. Эдгар ждал, и Эдгар верил в Луи.

Репутация Луи была несколько преувеличенной, но он действительно имел подход, действительно не терялся по части щеток. И все же сейчас ему было не по себе. Эта щетка его

осадила. Хотелось залепить ей пощечину. Грудь распирало. Если он не возьмется за дело сейчас, шанс будет упущен. Он видел темные лучики на радужных оболочках, круглый подбородок. Он применил обнимающий взгляд. Он слегка расширил глаза и улыбнулся, как будто вдруг узнал ее. И двинулся прямо к ней.

Он тонко придал улыбке легкую почтительность. Она продолжала смотреть ему в глаза, но уже не так холодно. Он остановился перед ней.

— Кассир говорит, вы едете на юг на моем автобусе, мадам, — сказал он. Он чуть не рассмеялся над этим «мадам», но обычно слово действовало. Подействовало и на нее. Она чуть-чуть улыбнулась. — Я отнесу ваш чемодан, — продолжал Луи. — Отправляемся минуты через три.

— Спасибо, — сказала женщина. Голос у нее грудной и чувственный, подумал Луи.

— Позвольте взять ваш чемодан. Я его сейчас поставлю, и место будет занято.

— Он тяжелый, — сказала она.

— Я тоже, кажется, не карлик, — возразил Луи. Он взял ее чемодан и быстро пошел на посадочную платформу. Он влез в автобус и поставил чемодан перед сиденьем, которое было прямо за его креслом. Можно смотреть на нее в зеркальце

и поговорить по дороге. Он вышел из автобуса и увидел, что оголец с другим уборщиком грузят на крышу ящик с пирогами.

— Поаккуратнее с этой штукой, — громко сказал Луи. — Вы, паразиты, уронили такой на прошлой неделе, а капают на меня.

— Ничего я не ронял, — сказал мальчишка.

— Ну да, не ронял, — сказал Луи. — Не нарывайся, малый. — Он ушел через стеклянные двери в зал ожидания.

— Чего его разбирает? — спросил другой уборщик.

— Да я его зашухарил, — сказал мальчишка. — Джордж нашел бумажник, а я видел, — ну и побоялся притырить. С начинкой бумажник. Оба взъелись на меня — что я видел. Луи с Джорджем эту сотню поделили бы, а из-за меня она накрылась. Видят, что я видел, ну и, ясно, побоялись притырить.

— Я бы от сотни не отказался, — сказал уборщик.

— А кто бы отказался? — сказал мальчишка.

— Взял бы я сотню да как загулял бы — на сотню знаешь как можно погулять?

И пошел ритуальный разговор.

В зале возникла легкая суета. Пассажиры ав-

тобуса, отправлявшегося на юг, уже собрались. У Эдгара в кассе было много работы — но не так много, чтобы выпустить из виду блондинку. «Щетка», — шептал он. Это было новое слово. Теперь он будет им пользоваться. Он осмотрел ноготь мизинца на левой руке. Не скоро вырастет такой хороший, как у Луи. Но зачем себя обманывать? Все равно таким ходоком, как Луи, он не будет. Бабы ему всегда доставались второго разбора.

Был последний набег пассажиров на кондитерский лоток, на автоматы с арахисом и жвачкой. Китаец купил «Тайм» и «Ньюсуик», аккуратно скатал их вместе и опустил в карман черного габардинового пальто. Старуха нервно перебирала журналы у газетчика, не собираясь ничего покупать. Два индуса в ослепительно-белых чалмах, с лаково-черными кудрявыми бородами стояли рядышком перед окном кассы. Пытаясь объясниться, они бросали вокруг огненные взгляды.

Луи стоял у выхода на платформу и безотрывно смотрел на блондинку. От него не укрылось, что каждый мужчина в зале занят тем же. Все наблюдали за ней исподтишка, чтобы никто не заметил. Луи повернулся и посмотрел через стеклянные двери: мальчишка и другой уборщик

укрепили ящик с пирогами на крыше автобуса и покрыли брезентом. В зале ожидания вдруг потемнело. Должно быть, туча закрыла солнце. Потом снова посветлело, как будто плавно вывели реостат. Зазвенел большой колокольчик над стеклянными дверьми. Луи взглянул на ручные часы и вышел на платформу к большому автобусу. Пассажиры в зале ожидания поднялись и зашаркали к дверям.

Эдгар никак не мог понять, куда хотят ехать индусы. «У, башка тряпичная, — сказал он про себя. — И чего их носит — выучились бы сперва по-английски».

Луи забрался на высокое кресло, отгороженное трубой из нержавеющей стали, и проверял билеты у входивших пассажиров. Китаец в черном пальто сразу направился к заднему сиденью, снял пальто и положил «Тайм» с «Ньюсуиком» на колени. Старая дама, задыхаясь, преодолела ступеньку и села прямо позади Луи. Он сказал:

— Извините, это место занято.

— Что значит занято? — ощетинилась она. — Здесь места ненумерованные.

— Это место занято, — повторил Луи. — Вы же видите — чемодан стоит? — Он ненавидел старух. Он их боялся. От них пахло чем-то таким, что у

него поджилки дрожали. Они бешеные, и у них нет гордости. Им скандал устроить — все равно что плюнуть. И всегда своего добиваются. Бабка Луи была тираном. И всегда своего добивалась, потому что была бешеная. Боковым зрением он видел блондинку, дожидавшуюся на подножке автобуса, когда пройдут индусы. Надо же так влипнуть. Он вдруг рассердился.

— Мадам, — сказал он, — в автобусе распоряжаюсь я. Тут сколько угодно хороших мест. Будьте любезны пересесть.

Старуха выставила на него подбородок и нахмурилась. Она поелозила задом, устраиваясь поудобнее.

— Вы этой девице место заняли — вот кому вы заняли, — сказала она. — Я вот подам на вас жалобу начальству.

Луи взорвался:

— Сделайте одолжение. Выходите и подавайте на меня жалобу. Пассажиров у компании много, а хороших шоферов мало. — Он видел, что блондинка слушает, и ему это было приятно.

Старуха почувствовала, что он сердится.

— Я на вас пожалуюсь, — сказала она.

— Жалуйтесь на здоровье. Вы можете сойти, — громко ответил Луи, — но на этом месте сидеть

не будете. Оно предоставлено пассажирке по совету врача.

Это была лазейка, и старуха ею воспользовалась.

— Почему вы сразу не сказали? — спросила она. — Что же я — понять не могу? Но я все равно пожалуюсь на вашу грубость.

— Сделайте одолжение, — устало сказал Луи. — Мне не привыкать.

Старуха пересела на следующее место. «Сейчас навострит уши и будет меня ловить, — подумал Луи. — А-а, пускай. У нас пассажиров больше, чем водителей». Блондинка была уже рядом, протягивала билет. Луи непроизвольно сказал:

— Вы только до Мятежного?

— Да, у меня там пересадка. — Она улыбнулась, услышав разочарование в его голосе.

— Вот ваше место, — сказал он. Он видел в зеркальце, как она села, закинула ногу на ногу, одернула юбку и поставила сумочку рядом с собой. Потом выпрямилась и поправила воротник жакета.

Она знала, что Луи наблюдает за каждым ее движением. С ней так бывало всегда. Она знала, что отличается от других женщин, но не совсем понимала — чем. С одной стороны, было при-

ятно, что тебе всегда уступают лучшее место, не дают заплатить за обед, поддерживают под руку, когда переходишь улицу. Руки мужчин все время тянулись к ней. И в этом же было постоянное неудобство. Приходилось урезонивать, или улещивать, или оскорблять, или просто драться, чтобы отстали. Все мужчины домогались одного и того же, и деться от этого было некуда. Она воспринимала это как неизбежность и была права.

Когда она была совсем молоденькой, ее это мучило. Было гадко, давило ощущение вины. Но, повзрослев, она притерпелась и выработала свои методы. Иногда она уступала, иногда принимала в подарок деньги или вещи. Подходы же почти все ей были известны. Она точно могла предугадать все, что сделает или скажет Луи в следующие полчаса. Иногда это помогало избежать осложнений. Мужчины постарше хотели ей помочь, устроить учиться или устроить на сцену. Из молодых некоторые хотели на ней жениться или опекать ее. И лишь немногие, очень немногие, честно и прямо желали с ней спать, о чем и заявляли.

С ними было проще всего, потому что она могла сказать «да» или «нет» и на этом поставить точку. Больше всего она ненавидела в своем даре — или

своем недостатке — грызню, вечно разгоравшуюся вокруг нее. Мужчины яростно сцеплялись в ее присутствии. Грызлись, как терьеры; поэтому ей иногда хотелось нравиться женщинам — но она не нравилась. Она была не глупа. И знала, почему не нравится, но ничего не могла поделать. Мечтала же она о красивом доме в красивом городке, о двух детях и о том, как она будет стоять на лестнице. Она будет красиво одета и будет встречать гостей к обеду. Будет муж — конечно; но он как-то ускользал из этой картины, потому что рекламы в женских журналах, из которых и вырастала мечта, никогда не включали мужчину. Только миловидная женщина в красивом платье спускается по лестнице, только гости в столовой, только свечи и обеденный стол темного дерева, и чистенькие дети целуют маму, отправляясь спать. Вот чего ей хотелось. И она понимала яснее ясного, что этого как раз у нее не будет.

В ней накопилось много грусти. Она думала о других женщинах. Может быть, они в постели не такие, как она? Наблюдая жизнь, она видела, что на большинство женщин мужчины так не реагируют, как на нее. Чувственность не взыгрывала в ней с обременительной силой или постоянством, а как у других женщин — она не знала. С

ней они никогда этого не обсуждали. Они ее не любили. Однажды молодой врач, к которому она обратилась в надежде как-нибудь умерить свои периодические страдания, начал к ней приставать и, когда она его окоротила, заметил: «Вокруг вас воздух этим заряжен. Не знаю, как это у вас получается, но это факт. Есть такие женщины, — сказал он. — Слава Богу, их немного, иначе бы мужчина спятил».

Она пробовала одеваться построже, но это мало помогало. На обычной работе она не удерживалась. Она научилась печатать, но когда ее нанимали, в конторе все летело кувырком. А теперь у нее была кормушка. Платили хорошо, сложностей особых не было. Она раздевалась на холостяцких банкетах. Антрепризой занималось обыкновенное агентство. Она не понимала, что за смысл в этих банкетах и что за удовольствие мужчинам, но мужчины приходили, а она получала пятьдесят долларов за то, что снимала одежду, и это было лучше, чем если бы одежду сдирали в кабинете. Она даже почитала о нимфомании — хоть и немного, но поняла, что ею не страдает. И чуть ли не жалела об этом. Иногда она думала просто поступить в публичный дом, скопить там денег и уехать на покой в деревню —

или же выйти за пожилого, с которым можно сладить. Это было бы самое простое. Молодые люди, которые ей нравились, почему-то начинали злобствовать. Они всегда подозревали ее в обмане. Либо дулись, либо пробовали бить, либо в ярости прогоняли ее.

Она пыталась удержать их, но все кончалось только так. А старик с деньгами — это выход. Она бы хорошо к нему относилась. И деньги, и время свое он тратил бы не впустую. У нее были только две подруги, и обе из публичного дома. Как видно, только такие могли не завидовать и не осуждать ее. Но одна уехала из страны. Куда — неизвестно. Отправилась куда-то с армией. А другая жила с рекламщиком, и подруга ей была ни к чему.

Другая — это Лорейн. Они вместе снимали квартиру. Лорейн была равнодушна к мужчинам, но и женщинами не интересовалась. А потом Лорейн связалась со своим рекламщиком и попросила ее выехать. Лорейн все объяснила напрямик, когда сказала ей, что приходить не надо.

Лорейн была в публичном доме, а этот рекламщик в нее влюбился. Но тут Лорейн заболела гонореей и раньше, чем сама почувствовала, заразила рекламщика. Он был из впечатлительных, ошалел, потерял место и приполз к Лорейн

плакаться. Она все-таки считала себя виноватой, поэтому пустила его и кормила, пока их лечили. Это было до новых лекарств, так что им доставалось.

А потом рекламщик стал налегать на снотворные таблетки. Она заставала его дома без сознания, а так он ходил обалделый, без таблеток склочничал и ел их все больше и больше. Два раза его увозили откачивать.

Лорейн была хорошая на самом деле, и ей приходилось туго, потому что зарабатывать в доме не могла, покуда не вылечилась. Она не хотела заражать никого из знакомых, но надо было есть, платить врачу и за квартиру. Пришлось зарабатывать на улицах Глендейла, а чувствовала она себя плохо. А тут — одно к одному — рекламщик стал ревновать и не пускал ее на улицу, хотя сам сидел без работы. Хорошо бы все это уже рассосалось и они с Лорейн могли бы опять жить вместе. Они были дружной парой. И жилось им весело, славно, по-тихому весело.

В Чикаго шел съезд за съездом, и она хорошо подработала на банкетах. В Лос-Анджелес возвращалась на автобусах из экономии. Хотелось хоть немного пожить тихо. От Лорейн давно не было вестей. Последний раз она предупредила, что

рекламщик читает ее письма, поэтому писать не надо.

Последние пассажиры выходили из дверей и садились в автобус.

Луи закинул ногу на ногу. Он немножко робел перед этой женщиной.

— Так вы в Лос-Анджелес, — сказал он. — Вы там живете?

— Время от времени.

— Люблю присматриваться к людям, — сказал он. — Перед нами знаете сколько проходит?

Мотор автобуса тихо дышал. Старуха свирепо смотрела на Луи. Он видел ее в зеркальце. Наверно, напишет жалобу начальству.

«Ну и черт с ним, с начальством», — сказал себе Луи. Работу он всегда найдет. Да и не больно там обращают внимание на письма старух. Он окинул взглядом салон. Индусы как будто держались за руки. Китаец раскрыл на коленях «Тайм» и «Ньюсуик» и сравнивал сообщения. Его голова поворачивалась от журнала к журналу, между бровей пролегла удивленная складка. Диспетчер махнул рукой.

Луи запер рычагом дверь. Он включил заднюю скорость и, подав автобус назад из бетонного углубления, повернул аккуратно, по широкой

дуге, так что переднее крыло прошло в каком-нибудь сантиметре от северной стенки. Потом выкрутил руль обратно и так же, на тихом ходу, провел автобус впритирку к другой стене въезда. На пересечении въезда с улицей Луи остановился и посмотрел, свободна ли она. Потом сделал левый поворот, на противоположную сторону улицы. Луи был хороший шофер и ездил безупречно. По главной улице Сан-Исидро автобус выехал на окраину и дальше — на свободное шоссе.

Небо и солнце были умытыми, чистыми. Краски стали сочнее. Кюветы наполнились водой, и там, где они были засорены, вода выливалась на шоссе. Автобус врезался в такую лужу с громким всплеском, и Луи почувствовал, как потянуло руль. Трава свалялась от ливня, но сейчас горячее солнце накачивало сочные стебли силой, и она уже подымалась на пригорках.

Луи опять поглядел в зеркальце на блондинку. Она смотрела ему в затылок. Но что-то заставило ее взглянуть в зеркальце — в глаза Луи, — и глаза ее с темными лучами, ее прямой красивый нос, квадратно нарисованный рот фотографически отпечатались в памяти Луи. Глядя ему в глаза, она улыбнулась так, как будто ей хорошо.

Луи почувствовал, как сжимается горло и воздух распирает грудь. Он подумал, что, наверно, тронулся. Луи знал, что он застенчив, но обычно мог убедить себя в обратном, а сейчас испытывал все мучения шестнадцатилетнего. Его взгляд перебегал с дороги на зеркальце, туда и обратно. Щеки у него горели. «Что за черт? — сказал он себе. — Что ли я совсем того из-за девки?» Он присмотрелся к ней внимательнее, подыскивая какую-нибудь спасительную мысль, и тут увидел у нее под ушами глубокие следы хирургических щипцов. Это его несколько успокоило. Небось не такая была бы уверенная, если бы знала, что он видел шрамы. Шестьдесят семь километров. Надо уложиться. Если он хочет заболтать девку, нельзя терять ни минуты. Но когда он попытался заговорить, голос сел.

Она наклонилась к нему поближе.

— Я не расслышала, — сказала она.

Луи кашлянул.

— Я говорю, красиво как после дождя.

— Да, красиво.

Он решил начать своим обычным ходом. В зеркальце он видел, что она по-прежнему сидит наклонившись, чтобы лучше слышать.

— Я вам говорил, — начал он, — люблю при-

сматриваться к людям. Я бы сказал, что вы работаете в кино или в театре.

— Нет, — ответила она. — Вы бы ошиблись.

— Так вы не играете?

— Нет.

— А вообще — работаете?

Она рассмеялась; лицо у нее становилось очень приятным, когда она смеялась. Но Луи заметил, что один верхний зуб у нее кривой. Он рос вбок и налезал на соседа. Она перестала смеяться, и верхняя губа закрыла зуб. «Стесняется», — подумал Луи.

Она все знала наперед. Предугадывала, что он собирается сказать. Все это уже бывало много раз. Он собирался разузнать, где она живет. Спросит у нее телефон. Но с этим просто. Она нигде не жила. У Лорейн стоял ее сундук с книжками — «Капитан Хорнблоуэр», «Жизнь Бетховена», дешевые книжки рассказов Сарояна — и старыми вечерними платьями, которые надо перешить. Она понимала, что Луи растерян. Ей знакома была эта краснота, выползавшая из-под воротничка мужчины, и хрипотца нескладной речи. Она увидела, что Луи настороженно поглядел в зеркало на пассажиров.

Индусы слегка улыбались друг другу. Китаец

смотрел в пустоту, пытаясь увязать разноречивые сообщения двух журналов. Грек на заднем сиденье перочинным ножом разрезал пополам итальянскую сигару. Одну половину он вставил в рот, а другую задумчиво опустил в нагрудный карман. Старуха разжигала в себе злость на Луи. Она уставила железный взгляд ему в затылок, подбородок ее дрожал от ярости, а стиснутые губы побелели от напряжения.

Девушка снова наклонилась вперед.

— Я сберегу вам время, — сказала она. — Я стоматологическая сестра. Знаете, занимаюсь хозяйством у зубного врача в кабинете. — Она часто так рекомендовалась. Сама не знала почему. Может быть, потому, что это пресекало всякие догадки и никаких вопросов больше не задавали. Люди не любят долго говорить о зубоврачебных делах.

Луи переваривал сообщение. Автобус подошел к железнодорожному переезду. Луи машинально нажал тормоз и остановился. Воздух зашипел, когда он отпустил педаль; Луи переключал передачи, набирая скорость. Он чувствовал, что времени уже в обрез. Старая карга с минуты на минуту подымет шум. Нет у него никаких шестидесяти семи километров. Как только старуха

встрянет, все будет испорчено. Луи хотел успеть за это время побольше, но его система не терпела спешки. Полчасика бы не нажимать, но старуха подгоняла.

— Иногда я заезжаю в Лос-Анджелес, — сказал он. — Можно вас как-нибудь там найти… сходили бы пообедать, на концерт?

Она отозвалась дружелюбно. Никакой вредности, паскудства в ней не было. Она сказала:

— Не знаю. Понимаете, мне пока негде жить. Я уезжала. Хочу поскорее найти квартиру.

— Но вы же где-то работаете, — сказал Луи. — Туда вам нельзя позвонить?

Старуха ерзала и вертелась. Она была в бешенстве оттого, что Луи согнал ее с переднего места.

— Да нет, — сказала блондинка. — Понимаете, я без работы. Найду я, конечно, сразу, потому что по моей специальности работа всегда есть.

— Это не то, чтобы меня отшить? — спросил Луи.

— Нет.

— Ну, может быть, вы сами мне черкнете, когда устроитесь?

— Может быть.

— Понимаете, хотелось бы иметь знакомую в Лос-Анджелесе.

И тут он раздался — голос визгливый, как точило.

— В нашем штате есть закон насчет разговоров с пассажирами. Следите за дорогой. — Старуха обратилась ко всему автобусу: — Шофер подвергает нашу жизнь опасности. Если он будет отвлекаться, я потребую выпустить меня.

Луи подобрался. Это серьезно. Старуха действительно может нагадить. Он повернулся к зеркальцу и отыскал глазами глаза блондинки. Он произнес одними губами: «Старая трухлявая карга!»

Женщина улыбнулась и приложила палец к губам. Она почувствовала облегчение, а с другой стороны, ей было немного жаль. Она знала, что раньше или позже с Луи будут хлопоты. Но при этом видела, что во многих отношениях он парень славный и до какой-то степени с ним можно совладать. По тому, как он краснел, она поняла, что его, наверно, можно остановить, просто обидев.

Но все было кончено, и Луи это понимал. Она не станет ввязываться в историю. Ему надо было все успеть по дороге. Он это знал. Когда приезжаешь на станцию, у всех на уме одно — поскорее выбраться. Теперь все сорвалось. На Мятежном

углу он остановится, только чтобы высадить ее и сгрузить эти сволочные пироги. Он пригнулся к рулю. Блондинка сложила руки на коленях и уже не смотрела на него в зеркальце. Да сколько угодно есть девушек покрасивее. И шрамы эти от щипцов — жуткие. Просто мороз по коже. Конечно, волосы зачесывает на уши — чтобы закрыть. Такой нельзя носить высокую прическу. А Луи любил, когда высокая… Господи! ничего себе, проснуться — и увидеть эти шрамы. Щеток вокруг навалом — как-нибудь перебьемся. Но в груди и в животе лежала печальная тяжесть. Он и отсовывал ее, и проталкивал, но она не поддавалась. Еще ни к одной женщине его так сильно не тянуло, как к этой, да и тянуло иначе. Луи ощутил сухое скребущее чувство потери. Даже имени ее не узнал, а теперь разве узнаешь? Ему представилось, как его встретит в Сан-Исидро вопросительный, любопытный взгляд Эдгара. Он спросил себя, будет ли он врать Эдгару.

Дорога пела под большими шинами гнусавую песню, мотор тяжело рокотал. В небе висели большие ленивые мокрые тучи, темные, как сажа, посередине и белые, сияющие по краям. Одна из них сейчас наползала на солнце. Тень ее легла впереди на шоссе, и Луи видел, как она несется

навстречу автобусу, а дальше по шоссе уже вырос зеленый курган — дубы, окружавшие закусочную на Мятежном углу. Им овладело разочарование.

Как только автобус въехал, сбоку подошел Хуан Чикой.

— Что у вас для меня? — спросил он, когда открылась дверь.

— Одна пассажирка и партия пирогов, — сказал Луи. Он встал с кресла, протянул руку назад и взял чемодан блондинки. Спустившись на землю, он поднял руки, а женщина оперлась на его плечи и сошла. Они вместе зашагали к закусочной.

— До свидания, — сказала она.

— До свидания, — сказал Луи. Он смотрел ей вслед, пока она шла к двери, покачивая маленьким задом.

Хуан и Прыщ спустили ящик с пирогами с крыши автобуса. Луи забрался в автобус.

— Пока, — сказал Хуан.

Старуха пересела на переднее место, Луи запер рычагом дверь. Он включил скорость и отъехал. Когда автобус набрал ход и шоссе загудело под шинами, он взглянул в зеркальце. На лице старухи было злобное торжество.

«Это ты все поломала, — сказал про себя Луи. — Ты погубила».

Старуха подняла голову и встретилась с ним глазами в зеркальце. Луи медленно сложил губами слова: «Пропади ты, старая сука!» Он увидел, как сжались и побелели ее губы. Она поняла, о чем речь.

Шоссе с пением убегало под колеса.

Глава VIII

Хуан с Прыщом отнесли ящик с домашними пирогами матушки Мэхони к двери закусочной и опустили на землю. Оба посмотрели, как блондинка входит в закусочную. Прыщ низко, с переливом присвистнул. Ладони у него вдруг вспотели. Хуан опустил глаза так, что они только чуть поблескивали сквозь ресницы. Он быстро и нервно облизал губы.

— Я знаю, что у тебя на уме, — сказал Хуан. — Хочешь взять выходной и побежать задрать ногу на дерево?

— Елки, — сказал Прыщ и свистнул.

— Вот-вот, — сказал Хуан. Он нагнулся, отпер задвижку на ящике и поднял крышку на петлях. — Давай поспорим, Кит.

— Насчет чего? — спросил Прыщ.

— Могу спорить, — сказал Хуан, — и ставлю два против одного: тебе пришло в голову, что ты уже две недели не брал выходного и хорошо бы взять сегодня и поехать со мной в Сан-Хуан. А еще бы лучше, если бы автобус опять сломался.

У подручного вокруг прыщей тоже порозовело.

Он смущенно поднял глаза и посмотрел на хозяина, но во взгляде Хуана было столько беззлобной насмешки, что Прыщу стало легче. «Черт! — подумал он. — Вот это человек. И чего я раньше у других работал?»

— Ну, — сказал Прыщ вслух и почувствовал, что разговаривает с мужчиной. Хуан понимает, как человек смотрит на жизнь. Когда мимо проходит девушка, Хуан знает, что у человека на уме. — Ну… — сказал он снова.

— Ну, — передразнил его Хуан. — А кто будет качать бензин и чинить резину?

— А раньше кто чинил? — спросил Прыщ.

— Никто, — сказал Хуан. — Мы просто вешали на гараж табличку — «Закрыто на ремонт». А заправлять Алиса может. — Он хлопнул Прыща по плечу.

«Какой мужик, — подумал Прыщ. — Какой мужик!»

Противни с пирогами вставлялись в пазы, которые не позволяли им соединяться. В ящике было четыре стойки по двенадцать пирогов — всего сорок восемь.

— Давай-ка посмотрим, — сказал Хуан, — нам надо: шесть с малиной, четыре с лимонным кремом, четыре с изюмом и два с заварным и

карамелью. — Он вытаскивал пироги из гнезд и клал на крышку ящика. — Отнеси их, Пры… то есть Кит.

Прыщ взял в руки по пирогу и пошел в закусочную. Блондинка сидела на табурете за чашкой кофе. Он не видел ее лица, но ощутил электричество — или что там от нее исходило. Он положил пироги на стойку.

Повернувшись к выходу, он почувствовал, как тихо стало в комнате.

И мистер Причард, и склочный старик, и молодой Хортон сидели как завороженные. То и дело они поднимали глаза и взглядом омывали блондинку. Мисс Причард и ее мать подчеркнуто смотрели на кучки отрубей за стойкой. Алисы не было, а перед блондинкой стояла Норма и вытирала тряпкой стойку.

— Хотите плюшку? — спросила Норма.

Прыщ замер. Он должен услышать голос блондинки.

— Да, пожалуй, — сказала она. Внутри у Прыща что-то екнуло от этого грудного голоса. Он кинулся на двор за новыми пирогами.

— Давай поживее, — сказал Хуан. — Можешь смотреть на нее всю дорогу до Сан-Хуана, если, конечно, не хочешь за руль.

Прыщ таскал пироги. Шестнадцать отнес. Тридцать два осталось. Хуан закрыл ящик и запер на задвижку. Выйдя в последний раз, Прыщ помог Хуану засунуть ящик в большой черный багажник «Любимой». Автобус был готов. Готов к дороге. Хуан отступил и оглядел его. Не «борзой», но тоже ничего. Вокруг окон сквозь алюминиевую краску проступала ржавчина. Надо будет подкрасить. Да и колпаки не мешает освежить.

— Давай собирайся, — сказал он Прыщу. — Запри гараж. Между скамеек под шлангами от радиатора лежит табличка, повесь ее на дверь. А ну, мигом, если хочешь успеть переодеться.

Прыщ убежал в гараж. Хуан потянулся, разведя руки, и пошел в закусочную.

Правая нога мистера Причарда лежала на левой, и мысок мелко подрагивал. Когда блондинка вошла, он заглянул ей в лицо и теперь испытывал приятное волнение. Но он был озадачен. Где-то он видел эту девушку. То ли на одном из своих заводов, то ли секретарша, то ли у кого-то из приятелей в конторе. Но он ее видел. В этом он не сомневался. Он искренне верил, что не забывает ни одного лица, хотя на самом деле редко какое запоминал. Он и не присматривался ни к одному лицу, если не собирался вступить с этим лицом

в сделку. Сейчас он недоумевал: почему у него возникло ощущение греха, когда он узнал эту девушку? Где он мог ее видеть?

Бернис тайком наблюдала за подергиванием его ноги. Эрнест Хортон открыто глазел на ноги блондинки. Норме она понравилась. В одном отношении Норма была похожа на Лорейн. Она никого не любила — ну, кроме одного, — поэтому у нее ничего не могли отнять, терять ей было нечего. А эта женщина была симпатичная. Разговаривала скромно и вежливо. Да и гостья расположилась к Норме, чувствуя, что может ей понравиться.

Перед самым приходом «борзого» Алиса сказала Норме: «Побудь за стойкой, ладно? Я сейчас». Потом автобус, блондинка, приготовление кофе заняли все внимание Нормы. Но сейчас ее резанула одна догадка, и внутри разлился тошнотворный холодок. Она поняла, что сейчас происходит, так ясно, как будто увидела. Она поняла, и в голове, оттесняя гадливый гнев, зароились расчеты. Маленькая пачка денег, мелких. На это можно жить, пока не найдешь работу. А почему не уйти сейчас? Все равно же уйдет, рано или поздно. Она открыла шкафчики внизу за стойкой и засунула туда пироги, оставив по

одному каждого сорта. Один с малиной, один с изюмом, один с лимонным кремом, один карамельный она расположила рядышком на стойке, и от их запаха ее еще сильнее затошнило. Она все еще не могла решиться.

В закусочную вошел Хуан и остановился, глядя блондинке в затылок. Норма сказала:

— Вы не побудете минуту за стойкой, мистер Чикой?

— Где Алиса? — спросил Хуан.

— Не знаю, — сказала Норма. Она мысленно видела Алису. Зрение у Алисы неважное. Она поднесет письмо к окну, поближе к свету. На самом-то деле ей не интересно. Просто праздное, ленивое любопытство. Она наклонится к окну боком, волосы упадут ей на глаза, и она будет сдувать их, копаясь в страничках. Норму передернуло. Она представила себе, как влетит в комнату. Представила, как вырвет письмо, и ее пальцы сами собой согнулись. Она почувствовала, как ногти корябают кожу Алисы, лезут Алисе в глаза, в эти мерзкие, набухшие, влажные глаза. Алиса повалится на спину, а Норма прыгнет коленями на большое мягкое брюхо и будет царапать и драть лицо Алисы, и из царапин польется кровь.

Хуан посмотрел на Норму и сказал:

— Что случилось? Тебя тошнит?

— Да, — сказала Норма.

— Иди, пока здесь не стошнило.

Норма пробралась к краю стойки и тихо открыла дверь спальни. Дверь из спальни в ее комнату была чуть-чуть приоткрыта. Норма затворила за собой дверь и бесшумно двинулась к своей комнате. Она похолодела, ее трясло. Она была как ледышка. Она бесшумно распахнула свою дверь. Так и есть — Алиса у окна, держит перед носом письмо к Кларку Гейблу и сдувает в сторону волосы.

Алиса дунула на волосы, оглянулась и увидела в дверях Норму. Рот у нее был открыт, в глазах — жадное любопытство. Она не могла изменить выражение лица. Норма шагнула в комнату. Подбородок она выставила так, что вокруг рта залегли складки. Алиса с бессмысленным видом протянула ей письмо. Норма взяла его, аккуратно сложила и сунула за пазуху. А затем подошла к комоду. Она вытащила из-под него чемодан, отколола ключ от изнанки платья и отперла чемодан. Резкими движениями начала собирать вещи. Вывалила ящики комода в чемодан и кулаком примяла одежду. Из стенного шкафа вытащила все три платья и пальто с кроличьим воротни-

ком, положила пальто на кровать, накрутила платья на плечики и тоже запихнула в чемодан. Алиса не могла пошевелиться. Она смотрела на Норму, поворачивая голову вслед за всеми ее перемещениями. В мозгу у Нормы звучал безмолвный крик торжества. Она взяла верх. После того как ее всю жизнь шпыняли, она взяла верх, и она безмолвствовала. Ей это нравилось. Она не сказала ни слова и не скажет ни слова. Она кинула в чемодан две пары туфель, захлопнула его и заперла.

— Ты прямо сейчас уходишь? — спросила Алиса.

Норма не ответила. Она не нарушит своего торжества. Ничто ее не заставит.

— Я не хотела ничего плохого, — сказала Алиса, Норма не посмотрела на нее. — Ты лучше помалкивай, не то я тебе устрою, — неуверенно пообещала Алиса. Норма все равно не ответила.

Она подошла к кровати и надела черное пальто с кроликом. Потом подняла чемодан и вышла из комнаты. Она сопела. Она прошла за стойкой к кассовому аппарату и нажала кнопку «Касса». Вынула десять долларов: пятерку, четыре по одному, полдоллара и две четвертушки. Сунула деньги в боковой карман черного пальто. Ее сла-

бый рот был плотно сжат. Хуан сказал:

— Что здесь происходит?

— Я еду с вами в Сан-Хуан, — сказала Норма.

— А кто будет помогать Алисе? Она одна не управится.

— Я уволилась, — сказала Норма. Огибая край стойки, она увидела, что блондинка наблюдает за ней. Норма вышла за сетчатую дверь. Она подошла с чемоданом к автобусу, влезла и заняла место ближе к заду. Чемодан поставила рядом с собой, на попа. Она сидела очень прямо.

Хуан проводил ее взглядом до двери. Он пожал плечами.

— Что бы это значило? — спросил он, не обращаясь ни к кому в особенности.

Эрнест Хортон смотрел хмуро. Он ненавидел Алису Чикой. Он сказал:

— Когда вы думаете выехать?

— В десять тридцать, — сказал Хуан. — Сейчас десять минут одиннадцатого. — Он взглянул на Причардов. — Так, мне надо переодеться. Если захотите кофе или еще чего-нибудь, берите сами.

Он ушел в спальню. Он сбросил лямки комбинезона и спустил комбинезон на пол. На нем были трусы в узкую синюю полоску. Он стянул через голову синюю рубашку, скинул мокасины

и вышел из комбинезона, оставив и туфли, и носки, и комбинезон кучей на полу. Тело у Хуана было твердое и коричневое; обязан этим он был не солнцу, а коричневым предкам. Он подошел к ванной и постучался. Алиса спустила воду в унитазе и открыла дверь. Она опять мыла лицо, и мокрая прядь волос прилипла к щеке. Губы у нее оттопырились, глаза припухли и покраснели.

— Что происходит? — спросил Хуан. — Черт знает как сегодня развлекаешься, а?

— Зуб болит, — сказала Алиса. — Что я могу сделать? Дергает прямо, вот тут.

— А с Нормой что? — спросил Хуан.

— Пусть уезжает, — сказала Алиса. — Я так и знала, что когда-нибудь она попадется.

— Да что она сделала-то?

— Руку запустила куда не следует, — сказала Алиса.

— Что она взяла?

— Я подумала: надо проверить. Помнишь, ты подарил мне на Рождество флакон «Беллоджии»? Так вот он пропал, и я нашла у нее в чемодане. И как раз когда нашла, она сама явилась — тут же, конечно, в амбицию, а я ей сказала, что она свободна.

Взгляд Хуана стал рассеянным. Попахивало

враньем, но что там на самом деле — его не очень занимало. Женские свары его не касались. Он стал в ванну и задернул непромокаемую занавеску.

— С самого утра куролесишь, — сказал он. — Что с тобой творится?

— У меня это дело, — сказала Алиса, — и еще зуб болит.

Хуан знал, что первое — неправда. А что второе — ложь, только подозревал.

— Выпей, когда уедем. Поможет с обеих сторон, — сказал он.

Алиса была довольна. Она и хотела, чтобы он сам предложил.

— Придется тебе побыть за всех, — продолжал Хуан. — Прыщ тоже уезжает.

В Алисе все взыграло. Она остается одна, совсем одна. Но нельзя показывать Хуану, что она этого хочет.

— А Прыщ зачем едет? — спросила она.

— Хочет кое-чего поискать в Сан-Хуане. Слушай, а может, вообще закроем? Сходишь в Сан-Хуане к зубному врачу.

— Нет, — сказала Алиса. — Не стоит. Завтра или послезавтра съезжу в Сан-Исидро. Не стоит закрывать закусочную.

— Как хочешь. У тебя болит, — сказал Хуан и включил воду. Он высунул голову из-за занавески: — Иди туда, подай пассажирам.

К тому времени, когда появилась Алиса, Эрнест Хортон уже присоседился к блондинке.

— Ну что, нальете нам две чашки кофе? — сказал он. И блондинке: — Или вам кока-колы?

— Нет. Кофе. От кока-колы я толстею.

Эрнест ухаживал. Он уже спросил, как ее зовут, и блондинка сказала, что Камиллой Дубс. Сказала, конечно, неправду. Это было быстрое объединение рекламы «Кэмел» на стене — непременная блондинка с воздухоплавательными грудями — и дерева за окном. Но отныне она — Камилла Дубс, по крайней мере до конца поездки.

— Я недавно где-то слышал ваше имя, — сказал Эрнест. Он учтиво передал ей сахарницу.

Нога мистера Причарда слегка подергивалась в воздухе, миссис Причард наблюдала за мужем. Она видела, что мистер Причард чем-то раздражен, но чем — не понимала. Она не имела опыта в таких делах. Ее подруги были не того типа, чтобы мистер Причард стал дергать ногой. А о жизни мужа за пределами своего круга она не знала ничего.

Он спустил ногу на пол, встал и подошел к

стойке.

— Вам пришел на память процесс об убийстве Дубс, — сказал он Эрнесту. — Я убежден, что нашу молодую даму не убили, и обратно — она никого не убила, — пошутил он. — Будьте добры, еще кофе, — любезно обратился он к Алисе.

Дочь посмотрела на него, оттянув уголок правого глаза. Она услышала в его голосе что-то незнакомое. Тон был несколько величественным. Он растягивал «а» и изъяснялся с ненатуральной церемонностью. Это поразило его дочь. Она присмотрелась к блондинке и вдруг поняла. Мистер Причард реагировал на Камиллу Дубс. Он с нею заигрывал — как бы по-отечески. Дочери это не понравилось.

Мистер Причард сказал:

— У меня такое впечатление, что мы с вами встречались. Это могло быть?

Милдред мысленно передразнила его: «Кажись, я тебя гдей-то видел?»

Камилла посмотрела на лицо мистера Причарда, потом скользнула взглядом по клубному значку у него на лацкане. Она-то знала, где он ее видел. Когда она сидела нагишом в бокале, она очень старалась не смотреть на лица мужчин. В их влажных выпученных глазах и вислогубых

улыбках было что-то пугающее. Казалось, стоит взглянуть на кого-нибудь прямо — он на нее кинется. Публика была для нее — розовые мячи лиц и сотни белых воротничков с аккуратными галстуками. В клубах «Двух с половиной — трех тысяч» обычно — смокинги. Она сказала:

— Не помню.

— Бывали на Среднем Западе? — не отставал мистер Причард.

— Я работала в Чикаго, — сказала она.

— Где? — спросил мистер Причард. — Едва ли я мог ошибиться.

— У зубного врача.

Глаза мистера Причарда оживились за очками.

— Ну как же, конечно. У доктора Хораса Либхольца, моего зубного врача в Чикаго.

— Нет, — сказала она, — нет, у него не работала. Последнее мое место — у доктора Ч. — Т. Честерфилда. — Это она тоже взяла с плаката — и неосмотрительно. Камилла надеялась, что он не заметит у себя за плечом надпись: «Честный Табак — Честерфилд».

К отвращению дочери, мистер Причард весело произнес:

— Ничего, рано или поздно вспомню. Я не забываю ни одного лица.

Миссис Причард перехватила взгляд дочери и уловила ее неприязнь. Она опять взглянула на мужа. Он вел себя странно.

— Элиот, — сказала она, — можешь принести мне кофе?

Мистер Причард встрепенулся.

— А?.. Да, сейчас, — сказал он уже своим обычным голосом. Правда, вернулось и раздражение.

Сетчатая дверь открылась и громко захлопнулась. Вошел Прыщ Карсон, но Прыщ преображенный. Он сильно напудрил лицо, пытаясь скрыть нарывчики, — и добился того, что из красных они превратились в фиолетовые. Волосы, зализанные назад, слиплись от помады. На нем были рубашка с беспощадным воротничком, пристегнутым на горле золотой запонкой, и зеленый галстук с маленьким узелком. Воротник причинял Прыщу легкое удушье. Когда он глотал, воротник и галстук привставали. Костюм на нем был шоколадный, из ворсистой материи; на одной штанине угадывались отпечатки кроватных пружин. Туфли — белые с коричневым, шерстяные носки в красную и зеленую клетку.

Алиса изумилась его виду.

— Нет, вы посмотрите, каков явился! — сказала она.

Прыщ ее ненавидел. Он сел на табурет, от которого только что отошел мистер Причард с чашкой кофе для жены.

— Мне бы кусочек свежего пирога с малиной. — Он боязливо поглядел на Камиллу и чуть сдавленным голосом сказал: — Девушка, вам надо попробовать этого пирога.

Камилла посмотрела на него, и ее взгляд оттаял. Она понимала, когда человеку не по себе.

— Нет, спасибо, — мягко ответила она. — Я позавтракала в Сан-Исидро.

— Я плачу, — шалея, объявил Прыщ.

— Нет, правда спасибо. Не могу.

— Зато он может, — вмешалась Алиса. — Он может есть их вверх ногами в ванне с пивом в Вербное воскресенье. — Она крутанула пирог и взяла нож.

— Двойную, пожалуйста, — попросил Прыщ.

— По-моему, получки у тебя не будет, — безжалостно сказала Алиса. — Слопал целиком весь недельный заработок.

Прыщ дернулся. Господи, до чего он ненавидел Алису! Алиса наблюдала за блондинкой. Она почувствовала, в чем дело. Все мужчины в комнате сделали стойку и сосредоточились на приезжей. Алису это встревожило. Хуан войдет — все бу-

дет ясно. Минуту назад ей хотелось поскорее спровадить автобус и как следует выпить. Но сейчас — сейчас она встревожилась.

Эрнест Хортон сказал Камилле:

— Если мне удастся добраться до чемодана, я вам покажу, какими смешными штуками я торгую. Новинки. Ужасно забавные.

Она спросила:

— Давно вы вернулись из армии?

— Пять месяцев.

Она перевела взгляд на его лацкан с голубой планкой и белыми звездочками.

— Это хороший, — сказала она. — Он у нас какой-то главный. Да?

— Говорят, что да, — сказал Эрнест. — Хотя поесть на него не купишь. — Они вместе рассмеялись.

— Большой начальник вам его надевал?

— У-у, — ответил Эрнест.

Мистер Причард подался вперед. Его раздражало, что он не понимает их разговора.

Прыщ сказал:

— Вам надо попробовать пирога с малиной.

— Не могу, — сказала Камилла.

Алиса сказала:

— Только найди в нем муху — так и надену

весь на морду.

Камилла разбиралась в симптомах. Эта уже готова ее возненавидеть. Она настороженно взглянула на остальных двух женщин. От миссис Причард беспокойства не будет. А вот молодая, что очки носить не хочет… Камилла только понадеялась, что им нечего будет делить. Может оказаться тем еще фруктом. Она мысленно крикнула: «О Господи, Лорейн, развяжись ты со своим придурком, и опять будем жить вместе!» На нее навалилась усталость и страшное одиночество. Она прикинула: а каково это — быть замужем за мистером Причардом. Примерно о таком мужчине она и думала. Наверно, это не очень трудно. По жене его не похоже, чтобы с ним было много хлопот.

Бернис Причард ничего не подозревала. Она не испытывала неприязни к Камилле. Она лишь смутно ощущала какую-то перемену в воздухе, но какую именно — не улавливала.

— Не мешало бы нам собрать вещи, — жизнерадостно сказала она дочери. Между тем вещи уже были собраны.

Из спальни вышел Хуан. Он надел чистые вельветовые брюки, чистую синюю рубашку и кожаную куртку. Его густые волосы были зачеса-

ны назад, а лицо лоснилось после бритья.

— Все готовы? — спросил он.

Алиса наблюдала за ним, пока он огибал стойку. Он даже не взглянул на Камиллу. В Алисе шевельнулась тревога. Хуан смотрел на всех девушек. А раз не посмотрел, значит, что-то не так. Алисе это не понравилось.

Ван Брант, старик с согнутой шеей, вошел со двора и остановился, придерживая сетчатую дверь.

— Опять дождь собирается, — сказал он.

Хуан был краток:

— Уедете со следующим «борзым» в Сан-Исидро.

— Я передумал, — объявил Ван Брант. — Я еду с вами. Хочу посмотреть на этот мост. Но говорю вам, дождь собирается.

— Я думал, вы не хотите ехать.

— Могу я передумать, нет? Почему вы не позвоните еще раз насчет моста?

— Сказали, что он цел.

— Это когда было, — сказал Ван Брант. — Вы не здешний. Не знаете, какие быстрые бывают паводки на Сан-Исидро. А я видел, как она поднимается за три часа на метр, когда холмы сбрасывают воду. Лучше позвоните.

Хуан рассердился.

— Слушайте, — сказал он, — я водитель автобуса. Не первый день. Вам не нравится? Либо езжайте и положитесь на меня, либо оставайтесь, но позвольте мне его вести.

Ван Брант нагнул голову набок и холодно посмотрел на Хуана.

— Не знаю, поеду я с вами или нет. А может, напишу на вас в транспортную комиссию. Вы, между прочим, — общественный транспорт. Прошу не забывать.

— Ну что, поехали? — сказал Хуан.

Алиса исподтишка наблюдала за ним: он не смотрел на Камиллу, не предложил поднести ее чемодан. Скверно. Алисе это не нравилось. Не похоже на Хуана.

Камилла подняла чемодан и заторопилась к автобусу. Ей не хотелось сидеть рядом с мужчиной. Она устала. Она быстро перебрала варианты. Милдред Причард — без спутника, но Милдред ее уже невзлюбила. Зато девушка, которая уволилась, давно в автобусе. Камилла торопливо пересекла двор и поднялась по ступенькам. Эрнест Хортон и мистер Причард не мешкая устремились за ней, но Камилла уже стояла в проходе. Норма сидела не шевелясь. Взгляд ее

был враждебным, а нос красным и блестящим. Норма была крайне напугана своим поступком.

Камилла сказала ей:

— Можно с тобой сесть, детка?

Норма чопорно повернула голову и оглядела блондинку.

— Свободных мест много, — ответила она.

— А все-таки можно? Я потом тебе объясню.

— Располагайтесь где вам угодно, — важно сказала Норма. Видно было, что вещи на блондинке дорогие. И это сбивало с толку. Люди обычно не хотели сидеть рядом с Нормой. Но тут должна быть причина. Может быть — таинственная причина. Что-что, а фильмы Норма знала. Такое могло вылиться в полнометражный упоительный сюжет. Она подвинулась к окну и освободила место.

— Далеко вы едете? — спросила Норма.

— В Лос-Анджелес.

— Ну! И я туда! Вы там живете?

— Наездами, — сказала Камилла. Она взглянула в окно: мужчины, выскочив из закусочной, увидели, что она села с Нормой. Их стремительность упала. Забег отменяется. Они столпились позади автобуса, чтобы погрузить вещи в багажник.

Хуан задержался у двери закусочной; Алиса

смотрела на него через сетку.

— Угомонись, — сказал он. — С самого утра черт знает что творится. Постарайся привести себя в порядок до моего приезда.

Лицо у Алисы стало жестче. Она готова была ответить.

Хуан продолжал:

— А то я однажды не приеду.

У нее захватило дух.

— Мне просто нездоровится, — захныкала она.

— Так давай выздоравливай, не перегибай палку. С хворыми, знаешь, долго носиться никто не будет. Никто. Поняла? — Глаза Хуана смотрели не на нее, а сквозь нее и мимо, и Алису охватила паника. Хуан повернулся и пошел к автобусу.

Алиса облокотилась на поперечину сетчатой двери. В глазах собирались большие теплые слезы. «Я толстая, — тихо сказала она, — и старая. Старая, Боже мой!» Слезы побежали носом. Она втянула их обратно. Она сказала: «Ты можешь найти молоденькую, а я что могу? Ничего. Старая галоша». Она тихо хлюпала носом за сеткой.

Мистер Причард был бы не прочь устроиться позади блондинки, чтобы на нее смотреть, но миссис Причард заняла место впереди, и ему пришлось сесть рядом. Милдред сидела отдельно,

с другой стороны и позади них. Потом влез Прыщ и сел на место, облюбованное мистером Причардом, а рядом с ним расположился Эрнест Хортон.

К огорчению Хуана, Ван Брант уселся прямо за креслом водителя. Хуан нервничал. Он не выспался, а в доме с раннего утра творилось черт-те что. Он аккуратно сложил чемоданы в заднем багажнике, покрыл брезентом и захлопнул дверь. Потом помахал Алисе — она стояла в закусочной, прислонившись к сетке. Судя по ее позе, она плакала, и это отвечало его намерениям. Отбилась от рук. Он сам не понимал, почему ее не бросит. От самой обыкновенной лени, подумалось ему. Уход от нее означал душевные пертурбации, которых он не желал. Помимо воли он будет беспокоиться о ней, и вообще — маета. Ему сразу понадобится другая женщина, а это — опять споры, разговоры, уговоры. Одно дело — найти с кем переспать, а ему нужна женщина на все время, и это — большая разница. Когда привыкаешь к одной, хлопот меньше. Вдобавок после Мексики Хуан не встречал ни одной женщины, кроме Алисы, чтобы умела готовить бобы. Непонятно. В Мексике любая индианка умеет приготовить бобы как следует, а здесь — никто, кроме Алисы: чтобы соусу сколько надо, чтобы дух был бобов,

а не приправы. Здесь чего только не кладут — и помидоры, и красный перец, и чеснок, — а бобы надо готовить ради них самих, сами по себе, отдельно. Хуан усмехнулся. «Потому что умеет готовить бобы», — сказал он себе.

Но была еще одна причина. Алиса его любила. На самом деле. И он это знал. А этим не бросаются. Это — здание, в нем есть единство, и ты не можешь оставить его, не оторвав кусок от себя. Так что, если хочешь быть целым, ты остаешься, как бы мало тебе это ни нравилось. Хуан был не из тех, кто долго себя морочит.

Уже перед дверью автобуса он повернулся и быстро пошел к закусочной.

— Ты полечись все-таки, — сказал он Алисе. Взгляд у него был теплый. — Глотни — от зуба. — Он повернулся и зашагал к автобусу. Когда он приедет, Алиса будет пьяная в дым, но ничего — может, промоет систему, и ей станет легче. А если она завалится, он переночует на кровати Нормы. Хуан не переносил ее запаха, когда она напивалась. Запах был кислый, резкий.

Хуан посмотрел на небо. Воздух был неподвижен, но в вышине дул ветер, собирая над горами новые полчища облаков, и облака были плоские, они соединялись и влезали друг в друга в стре-

мительном движении по небу. С больших дубов еще капало, и на листьях герани тоже блестели посередке капли. На земле в затишье кипела деятельность.

Как ни противно было ему соглашаться с Ван Брантом, Хуан тоже боялся, что опять будет дождь — и скоро. Он поднялся по ступеням автобуса. Ван Брант прицепился к нему, не дав даже сесть.

— Знаете, откуда ветер дует? С юго-запада. Знаете, откуда облака натягивает? С юго-запада. А знаете, откуда к нам дожди приходят? — торжествующе спросил он. — С юго-запада.

— Ладно, и так и так когда-нибудь умрем, — сказал Хуан. — И кое-кто — довольно жуткой смертью. Трактор, например, тебя задавит. Не видали, как трактор давит?

— С чего вы это взяли? — спросил Ван Брант.

— Дождь так дождь, — сказал Хуан.

— Нет у меня трактора, — сказал Ван Брант. — У меня четыре пары лошадей, лучшие в штате. Откуда вы взяли про трактор?

Хуан нажал стартер. Он заработал с тонким скрипучим подвыванием, но мотор завелся почти сразу и звучал хорошо. Звук был ровный и чистый. Хуан обернулся.

— Кит, — позвал он, — ты там слушай задний мост.

— Ладно, — сказал Прыщ. Ему было приятно доверие Хуана.

Хуан махнул Алисе и закрыл рычагом дверь. За сеткой не видно было, что она делает. Подождет, пока они не скроются из виду, и только тогда возьмет бутылку. Он надеялся, что она ничего не натворит.

Хуан проехал мимо фасада закусочной и свернул направо на асфальтовую дорогу в Сан-Хуан-де-ла-Крус. Дорога была не очень широкая, но ровная и с выпуклым профилем, так что вода на ней не застаивалась. По долине и холмам были разбросаны пятна солнечного света, разгороженные подвижными тенями облаков, летевших по небу. И солнечные места, и тени были пасмурно-серые, хмурые и угрожающие.

«Любимая» попрыгивала на скорости шестьдесят пять километров. Это был хороший автобус, и задний мост тоже звучал хорошо.

— Никогда не любил тракторы, — сказал Ван Брант.

— Я тоже, — согласился Хуан. У него вдруг сделалось прекрасное настроение.

Ван Брант не мог успокоиться. Хуан преуспел

сверх ожидания. Ван Брант повернул к нему голову на согнутой шее:

— Слушайте, а вы не из этих, предсказателей, или как их там?

— Нет, — сказал Хуан.

— А то ведь я во всякую эту ерунду не верю, — сказал Ван Брант.

— Я тоже, — сказал Хуан.

— А трактор ни за что бы не стал держать.

У Хуана язык чесался сказать: «У меня брат был, так его лошадь копытом убила», но он подумал: «Тьфу ты, нашел с кем тягаться. Интересно, отчего он так напуган».

Глава IX

Дорога на Сан-Хуан-де-ла-Крус была асфальтовая. В двадцатые годы в Калифорнии проложили сотни километров бетонных шоссе, и люди, развалившись поудобнее, говорили: «Ну, это — вечное. Это проживет, сколько римские дороги, и дольше — никакая трава сквозь бетон не прорастет, не пробьется». Но они ошибались. Обутые в резину грузовики, тяжело подскакивающие машины били бетон, и он со временем терял крепость, начинал крошиться. Там обломится бровка, тут появится выбоина или трещина пробежит, а зимой ее еще льдом разопрет, и вот стойкий цемент сдается под ударами резины и ломается.

Потом ремонтные бригады заливали трещины гудроном, чтобы преградить путь воде, но — без толку, и в конце концов бетон стали покрывать асфальтом. Этот оказался живучим, потому что не так упрямо встречал удары шин. Он слегка подавался, потом слегка выравнивался. Летом размякал, зимой твердел. И постепенно все дороги покрылись лоснящейся черной одеждой, которая отливает вдалеке серебром.

Дорога на Сан-Хуан долго бежала ровными полями, и поля были не разгорожены, потому что скот здесь больше не гулял. Земля была слишком дорога для выпаса. Поля подходили к самому шоссе. Они заканчивались кюветами. В кюветах буйно росла полевая горчица и местная сурепка с лиловыми цветочками. Вдоль канав тянулся синий люпин. Маки стояли в бутонах, потому что раскрывшиеся цветы обил ливень.

Дорога бежала прямо к предгорью — округлым, женственным холмикам, мягким и притягательным, как тело. И облегавшая их зеленая травка казалась бархатистой, как молодая кожа. От дождя холмы стали яркими, сочными, и по ровной красивой дороге среди красоты катился автобус «Любимая». Отражались в воде канав его отмытые блестящие бока. Качались перед стеклом талисманы — крохотные боксерские перчатки, детские башмачки. С лунного серпа над приборной доской ласково смотрела на пассажиров Дева Гвадалупская.

Из заднего моста не слышалось грубого или нехорошего звука, только коробка скоростей тихо подвывала. Хуан уселся поудобнее, предвкушая приятную езду. Перед ним было большое зеркало, где он мог видеть пассажиров, а за окном дру-

гое — длинное, в нем отражалась дорога сзади. Дорога была пустынна. Его обогнали несколько легковых машин, но ни одной не попалось навстречу. Сперва он был смутно озадачен этим, потом забеспокоился всерьез. А вдруг мост вышел из строя? Ну что ж, тогда придется ехать назад. Он отвезет их всех в Сан-Исидро и там высадит. Если мост снесло, автобус ходить не будет, пока его не восстановят. Он увидел в зеркале, что Эрнест Хортон раскрыл чемодан с образцами и показывает Прыщу какую-то игрушку, которая завертелась, блеснула и исчезла. Заметил, что Норма с блондинкой наклонились друг к дружке и разговаривают. Он чуть прибавил скорость.

Он не собирался ухаживать за блондинкой. Подступиться к ней не было никакой возможности. А Хуан уже достаточно пожил, чтобы не страдать из-за того, что недоступно. Конечно, подвернись ему случай, он бы и задумываться не стал, что делать. У него заныло под ложечкой, едва он ее увидел.

До сих пор Норма держалась с Камиллой чопорно. Она взяла такой холодный тон, что просто не могла сразу оттаять. Но Камилле она нужна была как щит, да и ехали они в одно место.

— Я ни разу не была в Лос-Анджелесе и Голли-

вуде, — призналась Норма потихоньку, чтобы не услышал Эрнест. — Ни куда пойти не знаю, ничего.

— А что ты собираешься делать? — спросила Камилла.

— Устроюсь на работу, наверно. Официанткой или еще где-нибудь. Хотелось бы устроиться в кино.

Губы Камиллы растянулись в сухой улыбке.

— Сперва все-таки устройся официанткой, — сказала она. — Кино — лихая лавочка.

— Вы актриса? — спросила Норма. — Вы похожи на актрису.

— Нет, — сказала Камилла. — Я работаю сестрой. У зубных врачей.

— Вы живете в гостинице или у вас дом, комната?

— Жить мне негде, — сказала Камилла. — До того, как уехала работать в Чикаго, мы с подругой снимали квартиру.

Взгляд у Нормы оживился.

— Я скопила немного, — сказала она. — Может быть, снимем вместе? Слушайте, если я устроюсь в ресторан, на еду тратить почти не придется. И домой могла бы приносить. — Глаза у Нормы разгорелись. — Да ведь если снимать вдвоем, это

не так дорого. И чаевые, наверно, будут.

Камилла расположилась к девушке. Она взглянула на красный нос, землистые щеки и маленькие бесцветные глаза.

— Посмотрим, как получится, — сказала она.

Норма наклонилась поближе.

— Я знаю, что волосы у вас не крашеные, — сказала она. — Но может, вы научите, как мне мои подкрасить. А то — как мышь. Прямо мышь.

Камилла рассмеялась.

— Ты бы удивилась, если бы узнала, какие они у меня на самом деле, — сказала она. — А ну-ка посиди спокойно. — Она разглядывала лицо Нормы, прикидывая, что могут сделать здесь крем, пудра и тушь, пытаясь представить себе, как будут выглядеть блестящие и завитые волосы, как увеличит глаза тень на веках, как переиначит рот губная помада. Насчет красоты Камилла не питала иллюзий. Без грима Лорейн была линялой кошкой — а вот же обходилась. Поработать над этой девушкой и вселить в нее немного уверенности — и интересно, и, опять же, напарница будет. И может быть, даже лучше, чем Лорейн.

— Это надо обдумать, — сказала она. — Красивые здесь места. Хотела бы я когда-нибудь поселиться за городом. — В голове у нее возникла

картина, прообраз того, что у них получится. Норму можно улучшить. Она будет даже хорошенькая, если будет за собой следить. А потом Норма познакомится с парнем и, конечно, приведет домой, чтобы им похвастаться, а парень станет подкатываться к Камилле, и Норма ее возненавидит. Вот так все и будет. Так уже бывало. Но какого черта! До тех пор-то им будет хорошо. Да и предупредить это можно — уходить заранее, когда Норма вздумает привести его.

Дружелюбное чувство согрело Камиллу.

— Это надо обдумать, — сказала она.

Хуан увидел впереди раздавленного зайца. Многим доставляет удовольствие переехать какого-нибудь зверька, а Хуан этого не любил. Он чуть повернул руль, расплющенная тушка прошла промеж колес, и под шиной не хрупнуло. Он держал скорость чуть-чуть за семьдесят. Большие автобусы на шоссе часто гнали под сто, Хуану же спешить было некуда. Еще три километра дорога будет прямой, а потом начнет петлять между круглых холмов. Хуан снял одну руку с баранки и потянулся.

Пролетавшие телеграфные столбы похлестывали по глазам Милдред Причард. Очки она все же надела. Она следила за лицом Хуана в зеркале.

С ее места оно было видно чуть больше, чем в профиль. Милдред заметила, что он то и дело поднимает голову — взглянуть на блондинку, — и ее разбирала злость. Ее до сих пор смущало то, что произошло в закусочной. Никто об этом, конечно, не знал — разве что Хуан Чикой догадался. Она до сих пор ощущала тепло и легкий зуд. И в голове крутилась одна и та же фраза. Не блондинка она, не сестра и никакая не Камилла Дубс. Фраза выскакивала и выскакивала, раз за разом. Милдред усмехнулась про себя. «Ага, пытаемся ее истребить, — подумала она. — Какая глупость. Почему не признаться прямо, что ревную? Я ревную. Хорошо. Ну и что же, меньше я ревную от того, что призналась? Нет, не меньше. Но отец из-за нее выглядел дураком. Хорошо. Не все ли мне равно, дурак он или нет? Нет, не все равно — когда мы вместе. Стесняюсь перед людьми, что я его дочь, и только. Нет, это тоже неправда. Не хочу ехать с ним в Мексику. Прямо слышу все, что он скажет». Ей было неуютно, и тряска тоже не улучшала самочувствия. «Баскетбол, — подумала она, — это — дело». Она напрягла мускулы бедер и подумала о стриженном под ежик студенте с инженерного факультета. Она стала вспоминать их роман.

Мистер Причард уже устал и соскучился. Соскучившись, он бывал несносен. Он егозил.

— Края, кажется, богатые, — сказал он жене. — Ты знаешь, большую часть овощей для Соединенных Штатов выращивает Калифорния.

Миссис Причард уже слышала, как она будет рассказывать дома о путешествии.

«Потом мы ехали и ехали по зеленым полям, поросшим люпином и маками, прямо как в саду, В каком-то странном местечке к нам подсела молодая блондинка, и мужчины вели себя нелепо, даже Элиот. Я потом потешалась над ним неделю». Она напишет об этом в письме. «Но я совершенно уверена, что это бедное размалеванное создание — милейшее и очаровательное существо. Она назвалась медицинской сестрой, но я думаю, что она, вероятно, актриса — знаете, на маленькие роли. В Голливуде их масса. Тридцать восемь тысяч зарегистрированных. У них большое агентство по найму. Тридцать восемь тысяч». Она слегка кивала головой. Ей хотелось спать и есть. «Интересно, какие еще нас ждут приключения?» — думала она.

Когда миссис Причард погружалась в мечтания, от мужа это не ускользало. Они достаточно пожили вместе, поэтому он сразу улавливал,

что жена не слушает его, и обычно продолжал говорить. Он часто уточнял свои мысли о делах или о политике, излагая их жене, когда она не слушала. У него была цепкая память на цифры и факты. Он знал, сколько приблизительно тонн сахарной свеклы производит долина Салинас. Он где-то прочел об этом и запомнил, хотя цифра была ему совершенно ни к чему. Он считал, что такие сведения полезны, и никогда не задавался вопросом, насколько они полезны и почему. Но сейчас его не тянуло к положительным знаниям. Мощный магнит воздействовал на него сзади. Хотелось обернуться и поглядеть на блондинку. Хотелось сидеть там, откуда ее видно. Позади находились Хортон и Прыщ. Нельзя же просто сесть напротив и глазеть на нее.

Миссис Причард спросила:

— Сколько ей, по-твоему, лет?

Вопрос ошеломил его, потому что он размышлял как раз о том же.

— Кому сколько лет? — спросил он.

— Этой молодой женщине. Молодой блондинке.

— А-а, ей. Почем я знаю? — Ответ прозвучал так грубо, что жена немного растерялась и обиделась. Он увидел это и попытался прикрыть

промашку. — Девочки больше понимают про девочек, — сказал он. — Тебе легче угадать, чем мне.

— Почему? Нет, не знаю. При такой косметике и крашеных волосах… трудно сказать. Мне просто интересно. Думаю, что-нибудь от двадцати пяти до тридцати.

— А я совершенно себе не представляю, — сказал мистер Причард. Он посмотрел в окно на приближавшиеся холмы. Ладони у него слегка взмокли, магнит сзади притягивал его. Хотелось оглянуться. — Просто не представляю, — сказал мистер Причард. — А вот этот молодой, Хортон, меня заинтересовал. Он молод, у него есть хватка и мысли есть. Нет, этот человек мне по душе. Знаешь, такому нашлось бы место в нашей компании. — Речь уже шла о коммерции.

Бернис тоже умела оградить себя магическим кругом — материнства или, скажем, менструации или темы в этом роде, и ни один мужчина не мог или не захотел бы вступить внутрь. А у мужа таким магическим кругом была коммерция. Когда дело касалось коммерции, она не смела к нему приблизиться. В коммерции она ничего не понимала и не интересовалась ею. Это была его территория, и жена ее уважала.

— Кажется, приятный молодой человек, — сказала она. — Его речь и манеры…

— Помилуй, Бернис! — раздраженно перебил он. — Коммерция — это не речь и манеры. Коммерция — это чего ты стоишь в делах. Это самое демократичное занятие на свете. На что ты годишься в деле — все остальное не в счет.

Он пытался вспомнить, какие у блондинки губы. Он был убежден, что женщины с полными губами сладострастны.

— Хотелось бы немного поговорить с Хортоном, пока он здесь, — сказал мистер Причард.

Бернис знала, что он неспокоен.

— Почему вам не поговорить сейчас? — предложила она.

— Да не знаю. Он сидит с мальчиком.

— Я уверена, что мальчик пересядет, если ты его мило попросишь. — Она была уверена, что любой человек окажет тебе любую услугу, если его мило попросить. И у нее это действительно получалось. Она обращалась с самыми нескромными просьбами к незнакомым людям и получала желаемое исключительно благодаря тому, что обращалась мило. Она просила посыльного в гостинице отнести ее чемоданы на станцию за четыре квартала — не брать же такси из-за та-

кого пустяка, — а потом мило благодарила его и давала десять центов.

Сейчас она знала, что помогает мужу сделать что-то нужное. Что именно — она не совсем понимала. Ей хотелось вернуться к сочинению воображаемого письма о путешествии. «Элиот так всем интересуется. Со всеми подолгу разговаривает. Поэтому, наверно, он столького и добился. Ему все интересно. И он такой тактичный. Там был мальчик с большими прыщами, и Элиоту не хотелось его беспокоить, но я ему сказала, что надо только мило попросить. Людям нравится, когда с ними любезны».

Мистер Причард опять чистил ногти золотым инструментом, который носил на часовой цепочке.

Взгляд Прыща был прикован к затылку Камиллы. Сев, он первым делом проверил, не видно ли под сиденьем ее ног, хотя бы щиколоток. Время от времени она поворачивалась к окну, и тогда он видел ее профиль, длинные, начерненные, загнутые ресницы, прямой напудренный нос с чуть потемневшими от табачного дыма и дорожной пыли ноздрями. Четко очерченная верхняя губа чуть выдавалась вперед, вспухая тяжелым красным лепестком, и Прыщ видел

над ней зачаточный пушок. Почему-то это его мучительно возбуждало. Когда ее голова была повернута прямо, он видел в открывшемся между прядями просвете одно ее ухо. Видел тяжелую мочку и складку в глубине, где ухо плотно прилегало к голове. Край раковины заворачивался желобком. Когда он стал смотреть на ее ухо, она, словно почувствовав его взгляд, вскинула голову и тряхнула волосами, так что просвет исчез и ухо скрылось. Она достала из сумки гребень, потому что волосы сдвинулись и открыли глубокий шрам от зажимов под ухом. Прыщ увидел уродливый шрам впервые. Ему пришлось наклониться в сторону, чтобы разглядеть, и в груди у него закололо. Он ощутил глубокую и бессмысленную печаль, но печаль тоже была плотоядной. Он вообразил, как держит ее голову и гладит пальцем бледный шрам. Он несколько раз сглотнул.

Камилла тихо говорила Норме:

— А еще там есть маленькая церковь на Вереске. Наверно, самое красивое кладбище на свете. Знаешь, туда пускают по билетам. Я люблю там просто гулять. Так красиво, и почти все время играет орган, а кругом похоронены люди, которых ты видела в кино. Я всегда говорю: вот где я хотела бы, чтоб меня похоронили.

— Не люблю таких разговоров, — сказала Норма. — Плохая примета.

Прыщ рассеянно беседовал с Эрнестом Хортоном об армии.

— Говорят, можно получить специальность и повсюду ездить. Не знаю. Я записался на радарные курсы. Начинаются со следующей недели, заочные. По-моему, радар сейчас входит в силу. А в армии можно пройти настоящий основательный курс радиолокации.

Эрнест сказал:

— Не знаю, как в мирное время. На войне — учись сколько влезет.

— А вы бывали в настоящих боях?

— Побывал, хоть и не напрашивался.

— А где вы служили? — спросил Прыщ.

— Да по всему пеклу, — сказал Эрнест.

— Может, осмотрюсь немного, а там устроюсь, как вы, по торговой части, — предположил Прыщ.

— А это — просто положить зубы на полку, пока не наладишь связи, — сказал Эрнест. — У меня пять лет ушло на то, чтобы завязать связи, и тут меня призвали. Я только-только поднимаюсь на ноги. В это нельзя вот так просто взять и войти, надо поработать. Кажется, и не работа вовсе — а

еще какая. Если бы я начинал все снова, я бы получил специальность, чтобы хоть дом иметь. Как хорошо, когда есть жена и пара ребятишек. — Эрнест всегда так говорил. А выпивши — и верил. Дом ему был не нужен. Он любил ездить и видеть разных людей. Из дома он сбежал бы сразу. Однажды он был женат — и ушел на второй день, бросив вконец перепуганную и разгневанную жену, после чего больше ее не видел и не писал ей. Но как-то раз увидел ее фотографию. Ее забрали: вышла замуж за пятерых и за каждого получала армейское пособие. Вот это невеста. Ничего не скажешь, обернулась. Эрнест даже восхищался ею. С такого оборота и прибыль настоящая.

— А почему дальше не хочешь учиться? — спросил он Прыща.

— Да ну их с их премудростью, — сказал Прыщ. — Эти студенты — все равно как барышни. А я хочу жить как мужчина.

Камилла наклонилась к Норме и шептала ей на ухо. Обе тряслись от смеха. Автобус на скорости вписался в поворот, и его обступили холмы. Дорога пошла между крутыми склонами, почва на откосах была темной, сочилась водой. Короткие золотоспинные папоротники цеплялись за гравий, и с них тоже капало. Хуан положил правую

руку на руль и свободно свесил оба локтя. Теперь пятнадцать минут дорога будет петлять между холмами, без единого прямого участка. Он взглянул в зеркальце на блондинку. Вокруг глаз у нее собрались морщинки от смеха, и она прикрывала рот растопыренными пальцами, как девочка.

Мистер Причард, отправившись назад, был неосмотрителен, и на вираже его кинуло в сторону. Он хотел схватиться за спинку, промахнулся и рухнул на колени Камиллы. Правой рукой, пытаясь задержать падение, он задрал ее короткую юбку, и его рука попала ей между колен. Юбка треснула. Камилла помогла ему подняться и одернула юбку. Мистер Причард густо покраснел.

— Я очень виноват, — сказал он.

— Ничего страшного.

— Но я порвал вам юбку.

— Я починю.

— Но я должен заплатить за починку.

— Я сама зашью. Тут немного. — Она посмотрела на его лицо и поняла, что он изо всех сил старается растянуть объяснение. «Сейчас захочет узнать, по какому адресу выслать деньги», — подумала она.

Миссис Причард окликнула мужа:

— Элиот, ты решил посидеть у дамы на коле-

нях?

Тут даже Хуан рассмеялся. Рассмеялись все. И вдруг люди в автобусе перестали быть чужими. Произошла какая-то химическая реакция. Норма хохотала истерически. Все напряжение утра разрядилось в этом хохоте. Мистер Причард сказал:

— Должен заметить, вы вели себя мужественно. Я шел сюда не затем, чтобы сидеть у вас на коленях. Я хотел обменяться несколькими словами с этим джентльменом. Дружок, — сказал он Прыщу, — ты не мог бы пересесть на минуту? Мне надо обсудить одно дело с мистером… я, по-моему, не знаю вашей фамилии?

— Хортон, — сказал Эрнест, — Эрнест Хортон.

Мистер Причард владел самыми разными приемами обращения с людьми. Он никогда не забывал имя человека более богатого или влиятельного, чем он, и никогда не знал имени человека менее влиятельного. Он обнаружил, что, вынудив человека назваться, ты ставишь его в невыигрышное положение. Когда человек называет себя, он чувствует себя несколько оголенным и незащищенным.

Камилла смотрела на порванную юбку и тихо разговаривала с Нормой.

— Мне всегда хотелось жить на холме, — гово-

рила она. — Я люблю холмы. Люблю гулять по холмам.

— Все это очень хорошо, когда ты богатая и знаменитая, — решительно сказала Норма. — Я знаю людей в кино: чуть выдастся свободный час — и, представляете, идут охотиться или удить рыбу, наденут старье и курят трубку.

Норма раскрывалась перед Камиллой. Никогда в жизни она не ощущала такой приподнятости и свободы. Она могла говорить все, что заблагорассудится. Она тихонько посмеивалась.

— Куда приятней носить старые грязные платья, если у тебя полон шкаф красивых, чистых, новых, — сказала она. — А у меня только старые и есть, и они мне до смерти надоели. — Норма взглянула на Камиллу — как она отнесется к такой откровенности. Та кивнула:

— Верно говоришь, детка. — Что-то очень сильное и родственное все больше сближало их. Мистер Причард пытался подслушать их разговор, но не мог.

Вода, бежавшая в долину, наполнила кюветы до краев. Тяжелые тучи накапливались для новой атаки.

— Дождь собирается, — радостно предупредил Ван Брант.

Хуан закряхтел.

— У меня шурина лошадь копытом убила, — буркнул он.

— Значит, совсем бестолковый, — сказал Ван Брант. — Если лошадь человека лягнула, чаще всего сам виноват.

— Сам или не сам, а убила, — сказал Хуан и умолк.

Вершина подъема была уже близко, и виражи делались все круче и круче.

— Мне показался очень интересным наш короткий утренний разговор, мистер Хортон. Приятно поговорить с человеком, у которого есть хватка и сметка. Я постоянно присматриваю таких людей для моей компании.

— Благодарю, — сказал Эрнест.

— Как раз сейчас у нас много хлопот с этими демобилизованными, — сказал мистер Причард. — Понимаете, хорошие люди. И я считаю, что для них должно быть сделано все-все. Но они отстали от жизни. Устарели. А в нашем деле надо все время идти в ногу. Кто шел в ногу, стоит двоих, которые, так сказать, выбрались из мясорубки. — Он посмотрел на Эрнеста, ожидая одобрения. Но вместо этого увидел в глазах Эрнеста какую-то колючую насмешку.

— Понял вас, — сказал Эрнест. — Я четыре года был в армии.

— О! — сказал мистер Причард. — О, ну да — вы, я вижу, не носите увольнительного значка.

— У меня *есть* работа, — сказал Эрнест.

Мысли у мистера Причарда путались. Какая грубая оплошность с его стороны! Он не мог сообразить, что это за штука у Эрнеста в петлице. Что-то знакомое. Ведь знает он ее.

— Они отличные ребята, — сказал он, — надеюсь только, мы все же обзаведемся правительством, которое сумеет о них позаботиться.

— Как после той войны? — спросил Эрнест. Это был двойной укол, и мистер Причард усомнился, прав ли он был в своем расположении к Хортону. Была в Хортоне какая-то грубость. Какая-то развязность и сумасбродство, заметные у многих бывших солдат. Врачи говорят, что это у них пройдет, когда они поживут немного нормальной пристойной жизнью. Они выбиты из колеи. Надо обязательно что-то сделать.

— Я всегда первым готов встать на защиту наших ветеранов, — сказал мистер Причард. Боже, как ему хотелось отделаться от этой темы. Эрнест глядел на него с кривоватой усмешкой, которую ему уже приходилось замечать у претен-

дентов на место. — Я просто подумал, что стоит порасспросить человека с вашей хваткой и сметкой, — смущенно сказал мистер Причард. — Я был бы очень рад, если бы вы зашли ко мне после отпуска. У нас всегда найдется место для человека с такими качествами.

— Ну что ж, — сказал Эрнест, — по правде, мне осточертело без конца мотаться по стране. Я часто думаю — неплохо было бы обзавестись домом, женой и парой ребятишек. Это — жизнь. Приходишь вечером домой, затворился от всего мира, а тут у тебя, к примеру, — мальчик и девочка. А ночевки в отелях — разве житье?

Мистер Причард кивнул.

— Вы правы на все сто, — сказал он с большим облегчением. — Кому-кому, а мне это объяснять не надо. Двадцать один год женат и не хочу ничего другого.

— Вам повезло, — сказал Эрнест. — Ваша жена прекрасно выглядит.

— Она и жена прекрасная, — сказал мистер Причард. — Самый заботливый человек на свете. Я часто думаю, что бы я делал без нее.

— Я тоже был женат, — сказал Эрнест. — Она умерла. — Лицо у него стало грустным.

— Сочувствую, — сказал мистер Причард. —

Извините, конечно, за банальность. Но время залечивает раны. И может быть, вы еще… словом, я бы не терял надежды.

— Нет, я не теряю.

— Не хочу совать нос в чужие дела, — сказал мистер Причард, — но я тут подумал о вашей идее насчет чехлов на лацканы, чтобы превратить темный костюм в смокинг. Если вы ни с кем не связаны, я подумал, что мы могли бы… ну, обсудить это в деловом плане.

— Я ведь вам объяснил положение. Фирмы готового платья не потерпят того, что потеснит их с рынка. Я пока не вижу никакого подступа.

Мистер Причард сказал:

— Я забыл, вы, кажется, подавали заявку на патент?

— Да нет. Я вам говорил. Я только зарегистрировал идею.

— Что значит зарегистрировали?

— Ну, составил описание, с чертежами, положил в конверт и отправил по почте себе, заказным. Этим засвидетельствовано, когда я придумал — потому что конверт запечатан.

— Понимаю, — сказал мистер Причард и спросил себя, действителен ли такой способ юридически. Неизвестно. Но всегда лучше принять

изобретателя в пай. Только самым крупным людям по карману взять изобретение на корню. Крупным людям по карману долгая драка. Они рассчитали, что это дешевле, чем войти с изобретателем в долю, и цифры показывают, что они правы. Но фирма мистера Причарда была не настолько крупна, а кроме того, он всегда считал, что великодушие окупается.

— У меня есть две-три дельных мысли, — сказал он. — Конечно, тут нужна какая-то организация. А что, если нам с вами заключить сделку? Все это пока предположительно, понимаете, надеюсь? Я обеспечиваю организацию, а прибыли мы делим.

— Но никому это не нужно, — сказал Эрнест. — Я уже поспрашивал.

Мистер Причард положил руку ему на колено. В груди сосало: надо замолчать, но он помнил усмешку в глазах Эрнеста, и ему хотелось понравиться Эрнесту, вызвать восхищение. Он не мог замолчать.

— Предположим, мы организовали компанию и защитили идею, — сказал он. — То есть запатентовали. Теперь мы готовимся к производству этого продукта, даем рекламу по всей стране…

— Одну минутку, — перебил Эрнест.

Но мистера Причарда несло:

— Теперь предположим, что наши планы как-то попали в руки, скажем, ну, Харта, Шафнера и Маркса или какого-нибудь другого крупного фабриканта или же акционерного общества. Конечно, они попадают туда по чистой случайности. И нас захотят откупить.

Эрнест заинтересовался.

— Откупить патент?

— Не только патент, а всю компанию.

— Но если они купят патент, они смогут похоронить идею, — сказал Эрнест.

Глаза у мистера Причарда сузились и поблескивали за очками, в углах рта притаилась улыбка. Он впервые забыл о Камилле с тех пор, как она вышла из автобуса на Мятежном углу.

— Загляните немного дальше, — сказал он. — Когда мы продаем и ликвидируем компанию, мы платим только налог с прибылей.

— Толково, — в возбуждении сказал Эрнест. — Да, сэр, очень толково. Это шантаж, и шантаж высочайшего класса. Да, сэр, тут под нас не подкопаться.

Улыбка сошла с губ мистера Причарда.

— В каком смысле шантаж? Мы собирались развернуть производство. Мы могли даже заказать

оборудование.

— Именно в этом смысле, — сказал Эрнест. — Высокий класс. Ажурная работа. Вы толковый человек.

Мистер Причард сказал:

— Надеюсь, вы не считаете это непорядочным. Я занимаюсь коммерцией тридцать пять лет и поднялся в моей компании на самый верх. Я могу гордиться моей репутацией.

— Я вас не критикую, — сказал Эрнест. — Эта ваша мысль мне кажется очень дельной. Я — за, только…

— Что — только? — спросил мистер Причард.

— С деньгой у меня слабовато, — сказал Эрнест, — а мне надо по-быстрому зашибить. Перехватить, на худой конец.

— Зачем вам деньги? Может быть, я вам ссужу…

— Нет, — сказал Эрнест, — сам достану.

— Что, придумали новый поворотик? — спросил мистер Причард.

— Да, — сказал Эрнест, — послать мою идейку в патентное бюро с почтовым голубем.

— Надеюсь, у вас и в мыслях нет…

— Конечно, нет, — сказал Эрнест. — Боже упаси. Но у меня будет веселей на душе, если этот

конверт прилетит в Вашингтон в одиночку.

Мистер Причард откинулся на спинку и улыбнулся. Дорога впереди вилась и петляла и промеж двух громадных уступов ныряла в следующую долину.

— Молодой человек, не волнуйтесь. Мне кажется, мы с вами столкуемся. Только не думайте, пожалуйста, что я хочу вас обойти. Моя репутация говорит сама за себя.

— Да я не думаю, — сказал Эрнест. — Не думаю. — Он искоса взглянул на мистера Причарда. — Дело-то в том, что у меня в Лос-Анджелесе пара роскошных дамочек, и я боюсь забраться в их квартирку и обо всем на свете забыть. — Реакция была та, на какую он рассчитывал.

— Я пробуду два дня в Голливуде, — сказал мистер Причард. — Можем обговорить там наши дела.

— К примеру, у дам на квартире?

— Надо же время от времени слегка расслабиться. Я остановлюсь в Беверли-Уилшир. Позвоните мне туда.

— Обязательно, — сказал Эрнест. — Вы какой масти дам предпочитаете?

— Поймите меня правильно, — сказал мистер Причард. — Просто посидеть и выпить виски с

содовой — все-таки у меня определенное положение. Так что прошу понять меня правильно.

— Ну как же, — сказал Эрнест. — Если желаете, попробуем подобрать эту блондинку.

— Не глупите, — сказал мистер Причард.

Прыщ пересел вперед. Под подбородком он ощущал жгучий зуд и знал, что образуется новый вулкан. Он сел наискосок от Милдред Причард. Он не хотел трогать новообразование, но руки не подчинялись. Правая поднялась, и указательный палец потер шишечку под подбородком. До чего болела шишечка. Этот будет — зверь. Прыщ уже знал, каков он будет с виду. Хотелось выдавить его, расцарапать, содрать. Нервы были натянуты. Он загнал руку в карман пиджака и сжал кулак. Милдред рассеянно смотрела в окно.

— И мне охота в Мексику, — сказал Прыщ.

Милдред удивленно обернулась к нему. Очки отразили свет из окна и уставились на него бельмами бликов.

Прыщ сглотнул.

— Никогда там не был, — сказал он слабым голосом.

— Я тоже, — сказала Милдред.

— Да, вы-то едете.

Она кивнула. Она не хотела смотреть на него,

потому что не могла отвести глаз от прыщей, а он стеснялся.

— Может быть, и вы скоро съездите, — смущенно сказала она.

— Угу, я поеду, — сказал Прыщ. — Я всюду поезжу. Я любитель путешествовать. Для меня лучше нет, чем путешествовать. Так жизнь узнаёшь.

Она опять кивнула и сняла очки, чтобы отгородиться от него. Теперь она видела его не так ясно.

— Я думал, хорошо бы стать миссионером, как Спенсер Трейси, уехать в Китай и лечить их от всяких болезней. Вы были в Китае?

— Нет, — сказала Милдред. Она была зачарована ходом его мыслей.

Большинство своих мыслей Прыщ черпал из кинофильмов, остальные — из радиопередач.

— А народ в Китае очень бедный, — сказал он, — есть такие бедные, что умирают с голоду прямо у тебя под окном, если какой-нибудь миссионер не выйдет помочь. А помог ты им — ну, они тебя любят, и пусть только япошка какой-нибудь сунется — они его сразу ножом. — Он мрачно кивнул. — Я думаю, они такие же, как мы с вами, не хуже, — сказал он. — А Спенсер Трейси приехал и стал их лечить — и они его полюбили…

и знаете, что он еще сделал? Он открыл в себе душу. А там была девушка, и он сомневался, то ли жениться на ней, то ли нет, потому что она была с прошлым. Ну, конечно, оказалось, что она в этом не виновата, и вообще это неправда — все старуха на нее наговорила. — Глаза у Прыща блестели от жалости и воодушевления. — Но Спенсер Трейси не поверил этой клевете, он жил в старом дворце с тайными коридорами и подземными ходами и… ну а потом пришли япошки.

— Я видела картину, — сказала Милдред.

Автобус на второй скорости брал последний подъем. Но вот расселась впереди вершина, и распахнулось пространство, и с крутого левого поворота открылась внизу хмурая под серыми тучами долина, и тусклой сталью блеснула в грозовом свете широкая излучина реки Сан-Исидро. Хуан включил пятую передачу и поехал под уклон.

Глава X

Река Сан-Исидро течет по долине Сан-Хуан, виляя и поворачивая, покуда не изливается лениво в бухту Блек-Рок под косой Бэт. Сама долина — длинная и не очень широкая, и река, которой течь не так уж далеко, старается побольше растянуть свой путь, перекидываясь от одного края плоской полосы к другому. То прижмется к горе и протиснется под обрывом, то растечется мелко по песчаным перекатам. Изрядную часть года воды в реке нет совсем, и песчаное ложе сплошь зарастает ивняком, который тянется корнями к подземной воде.

Когда вода уходит, в ивняке селятся кролики, еноты, койоты и мелкие лисы. В верховьях, на севере и на востоке, река идет не одним руслом, а собирается из многих ручьев, так что на карте истоки напоминают дерево с короткими голыми веточками. Сухие каменные холмы с крутыми склонами, расселинами и водомоинами весь год держат реку на голодном пайке, зато в дождливую пору, в конце зимы и весной, каменистые склоны впитывают мало воды, а остальную сбра-

сывают черными стремительными ручейками, и ручейки выбегают из ложбин, растут и впадают в ручьи побольше, а те сливаются в северном конце долины.

Вот отчего поздней весной, когда холмы впитают столько воды, сколько могут, река Сан-Исидро от сильной грозы вздувается за несколько часов бешеным паводком. И тут пенная желтая вода грызет берега, и громадные ломти угодий обваливаются в реку. Тут трупы коров и овец катятся в желтой стремнине. Это шальная, вспыльчивая река; часть года — мертвая, а остальную часть — смертоносная.

Если провести прямую из Мятежного угла в Сан-Хуан-де-ла-Крус, она пересечет долину посередине, и как раз тут река делает большую излучину, кидаясь петлей к горе на восточном краю и утекая прочь между полей и ферм. В прежнее время дорога шла вдоль излучины и карабкалась по склону, чтобы не пересекать реку. Но появились инженеры, бетон и сталь, и через реку легли два моста, скостивши с ее шалостей двадцать километров.

Это были деревянные мосты, но усиленные стальными стержнями, и опирались концами на бетонные устои, а серединами — на бетонные

быки. Дерево было выкрашено красным суриком, и железо тоже покраснело от ржавчины. Ивовые фашины на кольях отражали воду в пролеты, чтобы грызущий поток не подмывал предмостья.

Мосты были не очень старые, но сооружены в ту пору, когда не только налоги были низки, но и собрать их целиком не удавалось по причине так называемых «трудностей». Окружной инженер решил строить то, что по средствам, а средства позволяли только простейшую конструкцию. И лес не мешало бы взять потолще, и раскосов поставить побольше, но надо было уложиться в определенную сумму, и он уложился. И каждый год фермеры средней долины созерцали реку с насмешливой опаской. Они знали, что в один прекрасный день будет быстрый сокрушительный паводок и мосты снесет. Каждый год они ходатайствовали перед округом о замене деревянных мостов, но маловато было голосов в сельской местности, чтобы этим ходатайствам вняли. Средства шли большим городам, где были не только голоса, но также имущество, подлежащее обложению. Народ не стремился на среднеплодородные земли. Клочок с хорошей заправочной станцией в Сан-Хуане давал казне больше, чем полсотни гектаров пашни в долине. Фермеры

знали, что гибель мостов — вопрос только времени, и тогда уж, говорили они, эти, в округе, небось прочухаются.

В сотне метров от первого моста на дороге в Сан-Хуан стоял магазинчик. Он торговал бакалеей, шинами, скобяными изделиями, которые человек покупает в субботу под вечер или если ему некогда съездить в Сан-Хуан-де-ла-Крус или через горы в Сан-Исидро. Это был универсальный магазин Брида. А с недавних пор, как и все сельские магазины, он обзавелся бензоколонками и автомобильными запчастями.

Мистер Брид с женой были неофициальными смотрителями моста, в паводки их телефон звонил беспрерывно, и они сообщали, сильно ли поднялась река. Они к этому привыкли. Больше всего они боялись, что мост однажды снесет, а новый построят на полкилометра ниже, и тогда придется переносить магазин или же строить новый возле нового моста.

Половину выручки им давали лимонады, бутерброды, бензин и сладости, купленные проезжими. Даже автобус из Мятежного угла на Сан-Хуан всегда здесь останавливался. Он забрасывал срочные грузы, а пассажиры заходили попить. Хуан Чикой и Бриды были старыми приятелями.

И вот река поднялась, да не просто поднялась, а, как сказал жене Брид, «очень крутит за кольями перед мостом, и если она там прорвется, пиши пропало». С рассвета он уже раз пять ходил к мосту. Сегодня она набедокурит, мистеру Бриду было ясно. Небритый, с поджатыми губами, он стоял на мосту в восемь часов утра и смотрел на бурливую желтую воду со шнурами желтой пены и вырванными дубками и тополями. Под ним пронеслись волчком несколько струганых досок, потом кусок кровли, еще с дранкой, а потом приплыл, покачиваясь, труп черного абердинского быка с фермы Макэлроя — широкий, коротконогий. Когда его затянуло под мост, он перевернулся навзничь, и Брид разглядел жутко закатившиеся глаза и выпавший язык. Бриду стало тошно.

Все знали, что хлев у Макэлроя поставлен слишком близко к берегу и что бык стоит тысячу восемьсот долларов. Не Маку бросаться такими деньгами. Другой его скотины Брид не увидел, но и быка хватало. Макэлрой очень рассчитывал на этого быка. Брид прошел немного по мосту. Теперь вода всего на метр не доставала до бревен, и Брид чувствовал, как яростно прет на опоры вода и как они кряхтят под ногами. Он потер пальцами небритый подбородок и пошел назад в

магазин. Жене он не стал говорить о черном быке Макэлроя. Она только огорчится.

Когда Хуан Чикой позвонил насчет моста, Брид сказал ему правду. Мост еще стоял, но долго ли он выдержит — один Бог знает. Вода все прибывала. Голые каменные холмы все лили и лили ее в реку, и небо опять затягивалось.

В девять часов вода подступила к нижнему поясу на сорок пять сантиметров. Как только вода навалится на раскосы и стойки да еще вырванные деревья ударят в мост — его минуты сочтены. Брид стоял за сетчатой дверью и барабанил по проволоке пальцами.

— Давай я тебе завтрак приготовлю, — сказала его жена. — Можно подумать, это твой мост.

— Да это как посмотреть, — ответил Брид. — Если его снесет — скажут, я недоглядел. Я звонил в надзор, звонил инженеру округа. И там и там не отвечают. Если промоет за опорой — пиши пропало.

— Позавтракал бы лучше. Нажарю тебе оладьев.

— Ладно, — сказал Брид. — Только не толстые.

— У меня толстые не бывают, — сказала жена. — Хочешь, яйцом залью?

— Давай, — сказал Брид. — Не знаю, Хуан успе-

ет или нет. Он должен быть здесь через час, не раньше, а вода… Черт, как прибывает!

— Это не причина чертыхаться, — сказала миссис Брид.

Муж обернулся к ней:

— Если это, по-твоему, не причина, то что же тогда причина? Выпью я, вот что.

— До завтрака?

— До всего.

Конечно, она не знала про черного быка. Он подошел к настенному телефону и набрал номер Макэлроя — пять цифр, — потом стал обзванивать его соседей, покуда не ответил Пайндэйл, тремя километрами ниже по течению.

— Я тоже ему дозванивался, — сказал Пайндэйл. — Его телефон молчит. Съезжу на лошади, посмотрю, не случилось ли чего.

— По-моему, стоит, — сказал Брид. — Утром его новый бык проплыл под мостом.

Жена посмотрела на него с испугом.

— Уолтер! — вскрикнула она.

— Да, это правда. Не хотел тебя огорчать.

— Уолтер! Боже мой! — сказала миссис Брид.

Глава XI

Алиса Чикой стояла за сетчатой дверью и глядела, как отъезжает автобус. Слезы сохли у нее на щеках.

Когда автобус скрылся за углом дома, она перешла к боковому окну, смотревшему на дорогу. Автобус въехал в полосу солнечного света, засиял там, а потом пропал из виду. Алиса глубоко, с наслаждением вздохнула. Ее день! Она одна. Она испытывала блаженное чувство уединенности — уединенности греховной. Она медленно разгладила платье на боках, погладила себя по бедрам. Посмотрела на ногти. Нет, это подождет.

Она медленно обвела взглядом закусочную. В воздухе еще стоял запах табачного дыма. Надо было разделаться с делами, но день принадлежал ей, и она решила не торопиться. Раньше всего она достала из стенного шкафа картонную вывеску с большой надписью «Закрыто». Она вышла наружу и повесила надпись на гвоздь, вбитый в раму сетчатой двери. Потом вошла и заперла сетчатую дверь на засов. Задвинула внутреннюю дверь и повернула ключ. После этого обошла

все окна, опустила жалюзи и повернула в них пластины вертикально, чтобы никто не заглянул с улицы. В закусочной стало темно и совсем тихо. Алиса действовала не спеша. Перемыла и расставила кофейные чашки, вымыла стойку и столы. Пироги спрятала под прилавок. Потом взяла из спальни щетку, подмела пол и высыпала грязь, пыль и окурки в урну. Стойка поблескивала в потемках, чистые крышки столов белели.

Алиса обошла стойку и села на табурет. Ее день! Она ощущала дурашливую легкость. «Ну, а почему нет? — сказала она вслух. — Не так уж много у меня радостей. Ну-ка подай, — сказала она, — подай мне двойное виски, да поживее».

Она положила руки на стойку и внимательно их оглядела. «Бедные ручки, испортила вас работа, — прошептала она, — милые ручки». И тут же, криком: «Да где же, черт, твое виски?» И сама себе ответила: «Сейчас, мадам, несу, мадам». «Вот так-то лучше, — сказала Алиса. — Не забывай, с кем разговариваешь. И не вздумай дерзить, тебе это так не пройдет. Ты у меня на примете».

«Да, мадам», — ответила она себе. Потом встала и ушла за стойку.

С дальнего края над самым полом был встроен шкафчик. Алиса нагнулась, открыла дверцу и не

глядя вытащила бутылку виски «Старый дед». Сняла с полки стакан для воды и отнесла с бутылкой к тому месту, где стоял ее табурет.

«Пожалуйста, мадам».

«Подай на стол. За кого ты меня принимаешь — я что, за стойкой буду пить?»

«Нет, мадам».

«Принеси еще стакан. И бутылку холодного пива».

«Слушаюсь, мадам».

Все это она перенесла на стол возле двери и расставила. «Можешь идти», — сказала она и ответила: «Слушаюсь, мадам».

«Но далеко не уходи, на случай если что-нибудь понадобится».

Наливая себе пиво, она захихикала. Кто-нибудь услышит — подумает, свихнулась. А что — может, и вправду. Она не скупясь налила виски в другой стакан. «Алиса, — сказала она, — приготовились, внимание, марш!» Она повела стаканом и выпила — медленно. Не залпом. Она цедила жгучее неразбавленное виски, и виски горячо разливалось по языку и под языком и при медленном глотке щипало нёбо, а потом теплом входило в грудь и опускалось до живота. Осушив стакан, она не сразу отняла его от губ. Потом поставила,

сказала «Ах!» и хрипло выдохнула.

В выдохе вернулся нежный запах виски. Теперь она взялась за стакан с пивом. Она положила ногу на ногу и медленно тянула пиво, пока стакан не опустел.

«Господи!» — сказала она.

Казалось ей, она никогда не замечала, как уютна и мила ее закусочная при свете, едва пробивающемся сквозь закрытые жалюзи. Она услышала грузовик на шоссе и встревожилась. А вдруг кто-то помешает — испортит ей день. Нет уж, пусть тогда дверь ломают. Она никому не станет открывать. Она налила на два пальца виски в один стакан и на четыре пальца пива — в другой. «Муху зашибить — тоже есть много способов», — сказала она и опрокинула стакан с виски, а за ним сразу стакан с пивом. Ага, это мысль. Получается другой вкус. Разный вкус — смотря как пить. Почему никто этого не заметил, кроме Алисы? Это стоило бы записать: «Пьешь по-разному — вкус разный». В правом веке она ощутила легкое напряжение, а по жилам на руках побежала странная, приятная боль.

«Некогда им замечать, — сказала она с расстановкой. — Нет времени». Она налила полстакана пива и долила доверху виски. «Интересно, а так

кто-нибудь пробовал?»

Металлический держатель для бумажных салфеток стоял напротив и отражал ее лицо. «Привет, детка», — сказала она. Она повела стаканом, и он исказился в блестящем металле так же, как ее лицо. «Рванули, детка. Твое здоровье, детка». И она выпила виски с пивом так, как пьет молоко одолеваемый жаждой. «Ах ты черт, — сказала она, — не так уж плохо. Да. По-моему, неплохо придумано. Хорошо».

Она повернула держатель с салфетками так, чтобы лучше себя видеть. Но изгиб металла ломал ее нос сверху и раздувал бульбой на конце. Она встала, обошла стойку, вынесла из спальни круглое ручное зеркальце и поставила на стол, прислонив к сахарнице. Потом уселась и скрестила ноги. «Эй, а ну-ка! Я хочу тебя угостить». Она налила виски в оба стакана. «Без пива, — сказала она. — Кончилось пиво. Ну, это беда поправимая».

Она подошла к холодильнику и достала еще бутылку пива. «Вот, видишь, — сказала она зеркалу, — сперва мы берем виски — не слишком много… не слишком мало… и добавляем пива, чтобы в самый раз. И пожалуйста». Она толкнула один стакан к зеркалу, выпила из другого. «Не-

которые люди пить боятся, — сказала она. — Не умеют».

«Ах, ты не хочешь? Ну, дело твое. Я тебя пить не заставляю. Но и пропасть ему не дам». И она выпила из другого стакана. Щеки у нее пощипывало, как будто прихватило морозом. Она поднесла зеркальце поближе и посмотрела на себя. Глаза были влажные и блестели. Она откинула повисшую прядь волос.

«А если хочешь посидеть в свое удовольствие, это не значит, что можно распускаться». И вдруг перед ней возникло видение, и она опустила зеркало лицом вниз. Видение налетело внезапно и резко, ошеломив, как удар. Может быть — из-за того, что она сидела в потемках. Алиса закричала: «Не хочу об этом думать! Не переношу!»

Но мысль, видение не отступали. Затемненная комната, на белой кровати — мать, парализованная, неподвижная, немая; ее глаза смотрят прямо вверх, а потом белая рука поднимается со стеганого одеяла — жестом отчаяния, прося о помощи. Алиса могла войти украдкой, но как бы тихо она ни кралась, рука поднималась беспомощно и страшно, и Алиса, подержав ее, ласково опускала и выходила. Всякий раз, переступая порог этой комнаты, Алиса умоляла руку не подниматься,

лежать тихо, замереть, как все тело.

«Я не хочу об этом думать! — закричала она. — С чего это вылезло?» Ее рука задрожала, и бутылка звякнула о стакан. Алиса налила чуть не до краев, выпила, поперхнулась и закашляла так, что едва удержалась от рвоты. «Это приведет тебя в чувство, — сказала она. — Я хочу думать о чем-нибудь другом».

Она вообразила себя в постели с Хуаном, но мысль скользнула дальше. «Я могла бы иметь кого захочу, — похвасталась она. — Сколько их за мной бегало, ей-богу, а я не больно соглашалась». Губы ее оттопырились в грязноватой ухмылке. «А может, стоило, пока могла. Сдаю же… Врешь, гадина, — закричала она, — я сейчас не хуже, чем раньше! Лучше! Кому, на хрен, нужна костлявая сучка, которая ничего не умеет? Настоящему мужчине такого даром не надо. Да мне только выйти, они как мухи налетят».

В бутылке осталось чуть меньше половины. Она немного пролила мимо и сама над собой засмеялась. «Кажется, я чуть-чуть захмелела», — сказала она.

В дверь громко постучали, Алиса оцепенела и умолкла. Стук раздался снова. Мужской голос сказал:

— Никого. Мне показалось, разговаривают.

— А попробуй еще. Может, они в комнатах, — отозвался женский голос.

Алиса тихо взяла зеркальце и посмотрела на себя. Она кивнула головой и подмигнула себе. Опять постучали.

— Говорю тебе, никого нет.

— Попробуй дверь.

Алиса услышала, как загремела сетчатая дверь.

— Заперто, — сказал мужчина, и женщина ответила:

— Заперто изнутри. Должны быть дома.

Мужчина рассмеялся, и под ногами у него заскрипел гравий.

— Ну, если они дома, значит, им хочется побыть одним. Тебе никогда не хочется побыть одной, малютка? Со мной, я имею в виду.

— Да ну тебя, — сказала женщина. — Мне хочется бутерброд.

— А с этим придется повременить.

Алиса удивилась, почему не слышала ни автомобиля, ни шагов по гравию. «Ну, точно, налакалась», — подумала она. Как отъезжает автомобиль, она прекрасно услышала.

«Прямо не могут, когда что-нибудь не по-ихне-

му, — сказала Алиса. — Человек хочет отдохнуть денек, в себя прийти, а им вынь да положь бутерброд».

Она подняла бутылку и, критически прищурясь, посмотрела на просвет. «Маловато осталось». Ей стало страшно. Вдруг кончится, а ей не хватит? Но тут же кивнула и улыбнулась себе. В самом заду шкафчика две бутылки портвейна. Это ее ободрило, она как следует налила в стакан и стала тянуть. Хуан не любил, когда при нем пили женщины. Он говорил, что у них лица делаются гнусные и он этого не выносит. Ничего, Алиса ему покажет. Она отпила из стакана половину и тяжело поднялась.

«Ты постой здесь, подожди меня немного», — вежливо сказала она стакану. Огибая стойку, она качнулась, и угол ударил ее в бок над самым бедром. «Этот будет синий с черным», — сказала она. Через спальню она прошла в ванную.

Она намочила полотенце и стала натирать его мылом, покуда не образовалась густая паста; потом стала тереть им лицо. Особенно терла возле носа и маленькую складку под нижней губой. Надела полотенце на мизинец и повертела в ноздрях, протерла уши. Потом, зажмурясь, ополоснула лицо водой и посмотрела на себя в

зеркало над умывальником. Лицо показалось ей очень красным, а глаза были слегка воспаленные. Она долго занималась своим лицом. Намазала кремом; потом стерла его полотенцем. Посмотрела, нет ли на полотенце грязи, — нашла. Подвела брови коричневым карандашом. С помадой пришлось повозиться. С нижней губы кармином заехала на подбородок; пришлось стереть полотенцем и начать сызнова. Нарисовала губы очень толстыми, потом сложила их и прокатила друг по дружке; поглядела на зубы и стерла с них помаду полотенцем. Надо было раньше почистить зубы, а потом браться за помаду. Теперь пудра. Чтобы лицо было не такое красное. Потом расчесала волосы. Ей никогда не нравились ее волосы. Попробовала уложить их с шиком, так и этак, и ей стало надоедать.

В спальне она откопала черную фетровую шляпку с подобием козырька. Собрала волосы под шляпу и лихо заломила козырек.

«Теперь, — сказала она, — теперь посмотрим, как у женщины делается гнусное лицо. Пришел бы сейчас Хуан. По-другому запел бы».

В спальне она достала из комода флакон «Белоджии» и надушила себе грудь, мочки ушей, лоб под волосами. Тронула и верхнюю губу. «Мне

тоже хочется нюхать», — сказала она.

Она вернулась в закусочную, осторожно обогнув угол, о который ударилась в прошлый раз. Тут стало еще темнее, потому что заходила туча и свет едва цедился в комнату. Алиса села за свой столик и поправила зеркальце. «Хорошенькая, — сказала она, — прямо хорошенькая. Что будешь делать вечером? Хочешь пойти на танцы?»

Она налила себе стакан. А что, если заедет этот шофер с «Красной стрелы» — и постучится? Она его впустит. Большой шутник. Она налила бы ему стаканчик-другой, а потом показала бы штуку-другую.

«Рэд, — сказала бы она, — ты из себя строишь большого шутника, но я тебе кое-что покажу. Ты не все еще шутки знаешь». Она остановила мысленный взгляд на его узкой талии и тяжелых мускулистых руках. Джинсы он носил на широком ремне, а на джинсах… нет, мужик был что надо. Да — что там еще, с этими джинсами… Медная заклепка внизу, откуда начинается ширинка. Чем-то эта заклепка опечалила Алису. У Бада была такая. Медная заклепка на том же самом месте. Она попробовала отвернуться и от этого видения, не смогла — и всплыло, всплыло в памяти. Он упрашивал ее и упрашивал. Наконец

они ушли на пикник, за шесть километров. Бад нес еду — крутые яйца, бутерброды с ветчиной и яблочный пирог. Пирог Алиса купила, но Баду сказала, что испекла сама. А он даже не стал дожидаться еды.

Он сделал ей больно. А потом она сказала: «Куда ты?»

«У меня работа стоит», — сказал Бад.

«Ты говорил, что любишь меня».

«Ну?»

«Ты не бросишь меня, Бад?»

«Слушай, милая, переспали, и ладно. Я контрактов не подписывал».

«Это же первый раз, Бад».

«Без первого раза ни у кого не обходится», — сказал он.

Теперь Алиса оплакивала себя. «Ни черта хорошего! — крикнула она в зеркало. — Ни черта хорошего в этом нет». Плача, она допила стакан и вылила в него остатки из бутылки.

В остальных тоже не было ни черта хорошего — и с чем она осталась? Паршивая работа с постельными удобствами и без жалованья. Вот с чем. И за паршивым оглоедом замужем — вот с чем. Нашла, называется. Глушь такая, что и в кино не съездишь. Сиди в паршивой закусочной.

Она опустила голову на руки и горько заплакала. А другая Алиса слушала, как она плачет. Другая Алиса стояла над ней и наблюдала. Ходи на цыпочках, все время его ублажай. Она подняла голову и посмотрела в зеркало. Помада размазалась по всей верхней губе. Глаза покраснели, из носу текло. Она вынула из держателя две бумажные салфетки и высморкалась. Скатала салфетки и кинула на пол.

И чего она вылизывает эту дыру? Всем плевать. А на нее разве не всем плевать? Всем! Ничего, она за себя постоит. Над Алисой не больно-то покуражишься. Она допила виски.

Достать портвейн оказалось делом нелегким. Она споткнулась и налетела на раковину. В носу горячо набухло, и она засопела. Она установила бутылку портвейна на стойке и достала штопор. Когда она попыталась воткнуть штопор, бутылка упала, а при второй попытке пробка раскрошилась. Алиса протолкнула пальцем остатки ее в горлышко и побрела к столу.

«Водичка», — сказала она. Она наполнила стакан темно-красным вином. «Вот виски бы еще». Во рту у нее пересохло. Она с жадностью выпила полстакана. «А хорошее», — захихикала она. Может, всегда надо вперед пить виски, чтобы вино

было вкуснее.

Она придвинула к себе зеркальце. «Ты старая кляча, — горько сказала она. — Грязная, пьяная старая кляча. Ясно — кому ты такая нужна? Я бы сама на такую не польстилась».

Лицо в зеркале было одно, но контуры его двоились, и где-то вне поля зрения комната уже раскачивалась и подпрыгивала. Алиса допила стакан, поперхнулась, и красное вино потекло обратно из углов рта. Она стала наливать снова, но не сразу попала в стакан и разлила вино по столу. Сердце у нее колотилось. Она слышала его и чувствовала, как оно бьется у нее в руках, плечах и в жилах на груди. Она мрачно выпила.

«Упьюсь, — и черт с ним, тем лучше. Хорошо бы больше не проснуться. Хорошо бы — конец всему… конец всему… конец всему… Покажу этим паразитам — не хочу жить и не буду. Я им покажу».

И тут она увидела муху. Это была не обычная комнатная муха, а молоденькая мясная, и ее тело блестело богатой переливчатой синью. Она явилась к столу и сидела перед винной лужицей. Она сунула туда хоботок, потом отошла почиститься.

Алиса застыла. Кожа у нее собралась от ненависти. Все ее огорчения, все обиды сосредоточились

на мухе. Усилием воли она свела раздвоившееся насекомое в одно. «Ну, стерва, — тихо сказала она. — Думаешь, я напилась. Я тебе покажу».

Глаза у нее сделались настороженные, хитрые. Бочком, бочком она отодвинулась от стола и пригнулась к полу, опершись на руку. Она не сводила с мухи глаз. Та не двигалась. Алиса подкралась к стойке, зашла за нее. Посудное полотенце лежало на краю стальной раковины. Она взяла его в правую руку и старательно сложила. Полотенце было слишком легким. Она намочила его под краном и отжала лишнюю воду. «Покажу стерве», — сказала она и, как кошка, двинулась вдоль стойки. Муха по-прежнему сидела, по-прежнему сияла.

Алиса подняла руку и закинула полотенце на плечо. Алиса тихо подступала к мухе, выставив локоть. Ударила. Бутылка, стаканы, сахарница, держатель с салфетками — все полетело на пол. Муха взвилась и закружила. Алиса стояла неподвижно, провожая ее глазами. Муха уселась на стойку. Алиса сделала выпад, ударила по ней, а когда муха взлетела, еще раз хлопнула полотенцем по воздуху.

«Так не пойдет, — сказала она себе. — Подкрасться к ней. Подкрасться». Пол накренился под ногами. Она вытянула руку и схватилась за

табурет. Куда она девалась? Слышно было ее жужжание. Злой, омерзительный звон ее крыльев. Должна же она сесть куда-нибудь, когда-нибудь. К горлу подкатила тошнота.

Муха заложила несколько петель, восьмерок и кругов, а потом перешла на бреющие челночные полеты из одного конца комнаты в другой. Алиса выжидала. В поле зрения вползала с краев темнота. Муха с легким щелчком села на коробку кукурузных хлопьев на макушке большой пирамиды, выстроенной на полке за стойкой. Она приземлилась на «К» «Кукурузных» и беспокойно переползла на «у». Там она замерла. Алиса втянула носом воздух.

Комната прыгала и кружилась, но напряжением воли муху и то, что рядом, Алиса держала в фокусе. Левая рука оперлась за спиной на прилавок, и пальцы поползли по нему. Медленно, молча она огибала торец стойки. И очень, очень осторожно поднимала правую руку. Муха скакнула вперед и снова замерла. Она приготовилась взлететь. Алиса почувствовала это. Почувствовала раньше, чем муха поднялась. Она вложила в удар весь свой вес. Мокрое полотенце врезалось в пирамиду картонных коробок и пробило ее насквозь. Коробки, рядок стаканов и ваза с апель-

синами полетели на пол, и Алиса упала на них.

Комната понеслась на нее красными и синими огнями. Под щекой лопнувшая коробка извергла хлопья. Алиса подняла раз голову, потом опустила, и вертящаяся темнота накрыла ее.

В закусочной было сумрачно и очень тихо. Муха подобралась к краю винной лужицы, высыхавшей на белом столе. Потыкавшись в разные стороны — не грозит ли откуда опасность, — она неторопливо опустила плоский хоботок в сладкое густое вино.

Глава XII

Серые тучи громоздились — угроза на угрозе, — и синий сумрак окутал землю. В долине Сан-Хуан темная зелень казалась черной, а более светлая зелень травы — стылой, влажно-синей. «Любимая» тяжело катилась по шоссе, и алюминиевая краска на ней отливала зловещим холодом вороненого ствола. В южной стороне черная гряда туч осыпалась бахромой дождя, и занавес его медленно упал.

Автобус подъехал к бензоколонкам перед магазином Брида и остановился. Игрушечные боксерские перчатки и детская туфелька мелко и часто качались, как короткие маятники. Хуан продолжал сидеть после того, как автобус остановился. Напоследок он дал газ, прислушался, потом со вздохом повернул ключ, и мотор смолк.

— Долго собираетесь здесь стоять? — спросил Ван Брант.

— Хочу взглянуть на мост, — сказал Хуан.

— Еще цел, — сказал Ван Брант.

— Мы тоже, — ответил Хуан. Он отпер рычагом дверь.

Брид появился из-за сетчатой двери и пошел к автобусу. Он пожал Хуану руку.

— Опоздали немного?

— По-моему, нет, — ответил Хуан, — если у меня часы правильные.

Спустился Прыщ и стал рядом с ними. Он вышел первым, чтобы посмотреть, как слезает блондинка.

— Кока-кола есть? — спросил он.

— Нет, — сказал Брид. — Несколько бутылок пепси. Кока-колы месяц не было. Да одно и то же. Их не отличишь.

— Как мост? — спросил Хуан.

Мистер Брид покачал головой:

— По-моему, труба дело. Сами взгляните. Хорошего мало.

— Трещин пока нет? — спросил Хуан.

— Может полететь вот так, — сказал Брид и с размаха ударил ладонью о ладонь. — Нагрузка на нем такая, что он плачет как ребенок. Пошли посмотрим.

Из автобуса вышли мистер Причард с Эрнестом, за ними Милдред и Камилла и последней — Норма. Камилла была ученая. Прыщ ничего не увидел.

— У них есть пепси-кола, — сказал Прыщ. —

Хотите?

Камилла обернулась к Норме. Она начала понимать, чем может быть полезна Норма.

— Хочешь попить? — спросила она.

— Да не откажусь, — сказала Норма.

Прыщ постарался скрыть разочарование. Брид и Хуан шагали по шоссе к реке.

— Хочу поглядеть на мост, — крикнул Хуан через плечо.

Миссис Причард окликнула мужа со ступенек:

— Милый, ты не мог бы принести мне выпить чего-нибудь холодного? Хотя бы воды, если нет ничего другого. И спроси, где у них — ну, знаешь что.

— Это сзади, — сказала Норма.

Бриду тоже хотелось посмотреть на мост, и он пристроился в ногу к Хуану.

— Каждый год жду, что его снесет, — сказал он. — Хоть бы построили такой мост, чтобы я мог спать по ночам, когда идет ливень. А то лежишь в постели, слышишь, как дождь стучит по крыше, и все прислушиваешься, не снесло ли мост. И ведь не знаю даже, какой там будет звук, когда он повалится.

Хуан усмехнулся:

— Это мне знакомо. Помню, в Торреоне — я

был тогда мальчишкой. Бывало, слушали ночью, не захлопает ли — значит, не поднимется ли стрельба. Стрельба-то нам даже нравилась, только это всегда значило, что мой папаша ненадолго отлучится. Один раз он отлучился и больше не пришел. Мы, наверно, всегда чувствовали, что так и будет.

— Что с ним стало? — спросил Брид.

— Не знаю. Наверное, попал кому-нибудь на мушку. Не мог усидеть дома, когда стреляли. Без него не могло обойтись. Я думаю, он и не очень интересовался, из-за чего дерутся. А домой всегда приходил с кучей рассказов. — Хуан усмехнулся: — Был у него один про Панчо Вилью. Будто бы пришла к Вилье бедная женщина и говорит: «Ты расстрелял моего мужа, а теперь я с ребятами умру с голоду». А у Вильи тогда было много денег. У него были прессы, он сам печатал. Повернулся к казначею и приказал: «Накатай для бедной женщины пять кило бумажек по двадцать песо». Он их даже не считал — сколько у него было. Напечатали, перевязали пачку проволокой, и женщина ушла. И тут один сержант говорит Вилье: «Ошибка получилась, мой генерал. Мужа этой женщины мы не расстреляли. Он напился, и мы посадили его в тюрьму». Тогда Панчо гово-

рит: «Идите и сейчас же расстреляйте. Нельзя же разочаровывать бедную женщину».

Брид сказал:

— Глупость какая-то.

Хуан засмеялся:

— Ну да, как раз это мне и нравится. Эге, речка уже прорывается сзади за фашину.

— Знаю. Я звонил, хотел им сказать, — ответил Брид. — Никто не подходит к телефону.

Они вместе взошли на деревянный мост. Ступив на настил, Хуан сразу почувствовал рокочущую вибрацию воды. Мост трясся и вздрагивал. От бревен шло низкое гудение, громче, чем шум воды. Хуан заглянул через край. Бревна нижнего пояса были под водой, река внизу кипела и пенилась. Весь мост содрогался и вздыхал, и тихо, натужно вскрикивали бревна там, где они были схвачены стальными болтами. На глазах у Хуана и Брида, тяжело перекатываясь по течению, приплыл большой старый дуб. Когда он ударил в мост и повернулся, все сооружение застонало, как будто напрягая последние силы. Дуб застрял в затопленных стойках, и под мостом раздался громкий треск. Мужчины сразу сошли на берег.

— Быстро она поднимается? — спросил Хуан.

— За последний час — на четверть метра. Ко-

нечно, может теперь пойти на убыль. Может быть, больше уже не поднимется.

Хуан посмотрел сбоку на ферму. Он увидел бурую головку болта над самой поверхностью воды и остановил на ней взгляд.

— Проехать бы я смог, пожалуй, — сказал он. — Можно попробовать с ходу. А можно отправить пассажиров через мост пешком, переехать самому и подобрать их на той стороне. А как второй мост?

— Не знаю. Я звонил туда, хотел узнать, никто не отвечает. А что, если вы переедете, а другой снесло, вернетесь сюда — и этого тоже нет? Вы застрянете в излучине. Пассажиры вам скажут спасибо.

— Они и так мне скажут, — ответил Хуан. — Один там… нет, двое — дадут мне жизни что так, что так. Я уж чувствую. Вы, случаем, не знаете Ван Бранта?

— А-а, старый хрыч! Знаю, как же. Должен мне тридцать семь долларов. Я ему продал семена люцерны, а он говорит — никуда не годятся. Не хочет платить. У него долги по всей округе. Все, что он покупает, — никуда не годится. Я ему конфетку не продам в кредит. Скажет, несладкая. Так он с вами?

— С нами, — сказал Хуан. — И еще один из Чикаго. Шишка из фирмы. Если что-нибудь окажется ему не по вкусу, он мне задаст жару.

— Да, — сказал Брид, — надо вам что-то решать.

Хуан поглядел на грозовое небо:

— Дождь будет, это ясно. А холмы и так мокрые — все польется в реку. Переехать-то я смогу; а вот смогу ли вернуться назад?

— Примерно десять шансов из ста, — сказал Брид. — Как жена?

— Так себе, — ответил Хуан. — Зубы разболелись.

— За зубами выгодней следить, — сказал Брид. — Раз в полгода показаться врачу.

Хуан засмеялся:

— Это конечно. А вам приходилось встречать такого человека?

— Нет, — согласился Брид. Ему нравился Хуан. Он даже не считал его иностранцем.

— И я не встречал, — сказал Хуан. — Так, есть еще способ избавиться от неприятностей с пассажирами.

— Какой?

— Пусть сами решают. У нас ведь демократия?

— Да они просто передерутся.

— Ну и передерутся — что же тут страшного? — сказал Хуан.

— Это мысль, — сказал Брид. — Но я вам вот что скажу. На чем бы все ни порешили, Ван Брант обязательно станет поперек. Этот проголосует против второго пришествия, если люди его хотят.

— С ним-то просто, — сказал Хуан. — Надо только найти к нему подход. Был у меня конь до того вредный, — тянешь левый повод, он идет направо. Я его дурачил. Делал все наоборот — а он думал, что делает по-своему. От Ван Бранта чего хочешь добьешься — только заспорь.

— Я ему запрещу отдавать мне тридцать семь долларов, — сказал Брид.

— А что, глядишь, и отдаст, — сказал Хуан. — Нет, вода еще поднимается. Болт закрыла. Пойду узнаю у пассажиров, чего они хотят.

Между тем Прыщ в магазине почувствовал, что его немного обманули. Его вынудили угостить пепси-колой не только Камиллу, но и Норму. Как он ни старался, отделить Камиллу от Нормы он не мог. Но виновата была не Норма. Камилла ею воспользовалась. Норма разрумянилась от удовольствия. Никогда в жизни она не была так счастлива. Такая красавица — а как

душевно к ней отнеслась. Они подруги. И ведь не сказала, что будут жить вместе. Она сказала — посмотрим, как пойдут дела. Норму почему-то это очень обнадежило. Люди к Норме не относились душевно. Сперва они говорили «да», а потом старались отвертеться. А эта женщина, выглядевшая именно так, как всю жизнь мечтала выглядеть Норма, — она сказала «посмотрим». Норма мысленно видела их квартиру. Там будет бархатная кушетка, а перед ней низкий столик. И шторы будут из бордового бархата. И конечно, у них будет радиола и много пластинок. Дальше ей думать не хотелось. Дальше думать — это почти что сглазить. А для кушетки — скорее подойдет цвет электрик.

Она подняла стакан с пепси-колой, глотнула сладкой колючей воды, и в тот же миг отчаяние нахлынуло на нее, как тяжелый газ. «Никогда этого не будет, — крикнула она про себя. — Уплывет! Все останется как всегда, и я опять буду одна». Она зажмурилась и потерла глаза. Когда открыла глаза, ей стало легче. «Не отдам, — подумала она. — Мало-помалу наберу на квартиру, и если даже у нас с ней ничего не получится, хоть квартира-то будет». Ею овладела решимость — принять, что выпадет. «Если хоть часть

сбудется — и то будет подарок. Но надеяться не надо, надеяться нельзя. Тогда все лопнет».

Прыщ сказал:

— У меня большие планы. Я изучаю радиолокацию. Это будет очень ценная специальность. Кто знает радар, может очень прилично устроиться. По-моему, человек должен смотреть вперед, а по-вашему? Ведь какие есть люди — они не смотрят вперед, в будущее, и с чего начали, тем и кончают.

На губах у Камиллы застыла слабая улыбка.

— Пожалуй что так, — сказала она. Ей хотелось отделаться от паренька. Паренек был симпатичный, просто ей хотелось от него отделаться. Уж очень все на нем написано. — Большое спасибо за угощение, — сказала она. — Не мешало бы мне пойти привести себя в порядок. Ты не пойдешь, Норма?

Лицо Нормы выразило преданность.

— Да, конечно, — ответила она. — Мне тоже не мешает привести себя в порядок. — Все, что ни говорила ее новая подруга, было верно, прекрасно и замечательно. «Боже милостивый, ну пусть получится!» — мысленно вскричала Норма.

Миссис Причард пила лимонад. Добиться его удалось не сразу, потому что здесь не подавали

лимонад. Но когда миссис Причард показала на лимоны в бакалейном отделе и даже вызвалась собственноручно их выжать — хозяйке ничего не оставалось, как сделать это самой.

— Я просто не могу пить несвежие напитки из бутылок, — объяснила миссис Причард. — Я люблю чистый фруктовый сок. — Миссис Брид, негодуя, уступила этому ласковому натиску. Миссис Причард пила свой лимонад и разглядывала стенд с открытками на галантерейной витрине. Тут было здание суда в Сан-Хуан-де-ла-Крусе и гостиница в Сан-Исидро, выстроенная у горячего источника слабительной воды. В эту старую красивую гостиницу ездили ревматики принимать ванны. Гостиница называлась на открытках курортом. В галантерейной витрине была всякая всячина. Раскрашенные гипсовые собачки, стеклянные пистолетики с разноцветными конфетками, яркие куколки и затейливые деревянные шкатулки с засахаренными фруктами. Были лампы, чьи абажуры начинали вращаться при включении, так что лесные пожары горели и корабли плыли на всех парусах почти как в жизни. Эрнест Хортон стоял тут же и смотрел на витрину пренебрежительно. Он сказал мистеру Причарду:

— Я иногда думаю, что мне стоило бы открыть магазин новинок — одних новинок. Кое-что из этих старых вещиц выбрасывают на рынок годами — и никто не берет. А у моей компании — только перспективные товары, сплошь новые.

Мистер Причард кивнул.

— Это придает уверенности — когда работаешь в фирме и знаешь, что она ищущая, — сказал он. — Вот почему я думаю, что вам у нас понравится. Я смело могу утверждать, что мы ни на час не прекращаем поисков.

Эрнест сказал:

— Извините, я схожу за чемоданом. У меня есть вещичка, которая еще не поступила в продажу, но у торговцев пошла нарасхват. Пока только образцы. Может быть, и здесь получу заказ.

Он быстро вышел и притащил свой чемодан. Он открыл его и вынул картонную коробку.

— Видите, упаковка простая. Для большего эффекта. — Он вытащил из коробки настоящий маленький унитаз вышиной сантиметров в тридцать. Он был и с бачком, и с медной ручкой на цепочке, а сама раковина была белая. На ней было даже сиденьице, крашенное под дерево.

Миссис Брид подошла с той стороны прилавка.

— Всеми покупками занимается муж, — сказа-

ла она. — Поговорите с ним.

— Понимаю, — сказал Эрнест. — Я просто хотел показать вам эту вещь. Она сама за себя говорит.

— Для чего это? — спросил мистер Причард.

— А вот смотрите, — сказал Эрнест. Он дернул цепочку, и бачок сразу спустил коричневую жидкость. Эрнест снял с унитаза сиденье, и оно оказалось со стаканчиком. — Тридцать грамм, — торжествующе сказал он. — Если хотите двойную порцию — например, для коктейля, — дерните цепочку дважды.

— Виски! — воскликнул мистер Причард.

— Ром, коньяк. Что угодно, — сказал Эрнест. — Видите, здесь в бачке место для заправки, а бачок — пластмасса с гарантией. Впечатление оглушительное. У меня уже заказов на тысячу восемьсот штук. Фурор. Хохот вызывает безотказно.

— Ей-богу, остроумно, — сказал мистер Причард. — Кто придумывает такие вещи?

— У нас есть отдел предложений, — объяснил Эрнест. — Всякий может подать предложение. Эту вещь изобрел один наш коммивояжер из района Великих озер. Он получит неплохие премиальные. Тому, кто выдвинул дельное предложение, компания выплачивает два процента с прибыли.

— Остроумно, — повторил мистер Причард. Он представил себе, как увидит эту вещь Чарли Джонсон. Чарли, конечно, кинется покупать такой же. — Почем они у вас идут? — спросил мистер Причард.

— На этот розничная цена — пять долларов. Но если не возражаете, я посоветовал бы другую модель, которая идет по двадцать семь пятьдесят.

Мистер Причард поджал губы.

— Зато — что вы получаете? — продолжал Эрнест. — Эта — пластмассовая, а более дорогая… так: бачок дубовый, сделан из старых бочек из-под виски, прекрасно сохраняет напиток. Цепочка — чистое серебро, ручка — бразильский бриллиант. Унитаз — фаянсовый, настоящий туалетный фаянс, а сиденье — красного дерева, ручная работа. И на бачке серебряная пластинка — например, если хотите подарить своему клубу или ложе, можете поставить на ней свое имя.

— Да, кажется, товар того стоит, — заметил мистер Причард. Он решился. Теперь он знал, как обставить Чарли Джонсона. Один стульчак он подарит Чарли. Но на пластинке будет надпись: «Чарли Джонсону, первому такому-сякому Америки от Элиота Причарда», — и пускай себе хвастает Чарли сколько душе угодно. Все увидят,

чья идея.

— Лишнего у вас с собой нет? — спросил он.

— Нет, надо заказать.

Вмешалась миссис Причард. Она подошла потихоньку.

— Элиот, неужели ты это купишь? Элиот, это вульгарно.

— Ну конечно, я не стану показывать при дамах, — ответил мистер Причард. — Нет, девочка. Знаешь, что я сделаю? Я пошлю такой Чарли Джонсону. Я с ним расквитаюсь за чучело вонючки. Так-то. Он у меня попляшет.

Миссис Причард пояснила:

— Мистер Причард жил с Чарли Джонсоном в одной комнате, когда учился в колледже. Они дико друг друга разыгрывают. Когда они вместе, они ведут себя как мальчишки.

— Значит, — серьезно сказал мистер Причард, — если я закажу такой, вы могли бы послать его по адресу, который я дам? И сделать гравировку? Я напишу, что мне надо выгравировать на пластинке.

— Что ты хочешь написать? — спросила Бернис.

— А девочки пусть не суют носик во взрослые дела, — ответил мистер Причард.

— Не сомневаюсь, что-нибудь ужасное, — сказала Бернис.

На Милдред напала хандра. Она ощущала тяжесть, усталость, все ей стало неинтересно. Она одиноко сидела на плетеном проволочном стуле у края прилавка. Цинически наблюдала за попытками Прыща остаться наедине с блондинкой. Поездка привела ее в уныние. Она сама себе была противна после того, что произошло. Что же она за женщина, если шофер автобуса так ее распалил? Она передернулась от отвращения. А где он? Почему не возвращается? Она подавила желание встать и посмотреть, где он. Рядом раздался голос Ван Бранта, она вздрогнула.

— Девушка, — сказал он, — у вас из-под юбки рубашка видна. Я решил, что вам не мешает знать.

— Да, да. Большое спасибо.

— Если бы никто не сказал, вы могли бы целый день ходить и думать, что у вас все в порядке, — пояснил он.

— Да, да, спасибо. — Она встала и, перегнувшись назад, прижала юбку к ногам — проверить. Комбинация высовывалась сзади сантиметра на два.

— Я считаю, в таких случаях всегда лучше сказать, — продолжал Ван Брант.

— Вы правы. Наверно, бретелька оторвалась.

— Мне неинтересно знать про ваше нижнее белье, — ответил он холодно. — Я только заметил — и повторяю еще раз: у вас из-под юбки рубашка видна. Не подумайте, что я сказал это из каких-то других соображений.

— Я и не думаю, — беспомощно ответила Милдред.

Ван Брант продолжал:

— Многие девушки чересчур заняты своими ногами. Думают, что все на них смотрят.

Вдруг Милдред громко, с надрывом захохотала.

— Что тут смешного? — возмутился Ван Брант.

— Ничего, — сказала Милдред. — Просто вспомнила одну шутку. — Она вспомнила, что все утро Ван Брант только и норовил посмотреть кому-нибудь на ноги.

— Если она такая смешная — расскажите ее.

— Да нет. Это долго объяснять. Я пойду подколю бретельку. — Она посмотрела на него, а потом с расстановкой сказала: — Понимаете, на каждом плече две бретельки. Одна от комбинации, а другая — от лифчика, а лифчик крепко поддерживает грудь. — Она увидела, как из-под воротничка у Ван Бранта выползла краснота. — А ниже него ничего нет — до штанишек, если бы я носила

штанишки, но я не ношу.

Ван Брант повернулся и быстро ушел, а Милдред стало легче. Теперь у старого дурака не будет ни минуты покоя. Можно было бы понаблюдать за ним, а потом, пожалуй, и поймать на приманку. Смеясь про себя, она встала, вышла и направилась вокруг магазина к пристройке с надписью «Дамы».

На дверь была набита решетка, и вьюн уже карабкался по ней. Милдред стояла перед закрытой дверью. Слышно было, как Норма разговаривает там с блондинкой. Она прислушалась. Может быть, из-за этого и стоило поехать — просто послушать, что говорят люди. Милдред любила подслушивать. Иногда эта склонность беспокоила ее. Она с интересом слушала всякие пустяки. Но всего лучше было слушать в женских уборных. Раскованность женщины в комнате, где есть умывальник, зеркало и унитаз, заинтересовала ее давно. Однажды она написала в колледже работу, признанную смелой, где доказывала, что женщины освобождаются от торможений, когда у них задраны юбки.

Причина либо в этом, полагала она, либо в уверенности, что мужчина, враг, не вторгнется на их территорию. Это единственное место в мире,

где женщины могут быть уверены, что мужчина сюда не проникнет. Поэтому они расслабляются и внешне становятся такими, какие они внутри. Она много об этом думала. В общественных уборных женщины друг с дружкой бывают и доброжелательнее, и злее — но откровеннее. Может быть, потому, что тут нет мужчин. Потому что где нет мужчин — нет соревнования, и они отбрасывают притворство.

Милдред задумывалась: а не так же ли и у мужчин в уборных? Но это сомнительно: мужчины соперничают вовсе не из-за одних женщин, между тем как женская озабоченность по большей части связана с мужчиной. Работу ей вернули с замечанием: «Не до конца продумано». Она собиралась ее углубить.

В магазине она была неприветлива с Камиллой. Блондинка ей просто не нравилась. Но она знала, что ее нерасположение останется за дверью уборной. Она подумала: «Не странно ли, что женщины соперничают из-за мужчин, которые им даже не нужны?»

Норма и Камилла все разговаривали и разговаривали. Милдред взялась за дверь и толкнула ее. В маленькой комнате была кабинка и умывальник с квадратным зеркалом. На одной стене

висел ящик с бумажными подстилками для сиденья, а возле раковины — бумажные полотенца. Автомат с гигиеническими пакетами был привинчен к стене около окна с матовым стеклом. Цементный пол был выкрашен суриком, а стены покрыты многими слоями белой краски. Стоял резкий запах дезинфекции с отдушкой.

Камилла сидела на стульчаке, а Норма стояла перед зеркалом. Когда Милдред вошла, обе оглянулись на нее.

— Хотите сюда? — спросила блондинка.

— Нет, — сказала Милдред. — Бретелька комбинации свалилась.

Камилла посмотрела ей на юбку.

— Да, действительно. Нет, не так, — сказала она Норме. — Видишь, какой у тебя лоб? Вот и подними немного брови к вискам, только немного. Подожди, детка, подожди минуту, я тебе покажу. — Она встала и подошла к Норме. — Повернись, чтобы мне было видно. Вот так. И так. Теперь посмотри сама. Видишь, они как бы уменьшили лоб. У тебя лоб высокий, и тебе надо сделать его поменьше. Теперь погоди, закрой глаза. — Она взяла у Нормы карандаш для бровей и подвела нижние веки, под самыми ресницами, сделав линию более темной и про-

длив за наружные уголки. — Ты слишком густо кладешь тушь, детка, — сказала она. — Видишь, как слиплись ресницы? Бери больше воды и не так торопись. Подожди минуту. — Она достала из сумочки пластмассовую коробочку с тенью для век. — А с этим надо поаккуратнее. — Она взяла на палец голубой пасты и помазала верхние веки Нормы — гуще к наружным уголкам. — Так, дай посмотреть. — Она оценила свою работу. — Слушай, детка, ты чересчур раскрываешь глаза, как кролик. Чуть-чуть опусти верхние веки. Нет, не щурься. Только веки чуть-чуть опусти. Вот, правильно. Теперь погляди на себя. Видишь разницу?

— Ой, совсем другая, — сказала Норма. В голосе ее было благоговение.

— Другая. Теперь, губы ты мажешь совсем не так. Смотри, детка, нижняя губа у тебя тонкая. У меня тоже. Намажь пониже здесь — и здесь немного.

Норма стояла смирно, как послушная девочка, и подставляла лицо.

— Поняла? В углах погуще, — сказала Камилла. — Теперь нижняя губа кажется полнее.

Милдред сказала:

— Вы мастер. Мне бы тоже не помешала по-

мощь.

— Да? — сказала Камилла. — Ну, это довольно просто.

— У вас театральный грим, — сказала Милдред. — То есть он как бы напоминает театральный грим.

— Да, знаете, когда все время на людях… зубные врачи используют сестер почти как секретарш в приемных.

— Вот черт! — вырвалось у Милдред. — Не свалилась бретелька — оторвалась. — Она стащила платье с плеча и держала в руке короткую шелковую ленту.

— Вам надо ее подколоть, — посоветовала Камилла.

— У меня нет булавки, а иголки с нитками — в чемодане!

Камилла снова открыла сумочку, в подкладку было воткнуто штук пять английских булавок.

— Вот, — сказала она, — я всегда с амуницией. — Она открепила булавку. — Хотите, я вам подколю?

— Если не трудно. Дурацкие глаза. Ничего не вижу.

Камилла вытянула край рубашки, подвернула конец бретельки и надежно их сколола.

— Не очень-то складно, но по крайней мере не высовывается. Булавка есть булавка. У вас с детства близорукость?

— Нет, — сказала Милдред. — Все было нормально до… ну, словом, почти до четырнадцати лет. Врач сказал, что это связано с половой зрелостью. Он сказал, что у некоторых зрение восстанавливается после первых родов.

— Неприятно.

— Ужасно противно, — сказала Милдред. — Что толку, что все время придумывают новые формы оправ. Все они не очень украшают.

— А вы не слышали про такие, которые вставляются прямо в глаз?

— Думала я о них, да так ни черта и не сделала. Наверно, боюсь, чтобы стекло прикасалось к глазам.

Норма все еще с изумлением разглядывала себя в зеркале. Глаза у нее вдруг стали больше, губы полнее, и она перестала быть похожей на мокрую мышь.

— Ну разве не прелесть? — сказала Норма, ни к кому не обращаясь. — Ну разве она не прелесть?

Камилла ответила:

— Она будет хорошенькая девочка, когда научится себя подавать и станет поуверенней. И

волосами займемся, детка, как только устроимся.

— Значит, вы уже решили? — обрадовалась Норма. — Значит, снимем квартиру? — Она быстро обернулась к Милдред. — Мы хотим снять квартиру, — задыхаясь, сказала она. — У нас будет кушетка, а в воскресенье утром мы будем мыть и укладывать волосы…

— Посмотрим, — вмешалась Камилла. — Надо еще посмотреть, как пойдут дела. Мы с тобой обе безработные, а уже сняли двухэтажную квартиру. Не все сразу, детка.

— Странное путешествие, — сказала Милдред. — Мы едем в Мексику. С самого начала все пошло шиворот-навыворот. Отец хотел посмотреть здешние места. Он подумывает перебраться со временем в Калифорнию. Поэтому захотел ехать в Лос-Анджелес на автобусе. Решил, что так сможет больше увидеть.

— Что ж, сможет, — сказала Камилла.

— Боюсь, не слишком ли много он увидит, — сказала Милдред. — Но вам когда-нибудь попадалось такое собрание персонажей, как у нас?

— Все они примерно одинаковые, — заметила Камилла.

— Мне нравится мистер Чикой, — сказала Милдред. — Знаете, он наполовину мексиканец. Но

этот мальчишка! Такое чувство, что стоит только отвернуться — и он на тебя вскарабкается.

— Да он ничего, — ответила Камилла. — Кобелек, конечно, не без этого. Молоденькие почти все такие. С возрастом, наверно, пройдет.

— Может и не пройти, — возразила Милдред. — Вы не обратили внимания на этого старика, Ван Бранта? У него не прошло. В него въелось. В душе это довольно грязный человек.

Камилла улыбнулась:

— Довольно старый.

Милдред зашла в кабинку и села.

— Я хотела спросить, — сказала она. — Отцу кажется, что он вас где-то встречал. У него неплохая память. Вы его никогда не встречали?

Милдред увидела в глазах Камиллы враждебность, увидела, как сжался ее рот, и поняла, что коснулась больного места. Но тут же лицо у Камиллы разгладилось.

— Скорее всего я на кого-то похожа, — сказала она. — На этот раз он ошибся — разве что видел меня где-нибудь на улице.

— Честно? — спросила Милдред. — Я вас вовсе не подлавливаю. Мне просто любопытно.

Дружелюбия, приятельства, непринужденности как не бывало. Словно в комнату вошел

мужчина. Взгляд Камиллы уколол Милдред.

— Он ошибся, — холодно повторила она. — Хотите — верьте, хотите — нет, дело ваше.

Дверь открылась, и вошла миссис Причард.

— Ах вот ты где, — сказала она дочери. — Я думала, ты пошла побродить.

— У меня лопнула бретелька на комбинации, — сказала Милдред.

— Все же поторопись. Вернулся мистер Чикой, и там уже целый спор… Спасибо, милая, — сказала она Норме, которая освободила ей место у раковины. — Я только намочу платок и слегка сотру пыль… Почему ты не выпьешь лимонаду? — спросила она у Милдред. — Эта милая женщина охотно согласилась его сделать. Я ей сказала, что она просто прославится, если станет подавать чистые фруктовые соки.

Камилла вдруг сказала:

— Хорошо бы нам дали чего-нибудь поесть. Я проголодалась. Чего-нибудь вкусного.

— И я бы не отказалась, — сказала миссис Причард.

— Я бы съела холодного краба под майонезом, а к нему бы — бутылку пива, — добавила Камилла.

— Никогда не ела так краба, — сказала миссис

Причард, — но если бы вы знали, до чего вкусно моя мама готовила маслюка. Она брала старинную чугунную сковородку, а рыба — рыба должна быть очень свежая и очень хорошо выпотрошена. Панировку она делала из обжаренных крошек — хлебных крошек, не сухарных — и клала полную столовую ложку… нет, две столовые ложки соевого соуса во взбитое яйцо. Я думаю, в этом и был секрет.

— Мама, — сказала Милдред, — не надо опять про маслюка.

— Ты бы выпила лимонаду, — сказала миссис Причард. — Он очищает кожу. От долгой дороги кожа портится.

— Пора бы уж ехать, — сказала Милдред. — Позавтракать мы можем в следующем городе. Как он называется?

— Сан-Хуан-де-ла-Крус, — сказала Норма.

— Сан-Хуан-де-ла-Крус, — нежно повторила миссис Причард. — По-моему, испанские названия очень милы.

Перед уходом Норма окинула себя в зеркале долгим изумленным взглядом. Она опустила глаза. Тут понадобится тренировка — чтобы не забывать опускать, — зато это решительно меняло всю ее внешность, и ей нравилось.

Глава XIII

Хуан сидел на табурете, пил пепси-колу и тер лоснистый конец ампутированного пальца о рубчики вельветовых брюк. Когда женщины вернулись из-за дома и вошли в магазин, он посмотрел на них, и потирание сменилось постукиванием.

— Все здесь? — спросил он. — Нет, одного не хватает. Где мистер Ван Брант?

— Я тут.

Голос раздался из бакалеи, где, скрывшись за стеной из кофейных банок, он бесцельно разглядывал полки. Мистер Причард сказал:

— Я хочу знать, когда мы поедем. Мне надо успеть к самолету.

— Я понимаю, — вежливо ответил Хуан, — как раз об этом я и хочу поговорить. Мост ненадежный. Переехать я, наверно, смогу. Но дальше — еще мост, его может снести, если уже не снесло. Нам не удалось о нем разузнать. Если мы въедем в излучину, а оба моста снесет, мы застрянем, и тут уж ни к каким самолетам не успеешь. Так вот я хочу, чтобы вы проголосовали, и сделаю

так, как решит большинство пассажиров. Я могу рискнуть и переехать на ту сторону, а могу отвезти вас назад, и там вы рассудите, куда вам ехать. Решайте сами. Но когда решите, прошу вас потом не идти на попятный.

Он запрокинул бутылку с пепси-колой и выпил.

— Мне некогда, — громко сказал мистер Причард. — Послушайте, друг мой. Я не был в отпуске с начала войны. Я производил военное снаряжение, необходимое для победы, и это мой первый отпуск. Мне просто некогда кататься по всему штату. Я нуждаюсь в отдыхе. У меня всего несколько недель — не тратить же их таким образом!

Хуан сказал:

— Извините. Я это не нарочно устроил, вы же понимаете, — но если мы застрянем в излучине, вы можете потерять гораздо больше времени, а я могу потерять автобус при переправе. Нагрузка на мост такая, что он вот-вот развалится. Может рухнуть в любую минуту. Другой выход — вернуться назад.

Из-за кофейного штабеля появился Ван Брант. В руках у него была литровая банка грушевого компота. Через весь магазин он прошел к миссис

Брид.

— Почем?

— Сорок семь центов.

— Господи! За банку компота?

— Мы на этом не выгадали, — сказала она. — Сами теперь больше платим.

Ван Брант ожесточенно швырнул на прилавок полдоллара.

— Откройте ее, — сказал он. — Сорок семь центов за паршивую баночку компота!

Миссис Брид вставила банку в настенную открывалку, повернула ручку и остановилась, как только приподнялся край. Она передала банку через прилавок Ван Бранту. Сперва он отпил сироп, потом залез туда пальцами и вытащил желтый ломтик. Он подержал его над банкой, чтобы сироп стек.

— Так вот, я вас слышал, — сказал он. — Вы думаете, что можете отнимать у нас время. Мне надо попасть в суд, и попасть сегодня. А вы обязаны меня доставить. Вы — общественный транспорт и подчиняетесь установлениям железнодорожной комиссии.

— О том и стараюсь, — ответил Хуан. — А одно из установлений комиссии — не убивать пассажиров.

— Все оттого, что местность не знаете, — продолжал Ван Брант. — Должно быть твердое правило, что раньше, чем водить автобус, надо знать местность. — Он потряс ломтик груши, кинул его в рот и двумя пальцами выловил другой. Он наслаждался. — Вы сказали, есть только два пути. Так вот, их три. Вы не знаете, что здесь была старая дорога, пока не построили эти дурацкие мосты. Она идет как раз вдоль излучины. По ней ездили дилижансы.

Хуан вопросительно посмотрел на Брида:

— Я слышал о ней, но в каком она виде?

— По ней больше ста лет ездили дилижансы, — сказал Ван Брант.

Брид сказал:

— Я знаю, что первые километра три приличные, а дальше как — не знаю. Она идет по склону горы на восток, вон туда. Ее могло размыть. Я был там еще до дождей.

— Вот и решайте, — сказал Ван Брант. Он отряхнул кусочек груши, кинул его в рот и заговорил с полным ртом: — Я сказал вам, что будет дождь. Сказал вам, что река разольется, а теперь, когда вы застряли, я сказал вам, как выбраться. Может, и вашу дерьмовую колымагу за вас повести?

— Не распоясывайтесь, — прикрикнул Хуан, —

выбирайте выражения. Тут женщины.

Ван Брант запрокинул банку и допил сироп, задерживая груши зубами. Густой сироп потек по подбородку, и он утерся рукавом.

— Ну и поездка, тьфу! — сказал он. — С самого начала.

Хуан повернулся к остальным пассажирам:

— Что ж, вот так. В правилах сказано, что я должен ездить по шоссе. Старую дорогу я не знаю. Не знаю, проеду по ней или нет. Решайте сами, что делать. Если мы застрянем, я не хочу, чтоб всё валили на меня.

Мистер Причард сказал:

— Я люблю, когда дело делается. А мне, любезный, надо в Лос-Анджелес. У меня билеты на самолет до Мехико. Знаете, сколько они стоят? И рейс переменить нельзя. Нам надо пробиваться. Так что давайте действуйте. Вы думаете, мост опасен?

— Не думаю, а знаю, — ответил Хуан.

— Так, — сказал мистер Причард, — и говорите, что не знаете, можно ли проехать по старой дороге?

— Именно, — сказал Хуан.

— Значит, у нас два рискованных пути и один верный. И верный никуда нас не приводит. Хм-м-

м-м, — сказал мистер Причард.

— Как ты считаешь, милый? — сказала миссис Причард. — Надо что-то решать. Я три дня как следует не мылась. Милый, нам надо что-то решать.

Милдред сказала:

— Попробуем по старой дороге. Это может быть интересно. — Она взглянула на Хуана — как он отнесется к этому предложению, но он уже перевел взгляд с нее на Камиллу.

Что-то оставшееся от недавней встречи с Милдред заставило Камиллу сказать:

— Я — за старую дорогу. Я уже так устала и такая грязная, что мне почти все безразлично.

Хуан отвел взгляд, посмотрел на Норму и прищурился. Это была совсем не та Норма. И она поняла, что он это заметил.

— Я — тоже за старую, — сказала она, едва дыша.

Эрнест Хортон нашел себе стул — на нем обычно отдыхала миссис Брид во второй половине дня, когда у нее распухали ноги. Он наблюдал за подсчетом голосов.

— Мне, в общем, все равно, — сказал он. — Конечно, я хотел бы попасть в Лос-Анджелес, но это не так важно. Как скажут другие, так и я.

Ван Брант со стуком опустил банку на при-

лавок.

— Будет дождь, — сказал он. — Эта окольная дорога может сделаться ужасно скользкой. Неизвестно, удастся ли вам въехать на тот восточный холм. Он крутой и глинистый. Если увязнете там, я не знаю, как вы выберетесь.

— Но вы же сами это предложили, — сказала Милдред.

— Я просто перечисляю все доводы против, — сказал Ван Брант. — Перечисляю по порядку.

— За что вы голосуете? — спросил Хуан.

— А я не голосую. Ничего глупее в жизни не слышал. Я считаю, решение должен принимать шофер, как капитан корабля.

Прыщ отошел к кондитерскому прилавку. Он выложил десять центов и взял две конфеты. Одну сунул в карман, чтобы дать Камилле, когда сможет остаться с ней наедине, а другую медленно развернул. Шальная волнующая мысль вдруг стукнула ему в голову. Что, если они поедут по мосту, и прямо посередине он провалится, и автобус упадет в реку? Прыща выбросит наружу, а блондинка будет заперта в автобусе. Прыщ нырял и нырял и, уже полумертвый, разбил наконец окно, вытащил бесчувственную Камиллу, поплыл с ней к берегу, положил ее на зеленую

траву и стал тереть ей ноги, чтобы восстановить кровообращение. Или лучше — повернул ее на спину, положил руки ей на грудь и сделал искусственное дыхание.

А если они поедут по старой дороге и автобус застрянет? Тогда они останутся там на всю ночь и, может быть, — у костра, — будут вместе, сядут вместе к костру, и он будет освещать их лица, и, может быть, укроются одним одеялом. Прыщ сказал:

— По-моему, лучше попробовать по старой дороге.

Хуан посмотрел на него и ухмыльнулся:

— В тебе кровь настоящего Кита Карсона, а, Кит?

Прыщ понял, что это шутка, но шутка не издевательская.

— Так, кажется, все, кроме одного, — за, а один не голосует. Почему? Чтобы можно было подать на меня в суд?

Ван Брант обернулся к остальным.

— Вы с ума посходили, — сказал он. — Вы понимаете, что он делает? Он хочет выкрутиться. Если что-нибудь случится, он будет ни при чем, скажет, что сделал так, как вы ему велели. Нет, мне он голову не заморочит.

Мистер Причард протер очки белым льняным платком.

— Интересная мысль, — сказал он. — В таком разрезе я об этом не подумал. Мы в самом деле отказываемся от своих прав.

В глазах у Хуана зажглась злость. Рот сжался в ниточку.

— Садитесь в автобус, — сказал он. — Я везу вас обратно в Сан-Исидро и высаживаю. Я хотел вас доставить на место, а вы ведете себя так, как будто я вас хочу убить. А ну садитесь в автобус. Я сыт по горло. Со вчерашнего вечера я верчусь как мартышка, чтобы вас ублажить, и я сыт этим по горло. Так что занимайте места. Едем обратно.

Мистер Причард подошел к нему.

— Нет, вы меня не так поняли, — сказал он. — Я благодарен вам за ваши труды. Мы все благодарны. Я просто хотел рассмотреть вопрос всесторонне. В делах я всегда так поступаю. Семь раз отмерь, один раз отрежь.

— Я сыт по горло, — повторил Хуан. — Я уступил вам свою постель. Я хочу от вас избавиться.

Ван Брант сказал:

— Между прочим, сломался-то ваш автобус. Вина не наша.

Хуан ответил ровным голосом:

— А больше всего, кажется, я хочу избавиться от вас.

— Не забывайтесь, — ответил Ван Брант. — Учтите, что вы водитель общественного транспорта и вам выданы права. После этого происшествия не так трудно будет их отобрать.

У Хуана вдруг пропала злость. Он захохотал:

— Вот обрадовали так обрадовали. Навсегда избавлюсь от таких, как вы, — и уж тогда я найду, куда засунуть эти права, свернувши в трубочку и обвязавши колючей проволокой.

Камилла громко рассмеялась, а Эрнест Хортон радостно хихикнул.

— Это надо запомнить, — сказал он, — ей-богу. Послушайте, мистер Чикой. Эти двое желают разговаривать. Остальные хотят ехать. Мы рискнем. Проведите-ка вы черту, и кто перейдет за нее — едет, прочие остаются здесь. Так будет вернее.

Милдред сказала:

— Мистер Чикой, я хочу ехать.

— Ладно, — сказал Хуан. — Вот большая щель в полу. Кто не хочет, чтобы я ехал по старой дороге, перейдите на ту сторону, к овощам.

Никто не двинулся. Хуан внимательно взглянул каждому в лицо.

— Это незаконно, — сказал Ван Брант. — Суд

этого не примет.

— Чего не примет?

— Того, что вы делаете.

— До суда пока не дошло.

— Может дойти, — сказал Ван Брант.

— А вас, если и захотите, не возьму, — сказал Хуан.

— Только попробуйте не взять. У меня билет, у меня право ехать на автобусе. Только попробуйте не взять, я на вас подам, вы оглянуться не успеете.

Хуан сгорбился.

— Это точно, — сказал он. — Ладно, поехали. — Он обернулся к Бриду: — Можете одолжить мне инструменты? Верну на обратной дороге.

— Какие инструменты?

— Да кирку и лопату.

— А-а, конечно. На случай, если застрянете?

— Ага, а талей у вас нет?

— Не очень хорошие. Блоки-то ничего, а трос старый, двенадцать миллиметров. Не знаю, сколько он выдержит. Автобус-то у вас тяжеловатый.

— Ну хоть такие, лучше, чем ничего, — ответил Хуан. — А новый трос у вас нельзя купить?

— С начала войны у нас ни кусочка не бы-

ло манильского троса, — сказал Брид. — А что есть — к вашим услугам. Пойдемте. Берите, что приглянется.

Хуан сказал:

— Пошли, Кит, поможешь мне.

Все трое вышли из магазина и обогнули дом.

Эрнест сказал Камилле:

— Такое упустить? Да ни за какие деньги.

— Если бы еще я не так устала, — ответила она. — Шестой день еду на автобусах. Хочется скинуть с себя все и денька два по-человечески поспать.

— Почему вы не поехали на поезде? Вы ведь из Чикаго?

— Из Чикаго.

— Так вы могли сесть на «Старшего вождя» и спать себе всю дорогу до Лос-Анджелеса. Это хороший поезд.

— Выгадываю центы, — ответила Камилла. — Накопила немного деньжат и хочу поваляться недельку-другую до того, как поступлю на работу. А это — как-то лучше на двухспальной кровати, чем на вагонной полке.

— Я правильно улавливаю? — спросил он.

— Неправильно, — ответила Камилла.

— Хорошо, как скажете.

— Знаете, кончим эти игры, — сказала Камилла. — Я устала до чертовой матери, и мне неохота играть с вами в шарады.

— Хорошо, красавица, хорошо. Согласен играть во что хотите.

— Тогда давайте посидим тихо. Идет?

— А знаете? Вы мне нравитесь, — сказал Эрнест. — Я бы вас с удовольствием куда-нибудь сводил, когда вы отдохнете.

— Ну, посмотрим, как получится, — сказала она. Эрнест ей понравился. С ним можно иметь дело. Он кое-что повидал, поэтому с ним просто.

Норма наблюдала за ними, прислушивалась. Она восхищалась Камиллой. Ей хотелось научиться, как это делается. Она вдруг сообразила, что глаза у нее широко раскрыты, как у кролика, — и сразу опустила веки.

Миссис Причард сказала:

— Надеюсь, у меня не разболится голова. Элиот, посмотри, нет ли у них аспирина, хорошо?

Миссис Брид оторвала целлофановый пакетик от большой выставочной картонки.

— Возьмете пакет? Пять центов.

— Возьмем, пожалуй, полдюжины, — сказал мистер Причард.

— Это будет, с налогом, двадцать шесть центов.

— Зачем так много, Элиот? — сказала миссис Причард. — У меня в чемодане флакон, пятьсот штук.

— Всегда лучше иметь запас, — ответил он. Он знал, каковы ее мигрени: они были ужасны. Они искажали ее лицо и превращали ее в потный, студенистый, пыхтящий, оскаленный комок боли. Они заполняли комнату и дом. Они действовали на всех окружающих. Мистер Причард ощущал ее мигрень сквозь стены. Он ощущал ее всем телом, и врач говорил, что помочь тут ничем нельзя. Ей вливали хлористый кальций и давали успокаивающее. Мигрени случались обыкновенно, когда она нервничала и когда дела — не по ее вине — шли плохо.

Муж хотел бы избавить ее от страданий. Они казались корыстными — ее головные боли, — и, однако, это было не так. Боль была настоящая. Невозможно симулировать такую мучительную боль. Мистер Причард страшился их больше всего на свете. От хорошего приступа кидало в дрожь весь дом. И они были немного похожи на совесть. Как ни убеждал себя мистер Причард, он не мог отделаться от чувства, что отчасти он в них виноват. Не то чтобы миссис Причард когда-нибудь это говорила или давала понять.

Наоборот, она вела себя очень мужественно. Она старалась заглушить свои крики подушкой.

Мистер Причард не часто беспокоил ее в постели — вернее сказать, очень редко. Но странным образом он связывал свою нечастую похоть и потерю самообладания с ее головными болями. Это глубоко внедрилось в его ум, и каким путем внедрилось — он сам не знал. Но это висело на его совести. Его низменность, его похоть, недостаток самообладания — они были причиной. Избавиться от этого чувства он не мог. Иногда он ловил себя на том, что искренне ненавидит жену за свои огорчения. Когда у нее болела голова, он оставался после работы в кабинете и, случалось, часами сидел за столом, просто глядя на коричневую обшивку стен, и боль жены колотилась в его теле.

Бывало, в разгар самого жестокого приступа она предлагала ему развеяться. «Сходи в кино, — стонала она. — Пойди к Чарли Джонсону. Выпей виски. Напейся. Не сиди здесь. Сходи в кино». Но это было невозможно. Он не мог.

Он засунул шесть прозрачных пакетиков в карман пиджака.

— Может быть, примешь сейчас две таблетки, на всякий случай? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Я думаю, ничего не случится. — Она улыбнулась, как всегда, мужественно и нежно.

Милдред, услышав слово «аспирин», отошла в бакалейный отдел и стала изучать на стене ценник, утвержденный федеральным управлением. Она стиснула губы, горло у нее сдавило. «О Господи Боже мой, — пробормотала она вполголоса. — О Господи, неужели опять начинает?» Милдред не совсем верила этим головным болям. У самой у нее голова никогда сильно не болела, только побаливала при периодических недомоганиях да несколько раз с похмелья в школе. Материнские приступы она объясняла психозом, называла психосоматическими и страшилась их больше, чем отец. В детстве она убегала от них, пряталась в подвале или за шкафом. Но обычно ее вытаскивали и отводили к маме, потому что, когда у мамы болела голова, она нуждалась в любви и в ласке. Милдред считала эти головные боли проклятием. Она их ненавидела. И ненавидела мать, когда они начинались.

Одно время Милдред считала их чистым притворством и даже теперь, когда узнала из книг, что боль — неподдельная, все равно видела в этих приступах оружие, которым мать пользу-

ется с предельным коварством и предельной жестокостью. Они были мучением для матери, это правда, — но также вожжами и кнутом для семьи. Они держали семью в повиновении. В некоторых вопросах нежелание матери было законом, потому что за ним маячила мигрень. А когда Милдред жила у родителей, она сознавала, что боится прийти домой позже часу ночи потому, что опоздание почти неизбежно вызовет у матери мигрень.

Между приступами забывалось, до чего они сокрушительны. Милдред полагала, что матери нужен психиатр. И Бернис шла на все. Она на все соглашалась. На дыбы тут встал мистер Причард. Он не верит в психиатров, сказал он. Но на самом деле он верил в них — настолько, что боялся их. Ибо мистер Причард постепенно впал в зависимость от головных болей. В каком-то смысле они были ему оправданием. Они были ему карой и указывали ему на грехи, которые надо искупить. Мистер Причард нуждался в грехах. Их не было в его деловой жизни, потому что жестокости там были заданы и предусмотрены уставом как необходимость и ответственность перед акционерами. А мистер Причард нуждался в личных грехах и в личном искуплении. Идею насчет

психиатра он с негодованием отверг.

Милдред заставила себя повернуться и подойти к матери.

— Ты здорова, дорогая?

— Да, — бодро ответила Бернис.

— Голова не болит?

Бернис ответила извиняющимся тоном:

— Нет, просто сжало, и я испугалась. Никогда себе не прощу, если со мной случится этот ужас и я испорчу папе путешествие.

Милдред с легкой дрожью думала о женщине, которая была ее матерью, — о ее власти и ее жестокости. Это, наверно, бессознательное. Иначе — что же? Милдред видела и слышала, как стряпалось это путешествие в Мексику. Отец ехать не хотел. Он с удовольствием провел бы отпуск дома, просто не работая: это значило, что он все равно ходил бы на работу каждый день; но, приходя туда когда вздумается и уходя не в урочное время, а когда захочется, наслаждался бы ощущением праздности и отдыха.

Однако идея путешествия в Мексику была внедрена. Как и когда? Милдред не знала, и отец не знал. Но постепенно он уверился не только в том, что это его идея, но и в том, что семью он с собой — тащит. А от этого возникало чудесное

чувство, что он в своем доме хозяин. Он проходил дверь за дверью в лабиринте, и они за ним закрывались. Это было похоже на гнездо-ловушку. Курица видит дыру, заглядывает, видит кучку зерна, заходит через дверцу — дверца закрывается. Ага, гнездо. Темно и тихо. Почему бы не снести яичко? Славную сыграем шутку над тем, кто оставил открытую дверцу. Отец почти забыл, что не хотел ехать в Мексику. И мистер, и миссис Причард пошли на это ради дочери. Конечно, так оно было вернее. Она учит в университете испанский — и язык она знает плохо, точно так же, как ее учителя. Мексика — где же еще попрактиковаться? Мать сказала, что нет лучше способа изучить язык, чем разговаривать на нем.

Глядя на нежное и спокойное лицо матери, Милдред просто не могла поверить, что эта женщина способна затеять дело и тут же сорвать его. Чего ради? А ведь с нее станется. Идею подсунула она. И голова у нее заболит, как пить дать. Но она подождет, покуда не окажется вдали от врачей, покуда ее головная боль не сможет произвести наибольшее впечатление. В это трудно было поверить. Милдред не думала, что мать делает это сознательно. Но в груди у Милдред словно застрял ком теста и давил ей на желудок. Мигрень

приближалась. Милдред знала это.

Она позавидовала Камилле. Камилла шлюха, думала Милдред. А насколько проще живется шлюхе. Ни укоров совести, ни потерь — ничего, кроме чудесного, ленивого, как у кошки на солнышке, самобытия. Можно переспать с кем хочешь, никогда больше его не увидеть и не испытывать от этого чувства утраты или непрочности. Так, думала Милдред, обстоит у Камиллы. И ей хотелось бы жить так же, но она знала, что это невозможно. Невозможно из-за матери. И, непрошеная, явилась мысль: если бы мать умерла, ей жилось бы куда проще. Завела бы себе где-нибудь укромную квартирку. Она почти с яростью отбросила эту мысль. «Какая гадость — так думать», — назидательно сказала она себе. Но мечта эта посещала ее часто.

Она посмотрела в фасадное окно. Прыщ помог втащить тали в автобус, а трос был в смазке и оставил след на шоколадных брюках Прыща. Он оттирал их носовым платком. «Бедный мальчик, — подумала Милдред, — костюм-то, наверно, единственный». Она хотела сказать ему, чтобы он не трогал пятно, но в это время он подошел к бензоколонке, смочил бензином платок и умело принялся за чистку.

А Хуан уже звал: «Поехали, граждане».

Глава XIV

Окольная дорога вдоль излучины реки Сан-Исидро была очень старая дорога, никто и не знал ее возраста. Это правда, что по ней ездили в дилижансах и верхом. В сухое время года по ней гнали скот к реке, где он мог полежать в жару под ивами и напиться из ям, отрытых в ложе реки. Старая дорога была просто полоской земли, только что не вспаханной, а убитой копытами да отмеченной колеями. Летом, когда проезжала телега, тяжелые тучи пыли подымались над ней, а зимой из-под конских копыт прыскала полужидкая грязь. Постепенно дорога углубилась, стала ниже, чем поля вокруг, и зимой превращалась в длинное озеро со стоячей водой, местами очень глубокой.

Тогда-то люди со стругами и прорыли канавы по бокам, отсыпав грунт в сторону дороги. А потом землю стали возделывать, и скот стал такой ценностью, что владельцы придорожных участков поставили изгороди, чтобы своя скотина не уходила, а чужая не приходила.

Изгороди представляли собой колотые столбы

из секвойи, связанные на середине высоты досками 15 × 2,5 см. А поверху была пущена старинная колючая проволока — перекрученная полоска металла с заточенными зубцами. Изгороди жгло солнце и мочили дожди, красноватые доски и столбы сделались светло-серыми или серо-зелеными, дерево обросло лишайником, а на теневой стороне столбов лепился мох.

Прохожие люди, воспламененные истиной, писали свои послания на досках. «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное…» «Грешник, приди к Богу». — «Поздно…» «Что пользы человеку…» «Приди ко Христу». А другие люди писали другие послания по трафарету. «Медикаменты у Джея…» «Сайрус Нобл — Врачебное виски…» «Веломагазин Сан-Исидро». Теперь все надписи выцвели и потускнели.

По мере того как все меньше земли оставалось под выпасом и все больше шло под пшеницу, ячмень и овес, фермеры начали истреблять на полях сорняки — сурепку, дикую горчицу, маки, чертополох, молочай, — и эти беженцы нашли приют в канавах у дороги. Поздней весной горчица стояла в два метра ростом, и красноплечие желтушники вили гнезда под желтыми цветами. А в мокрых канавах росла жеруха — водяной

кресс.

Придорожные канавы под высокими зарослями бурьяна стали жилищем для ласок и ярких водяных змей, а по вечерам — водопоем для птиц. Весной луговые жаворонки все утро сидели на старых изгородях и сыпали свои тирольские песни. А осенними вечерами на колючей проволоке плечом к плечу, километр за километром сидели траурные голуби, и перекличка их катилась на километры непрерывной нотой. По вечерам вдоль канав летали козодои, высматривая снедь, и в темноте разыскивали кроликов сипухи. А когда заболевала корова, на старой изгороди сидели, дожидаясь ее смерти, большие и уродливые черные грифы.

Дорога была почти заброшенной. Пользовались ею всего несколько семей, к чьим фермам не было никакого иного доступа. Когда-то здесь было много мелких владений, человек жил подле своей пашни, сзади дома была его ферма, а спереди под окнами залы — его грядки. Теперь же здесь расстилалась незаселенная земля, и домишки со старыми амбарами стояли без стекол, некрашеные, серые.

К полудню с юго-запада надвинулись тучи и встали грядой. Есть примета, что чем дольше

собираются тучи, тем дольше будет идти дождь. Но он еще не собрался. Еще виднелись клочки голубого неба, и то и дело слепящий луч солнца упирался в землю. А раз башнеподобное облако раскроило солнечный свет на длинные прямые ленты.

Хуану пришлось вернуться немного назад по шоссе — к повороту на старую дорогу. Прежде чем свернуть, он остановил автобус, вылез и прошел вперед. Он почувствовал под ногами жирную грязь. И ему стало радостно. Он чуть ли не силком тащил это поголовье к нужному месту, хотя ему-то дела нет до их нужд. Теперь он думал о них чуть ли не со злорадством. Они сами выбрали эту дорогу, и, может быть, им повезет. Он испытывал радость отпускника. Хотели — пусть получают. Интересно, что они станут делать, если застрянет автобус. Перед тем как повернуть назад, он ковырнул носком смесь гравия и грязи. Он подумал — а что сейчас делает Алиса? Да уж известно, что Алиса делает. А если он загробит автобус… ха, он может просто уйти от него, просто уйти и не вернуться. До чего же радостным было это чувство отпускника. Когда он влезал в автобус, его лицо сияло от удовольствия.

— Прямо не знаю, проберемся ли, — весело

сказал он. И пассажиров несколько встревожило его воодушевление.

Пассажиры собрались вместе, заняв самые передние места. Для каждого из них Хуан был единственной связью с нормальным миром, и, если бы они узнали, что у него на уме, они бы очень испугались. Хуана разбирало веселье. Он закрыл дверь автобуса и дважды газанул, прежде чем включить первую скорость и вывести автобус на топкий проселок.

Из туч вот-вот должно было хлынуть. Он знал это. Он видел, как посеклась одна туча на западе. Там уже начиналось, и сейчас понесется по долине еще один весенний ливень. Свет опять стал металлическим, застиранным и блеклым, как в подзорной трубе, и это могло означать лишь проливной дождь.

Ван Брант радостно сказал:

— Дождь собирается.

— Похоже, — согласился Хуан и повернул автобус на проселок. Рисунок на протекторах был глубокий, но, съехав с асфальта, Хуан почувствовал, как стала проскальзывать в жирной грязи резина и зад автобуса потащило в сторону. Все же под грязью было дно, и автобус полез по проселку. Хуан перевел на вторую скорость. Так на ней и

придется ехать — чего доброго, всю дорогу.

Мистер Причард громко, чтобы перекрыть шум мотора, спросил:

— Этот объезд большой?

— Не знаю, — ответил Хуан. — Никогда здесь не ездил. Говорят, километров двадцать — двадцать пять, что-то около этого. — Он сгорбился над баранкой, и взгляд его перебежал с дороги на Деву Гвадалупы под ветровым стеклом.

Хуан не был истово верующим человеком. Он верил в силу Девы, как ребенок верит в силу своего дяди. Она была и куклой, и богиней, и амулетом, и родственницей. Мать его, ирландка, вышла замуж в семью Девы и приняла ее так же, как мать и бабку мужа. Дева Гвадалупы стала ее семьей и ее богиней.

С этой Девой в широких юбках, стоящей на лунном серпе, прошло все детство Хуана. Она была при нем неотлучно: над его кроватью — наблюдала его сны, в кухне — присматривала за стряпней, в передней — впускала его в дом и выпускала, и на двери zaguan[1] — слушала, как он играет на улице. Была в церкви — внутри своей собственной красивой часовенки; в классе,

---

[1] Сноски: 1
Сеней *(исп.).*

и, — словно этого вездесущия было мало, — он еще носил ее на груди — золотую медальку на золотой цепочке. Он мог спрятаться от матери, от отца и братьев, но смуглая Дева была с ним всегда. Других родственников можно было провести, обмануть, перехитрить, одурачить, а она знала все. Он признавался ей в разных поступках — но только для порядка, потому что она и так о них знала. Это скорее был рассказ о побуждениях, толкнувших тебя на какой-то поступок, чем доклад о том, какой поступок ты совершил. Хотя и это было глупо, потому что побуждения она тоже знала. И тут у нее бывало особенное выражение лица, полуулыбка, словно она вот-вот рассмеется. Она не только понимала, она и чуть-чуть забавлялась. И если эта полуулыбка вообще что-то означала, то ужасные детские преступления, как видно, не заслуживали ада.

Так что в детстве Хуан любил ее искренне, надеялся на нее, а отец говорил, что она особо выделена оберегать мексиканцев. Когда он видел на улице немецких или американских детей, он знал, что его Деве на них наплевать, потому что они не мексиканцы.

Если добавить к этому, что Хуан не верил в нее умом и верил каждым чувством, то вы уясните

его отношение к Деве Марии Гвадалупской.

Автобус лез по грязной дороге очень медленно, оставляя за собой глубокие колеи. Хуан скосил глаза на Деву и сказал про себя: «Ты знаешь, что я не был счастлив и что из чувства долга, которое мне поперек натуры, я оставался в силках, раскинутых для меня. А сейчас я доверяю решать тебе. Сам я не могу взять на себя решение сбежать от жены и от маленького моего хозяйства. Когда я был моложе, я бы и сам смог, но теперь я размяк и слаб в решениях. Я передаю это в твои руки. Я на этом проселке не по своей воле. Меня затащила сюда воля этих людей, которым нет дела ни до меня, ни до моей целости и счастья, а только до своих надобностей. Я думаю, они меня даже не видят. Я — машина, чтобы везти их, куда им надо. Я предлагал им вернуться. Ты слышала. Так что я передаю это тебе, и я пойму твою волю. Если автобус застрянет так, что с обычными стараниями я его вытащу и смогу ехать, — я его вытащу. Если обычные предосторожности позволят удержать автобус на ходу — я от них не откажусь. Но если ты в своей мудрости захочешь дать мне знак и утопишь автобус в грязи по оси или стянешь его с дороги в кювет, где я ничего не смогу сделать, тогда я пойму, что ты одобряешь мое намерение.

Тогда я уйду. Тогда эти люди пусть сами о себе заботятся. Я уйду и исчезну. Я никогда не вернусь к Алисе. Я скину с себя старую жизнь, как костюм или исподнее. Решай ты».

Он кивнул и улыбнулся Деве, и у нее на лице была слабая улыбка. Она знала, чем все кончится, но выяснить это пока не было возможности. Без разрешения сбежать он не мог. Надо было, чтобы одобрила Дева. Последнее слово за ней. Если она очень против того, чтобы Хуан ушел от Алисы, она выровняет дорогу и проведет автобус, и он поймет, что отпущенное ему отпущено пожизненно.

Он сильно дышал от возбуждения, и глаза его блестели. Милдред видела его лицо в зеркале. Она не могла понять, отчего он так сияет, чему радуется. Вот мужчина, подумала она, мужчина насквозь мужественный. Такой мужчина нужен был бы настоящей женщине, потому что он не допустит в себе ничего женственного. Ему довольно его собственного пола. Он никогда не попытается понять женщину — а это такое счастье. Он будет просто брать у нее то, что ему надо. Отвращение к себе у нее прошло, и на душе стало полегче.

Ее мать сочиняла в уме очередное письмо. «И вот мы очутились на грязной дороге, за много ки-

лометров от населенных мест. И даже шофер не знал дороги. Тут что угодно могло случиться. Что угодно. Вокруг никаких признаков человеческого жилья, и начинался дождь». Дождь начинался. Не порывами и потоками, как утром, а сильный, настойчивый, барабанящий, деловитый дождь, который изливает столько-то литров в час на данную площадь. Ветер стих совсем. Это был отвесный ливень, дождь как таковой. Автобус с шипением и плеском давил ровную дорогу, и Хуан, чуть поворачивая руль, чувствовал, как заносит машину.

— Цепи у вас есть? — окликнул его Ван Брант.

— Нет, — весело ответил Хуан. — Не могу достать цепи с довоенных времен.

— Не думаю, что вы проедете, — сказал Ван Брант. — На ровной местности — еще ничего, но довольно скоро вам придется ехать в гору. — Он показал на восток, на горы, к которым полз автобус. — Река ударяется прямо в обрыв, — крикнул он пассажирам. — Дорога идет над обрывом. Не думаю, что мы въедем.

У Прыща это утро прошло во внутренней борьбе и напряжении. И без того в его жизни было мало спокойных минут, но нынче выдался день особенно бурный. Тело у него горело от возбужде-

ния. В Прыще бушевали похотливые юношеские соки. И сон его и явь были заполнены одним предметом. Но столь разнообразно было действие этого единого раздражителя, что сейчас он готов был лезть ко всем, как щенок, а через минуту барахтался в густой и чувствительной романтике, а еще через минуту покаянно бичевал себя. Тогда он чувствовал, что он одинок и что он, одинокий, — величайший грешник на свете. С раболепным обожанием смотрел он на владеющего собой Хуана и других знакомых мужчин.

С той минуты, когда он увидел Камиллу, он потянулся к ней душой и телом, и тяга эта порождала то сладострастные картины обладания, то грезы о женитьбе и совместной жизни. То он сближался с ней настолько, что готов был подойти и попросить напрямик, то от одного ее мельком брошенного взгляда его пробирала дрожь смущения.

Снова он попытался сесть там, откуда мог незаметно наблюдать за ней, и снова потерпел неудачу. Он видел только ее затылок, зато Норму — в профиль. Так что лишь сейчас, с опозданием, Прыщ заметил перемену в Норме — и, заметив, глубоко вздохнул. Она стала другая. Он понимал, что это всего-навсего косметика, — он

видел со своего места и подрисованную бровь, и губную помаду, — но не от этого быстро и горячо побежала по жилам кровь. Норма стала другой. У нее появилась осознанная женственность, которой не было раньше, и неукротимые соки опять зашептали ему. Если — о чем он знал в глубине души — Камиллы ему не видать, то можно добиться Нормы. Ее он не так боялся, как богиню Камиллу. Бессознательно он начал строить план, как подстеречь Норму и одолеть ее. Новый нарывчик образовывался у него на левой щеке. Не удержавшись, он ковырнул его, и зацветшая плоть возмущенно побагровела. Прыщ украдкой взглянул на предприимчивый палец, спрятал его в карман и там обтер. Он раскровянил щеку. Он вынул носовой платок и приложил к лицу.

Мистер Причард беспокоился, смогут ли они проехать и успеет ли он к самолету. И еще его грызла мысль, мешавшая расслабиться и отдохнуть. Он попробовал отделаться от нее смехом. Он применил все привычные методы истребления неприятных мыслей, но они не помогли.

Эрнест Хортон заявил, что план мистера Причарда — шантаж, и Эрнест даже высказал опасение, что Элиот Причард украдет его идею накладных лацканов для темного костюма, если

не принять мер. Сперва это возмутило мистера Причарда, — с его-то репутацией и положением? А потом он подумал: «Да, у меня есть репутация и положение в моем кругу, но здесь у меня нет ничего. Я одинок. Этот человек думает, что я вор. Я не могу отослать его к Чарли Джонсону, чтобы ему объяснили, насколько он заблуждается». Это очень сильно волновало мистера Причарда. Эрнест пошел еще дальше. Он высказал мысль, что мистер Причард — из тех людей, которые ходят на квартиры к блондинкам. Он никогда в жизни этого не делал. Необходимо доказать Эрнесту Хортону, что он судит превратно. Но как это сделать?

Рука мистера Причарда лежала на спинке сиденья, а Эрнест сидел позади него, один. Мотор автобуса, ехавшего на второй скорости, работал громко, и старый кузов дребезжал. Существовал только один способ — предложить что-то Эрнесту Хортону, что-то честное и открытое, тогда он поймет, что мистер Причард не вор.

Была одна смутная мысль. Он обернулся:

— Меня заинтересовал ваш рассказ о том, как у вас в компании относятся к свежим идеям.

Эрнеста это позабавило. Мужику чего-то надо. Он заподозрил, что приятелю захотелось попасть

на вечеринку. Такой же был начальник у Эрнеста. Обожал ночные совещания, и всегда они кончались в публичном доме, и всегда он удивлялся, как сюда попал.

— У нас чудесно относятся, — сказал Эрнест.

— В этой моей идее нет ничего особенного, — сказал мистер Причард. — Просто как-то пришло в голову. Можете ею воспользоваться, если хотите и если вам от нее будет польза.

Эрнест молча ждал.

— Возьмем запонки, — сказал мистер Причард. — Я, скажем, всегда ношу отложные манжеты и запонки, а когда вы вставили запонки — чтобы снять рубашку, их надо вынуть. И если вы хотите поддернуть рукава, когда моете руки, тоже надо вынуть запонки. Их легко вставить, пока не надел рубашку, но тогда не просунешь руки. А когда ты в рубашке, запонки вставить трудно. Понимаете мою мысль?

— Есть такие, которые сцепляются, — сказал Эрнест.

— Да, но на них нет спроса. Половинки всегда куда-то заваливаются и теряются.

Автобус остановился. Потом Хуан включил первую скорость и осторожно двинулся дальше. Автобус тряхнуло, когда он проехал яму, тряхну-

ло еще раз, когда проехали задние колеса, и он медленно пополз дальше. Дождь громко барабанил по крыше. Дворник повизгивал на ветровом стекле.

Мистер Причард еще больше откинулся на сиденье и сдвинул рукав так, что показалась золотая запонка.

— Теперь предположим, — сказал он, — что вместо цепочки или перекладины здесь пружина. Когда стаскиваешь манжету через руку, пружина растягивается; можно поддернуть манжеты, чтобы вымыть руки, а потом все встанет на место. — Он внимательно следил за лицом Эрнеста.

Эрнест, прищурившись, думал.

— Но как это будет выглядеть? Пружина-то нужна стальная, иначе это на раз.

Мистер Причард с готовностью ответил:

— Я это продумал. В дешевых можно золотить пружину или серебрить. А в дорогих, скажем, чисто золотых или платиновых — в качественных, — тут вместо перекладины — трубка, и, когда манжета на запястье, пружина целиком прячется в трубку.

Эрнест задумчиво кивнул.

— Да, — сказал он, — да. Очень неплохая

мысль.

— Она ваша, — сказал мистер Причард. — Ваша — пользуйтесь ею как вам угодно.

Эрнест сказал:

— Наша компания выпускает другие товары, но, может быть… может быть, я смогу их уговорить. Самый ходкий товар на свете — из мужских, конечно, — это бритвы и бритвенные принадлежности, ручки, карандаши и ювелирные изделия. Человек, который за год пяти строк не напишет, запросто покупает шикарную авторучку за пятнадцать долларов. А ювелирные? Это может выгореть. Какие ваши условия, если им подойдет эта идея?

— Никаких, — ответил мистер Причард. — Никаких условий. Я вам дарю ее. Хочу помочь молодому, подающему надежды человеку. — Настроение у него опять исправилось. Но что, если выгорит это дело, которое он придумал? Что, если оно принесет миллион? Что, если… Но он сказал, и он своему слову хозяин. Его слово — закон. А уж захочет ли Эрнест выразить свою благодарность — это ему решать. — Мне совершенно ничего не надо, — повторил он.

— Ну, это очень мило с вашей стороны. — Эрнест достал из кармана блокнот, что-то написал и

вырвал листок. — Конечно, для начала надо будет оформить права, — сказал он. — Если у вас найдется в Голливуде свободное время, может быть, позвоните мне — и поговорим по-деловому? У нас с вами может получиться дело. — При этих словах его левое веко чуть опустилось, а потом он скосил глаза на миссис Причард. Он передал листок мистеру Причарду и сказал: — Хемпстед три тысячи двести пятьдесят пять, «Герб Алоха», квартира двенадцать Б.

Мистер Причард слегка покраснел, достал бумажник и сунул в него записку, спрятал записку поглубже, на самое дно. Вообще-то она была ни к чему. Он мог выбросить ее при первом удобном случае, потому что память имел отличную. Годы пройдут, прежде чем он забудет этот номер телефона. Машинка в голове щелкнула, испытанная его машинка. Три да два — пять, и еще раз. И Хемпстед. Хемп — конопля. Конопля — лен, лен — белый. У него были сотни таких приемов запоминания. Волосы как лен, блондинка. Руки чесались выкинуть бумажку. Бернис иногда лазила к нему в бумажник за мелочью. Он сам ей разрешал. А сейчас он нутром чувствовал опасность… Унизительное, однако, чувство, когда тебя обозвали вором.

Он спросил жену:

— Как ты себя чувствуешь, девочка?

— Хорошо, — ответила она. — Кажется, я переборола. Просто сказала себе: «Я не позволю ей начаться. Не позволю ей портить отпуск моим милым».

— Вот и хорошо, — сказал мистер Причард.

— А скажи, милый, — продолжала она, — как к вам, мужчинам, приходят такие идеи?

— Да просто приходят — и все, — ответил он. — А эта — из-за новой рубашки с маленькими петлями. Я на днях в ней застрял, чуть не пришлось звать на помощь.

Она улыбнулась.

— По-моему, ты ужасно милый, — сказала она. Он положил руку ей на колено и сжал ей ногу. Она игриво хлопнула его по руке, и он отпустил.

Норма повернула голову так, что ее губы были против уха Камиллы. Зная, что Прыщ подслушивает, она старалась говорить как можно тише. Она ощущала его взгляд, и в каком-то смысле он ее радовал. Никогда в жизни она не чувствовала себя так уверенно, как сейчас.

— Вообще-то у меня нет семьи, ну, того, что можно назвать семьей, — сказала Норма. Она все вываливала Камилле. Она рассказывала и

объясняла ей всю свою жизнь. Ей хотелось, чтобы Камилла знала о ней все — и какой она была до нынешнего утра, и какая она теперь, — чтобы Камилла стала ее семьей, чтобы привязалась к ней эта прекрасная и уверенная женщина.

— Когда ты одна на свете, ты такие штуки выкидываешь, — сказала она. — Я людям врала. Перед собой притворялась. Делала вид, как будто это на самом деле… ну — что я придумала. Знаете, что я делала? Я воображала, как будто один знаменитый артист… ну — мой муж.

Это вырвалось. Норма не собиралась заходить так далеко. Она покраснела. Этого не надо было говорить. Этим она как будто предавала мистера Гейбла. Но, призадумавшись, она нашла, что дело обстоит не совсем так. Мистер Гейбл не вызывал такого чувства, как раньше. Чувство перешло на Камиллу. Это поразило Норму. Она усомнилась в своем постоянстве.

— Оттого, что у тебя нет семьи и нет друзей, — объяснила она. — Наверно, ты их просто придумываешь, если у тебя их нет. Но теперь-то — ну, если мы снимем квартиру, мне ничего не придется придумывать.

Камилла отвернулась, чтобы не видеть этой наготы в глазах Нормы, их совершенной беззa-

щитности. «Милые мои! — подумала Камилла. — Куда же я угодила? Не хватало мне ребеночка. Впуталась за здорово живешь. Как это вышло-то? Теперь я должна буду над ней колдовать и жить ее жизнью, и скоро мне это осточертеет, но уже увязну так, что не выкарабкаюсь. Если Лорейн вытурила своего рекламщика и мы можем съехаться, куда я ее дену? С чего все началось? Какого черта я полезла?»

Она повернулась к Норме.

— Детка, — начала она решительно. — Я не говорила, что мы снимем. Я сказала: посмотрим, как пойдут дела. Ты обо мне много чего не знаешь. Во-первых, я помолвлена, и мой жених — он считает, что мы скоро сможем пожениться. Так что понимаешь — если он захочет сейчас, как мы с тобой поселимся?

Камилла увидела в глазах у Нормы отчаяние, похожее на ужас; у девушки запали щеки и рот, бессильно повисли руки и плечи. Камилла сказала себе: «Можно снять комнату в ближайшем городе и спрятаться, потеряться. Можно сбежать от нее. Можно… Господи, как же я в это впуталась? До чего я устала. Мне бы сейчас в горячую ванну». Вслух она сказала:

— Не огорчайся, детка. Может, он еще не на-

думал. Может… да послушай, детка, может, все устроится. Может быть. Правда.

Норма крепко сжала губы и отвела глаза. Голова ее вздрагивала от толчков автобуса. Камилле не хотелось на нее смотреть. Потом Норма овладела собой. Она спокойно сказала:

— Вы, наверно, меня стыдитесь, я вас не виню. Я могу быть только официанткой, но если вы меня научите, я тоже попробую стать сестрой. Буду учиться по ночам, а днем работать официанткой. Но я выучусь, и тогда вам не надо будет меня стыдиться. Ведь это будет не так трудно, если вы поможете.

Муторная волна прокатилась по желудку Камиллы. «Господи Боже милостивый! Вот это попалась. Что я ей скажу? Врать дальше? Или все же растолковать ей, каким способом я зарабатываю? Еще хуже будет? А может, это так ее оскорбит, что она и не захочет меня в подруги. Может, это — самое лучшее. Нет, пожалуй, лучше всего потерять ее в толпе».

Норма говорила:

— Мне бы тоже хотелось иметь специальность, как говорится, достойную, вроде вашей.

Камилла с отчаянием сказала:

— Слушай, детка, я жутко устала. Так устала,

что думать не могу. Я уже еду несколько суток. Сил нет думать ни о чем. Давай пока оставим. Посмотрим, как там пойдут дела.

— Извините, — сказала Норма. — Я разволновалась и совсем забыла. Больше не буду говорить. Посмотрим, как пойдут дела. Да?

— Да, посмотрим.

Автобус резко затормозил. Они уже подъезжали к холмам, но зеленые их волны едва виднелись в дожде. Хуан, привстав, оглядел дорогу. В полотне была яма, яма, полная воды, неизвестно какая глубокая. Может быть, автобус уйдет в нее с крышей. Хуан взглянул на Деву. «Рискнуть мне?» — спросил он неслышно. Передние колеса замерли на краю лужи. Он усмехнулся, дал задний ход и отвел автобус метров на семь.

Ван Брант сказал:

— Хотите попробовать с разгона? Застрянете.

Губы Хуана зашевелились беззвучно. «Дружочек ты мой, если бы ты только знал, — прошептал он. — Если бы все вы знали». Он включил первую скорость и поехал к яме. Вода расступилась и разлетелась с плеском. Задние колеса въехали в лужу. Автобус заскользил, забуксовал. Задние колеса вертелись, мотор ревел, и, подкидывая кузов, вертящиеся колеса медленно продвигали

автобус вперед и вывезли на другую сторону. Хуан перевел на вторую скорость и пополз дальше.

— Наверно, там был гравий, — сказал он через плечо Ван Бранту.

— Ничего, посмотрим, как вы в гору поедете, — зловеще ответил Ван Брант.

— А знаете, для человека, который хочет доехать, вы что-то очень ищете помех, — сказал Хуан.

Дорога пошла в гору, и здесь вода на ней не застаивалась. По кюветам она бежала вровень с верхом. Ведущие колеса пробуксовывали, растирали грязь в колеях. Хуан вдруг понял, что он сделает, если автобус сядет. Раньше он не понимал. Он думал добраться до Лос-Анджелеса и устроиться там шофером на грузовик, но он сделает по-другому. В кармане у него было пятьдесят долларов. Он всегда держал их при себе на случай поломок, и этого ему хватит. Он уйдет, но недалеко. Где-нибудь спрячется и переждет дождь. Может быть, даже поспит. А поесть — он захватит один пирог. Потом, когда отдохнет, он выйдет на шоссе и проголосует, просто подождет на заправочной станции, пока его подберут. На попутных доберется до Сан-Диего, а там, через границу, — в Тихуану. Там будет хорошо, и, может

быть, дня два-три он просто поваляется на пляже. С границей — просто. На этой стороне он скажет, что он американец. На той — будет мексиканцем. Потом, когда отдохнет, он уедет из города, может быть, на попутной, а может быть, просто уйдет пешком через горы, и вдоль по речкам — может быть, до самого Санто-Томаса, а там подождет почтовой машины. В Санто-Томасе накупит вина, заплатит почтарю и — по полуострову на юг, через Сан-Кинтин, мимо бухты Бальенас. Пожалуй, недели две уйдет на то, чтобы добраться по камням и через кактусовую пустыню до Ла-Паса. Надо, чтобы остались еще кое-какие деньги. В Ла-Пасе сядет на пароход до Гуаймаса или Масатлана на той стороне залива, а может, и до Акапулько, и в любом из них он найдет туристов. В Акапулько — больше, чем в Гуаймасе и Масатлане. А где туристы барахтаются без испанского посреди незнакомой страны, там Хуан не пропадет. Подрабатывая помаленьку, он доберется до Мехико, а там туристов пруд пруди. И экскурсии можно водить, и по-всякому зарабатывать. А много ему не надо.

Он усмехнулся про себя. Чего ради он так долго за это держался? Он вольная птица. Может делать что захочет. Пускай его поищут. Пожалуй,

еще прочтет про себя заметку в лос-анджелесских газетах. Решат, что он погиб, и будут искать тело. Алиса поначалу поднимет содом. И будет чувствовать себя важным человеком. В Мексике многие умеют готовить бобы. Может, сойдется в Мехико с какой-нибудь американкой, из тех, что скрываются там от налогов. В приличном костюме вид у него вполне представительный, Хуан это знал. Какого шута он давным-давно не вернулся?

Он уже чуял запах Мексики. Он не мог понять, почему не сделал этого раньше. А пассажиры? Пускай сами о себе побеспокоятся. Не так уж далеко они заехали. До того привыкают взваливать свои трудности на других, что разучились о себе заботиться. Им это будет полезно. Хуан о себе позаботиться может — и займется этим. Что за дурацкую жизнь он вел, о чем хлопотал — как перевезти пироги из города в город? Ну, с этим покончено.

Он заговорщицки взглянул на Гвадалупану. «Нет, я сдержу слово, — сказал он неслышно. — Довезу их, если ты хочешь. Но очень может быть, что я все равно уйду».

Память обрушила на него картины обожженных солнцем холмов Южной Калифорнии, и зной Соноры, и утренний холодок Мексикан-

ского плоскогорья, с запахом сосновых шишек в домах, с запахом маисовых лепешек. И сладко навалилась тоска по родине. Со вкусом свежих апельсинов, с огнем красного перца. Да что он делает в этой стране? Она ему чужая.

Завеса лет отлетела, и, наложившуюся на грязный проселок, он увидел, услышал, почуял Мексику, гомон рынка, скрипучий крик попугая в саду, ругань свиней на улице, цветы и рыбу и скромных смуглых девочек в синих шалях. Как странно, что он на столько лет об этом забыл. Он томился по югу. Он не мог понять, что за диковинная западня его тут поймала. Вдруг его охватило нетерпение — уйти сейчас же. Почему не нажать на тормоз, не открыть дверь, не уйти в дождь? Он видел, как высовываются вслед ему их глупые лица, и слышал их возмущенные голоса.

Он снова взглянул на Деву. «Я сдержу слово, — шепнул он. — Я проеду, если смогу». Он почувствовал, как колеса проскальзывают в грязи, и ухмыльнулся Деве Гвадалупы.

Теперь река прибилась к самым холмам, вместе с каймой берегового ивняка. А дорога вильнула в сторону, прочь от реки. Дождь редел, и они видели с дороги светло-желтые водовороты в широком потоке и раздерганные, завивающиеся

пряди грязной пены. Впереди дорога лезла на косогор, а наверху был желтый обрыв, почти утес, и дорога шла под ним. На самом верху обрыва громадными блеклыми буквами было выведено одно слово: ПОКАЙТЕСЬ. Наверно, с большим трудом и риском для жизни писал его там какой-то блажной человек черной краской — а теперь она почти стерлась.

В стене песчаника были пещеры, отрытые дождем и ветром и прокопанные зверями. Пещеры зияли в желтом обрыве как черные глазницы.

Изгороди здесь были еще крепкие, и в суходольных травах стояли рыжие коровы, потемневшие от дождя, некоторые — уже с весенними телятами. Рыжие коровы медленно поворачивали головы и смотрели на трудившийся автобус, а одна дурная коровища со страху ударилась бежать, лягаясь и брыкаясь, словно хотела отпугнуть автобус.

Грунт на дороге стал другим. На гравии ход был устойчивее. Кузов кидало и встряхивало на ухабах, но колеса не проскальзывали. Хуан подозрительно посмотрел на Деву. Дурачит она его? Провезет и заставит самого принимать решение? Это будет некрасивая шутка. Без знака с небес Хуан не знал, что ему делать. Дорога дала большой

крюк вокруг старой фермы, а потом полезла к обрыву всерьез.

Хуан снова ехал на первой скорости, и хвостик пара из сливной трубки завивался над капотом. Конец подъема был прямо перед обрывом с темными пещерами. Хуан с сердцем нажал на газ. Колеса кидали гравий. В одном месте кювет был завален, и вода со смытой почвой разлилась по дороге. Хуан гнал машину к этой темной полосе. Передние колеса переехали ее, а задние забуксовали в жирной грязи. Автобус занесло, а колеса все буксовали, и зад машины тяжело опустился в кювет.

На лице Хуана была свирепая усмешка. Он газовал, и колеса зарывались все глубже и глубже. Он дал задний ход и прибавил газу, колеса вертелись, рыли себе ямы, уходили в ямы, и автобус сел на дифференциал. Хуан сбросил газ. В зеркальце он увидел, что Прыщ смотрит на него с изумлением.

Хуан забыл, что Прыщ-то поймет. Рот у Прыща был открыт. Не похоже на Хуана. На топком месте так не газуют. Хуан увидел вопрос в глазах Прыща. Почему он так сделал? Не такой же он бестолковый. Он встретил в зеркальце взгляд Прыща и не придумал ничего лучше, чем под-

мигнуть ему украдкой. Однако на лице Прыща выразилось облегчение. Если так задумано, значит, все в порядке. Если за этим что-то кроется, Прыщ его не бросит. И тут у Прыща возникла ужасная мысль. Что, если это из-за Камиллы? Если она нужна Хуану, Прыщу ее не видать. Он Хуану не соперник.

Автобус сильно наклонился. Задние колеса утонули в канаве, а передние стояли высоко на полотне. «Любимая» походила на изувеченного жука. Но вот лицо Ван Бранта заслонило отражение Прыща в зеркале. Ван Брант был красный и злой, и его костлявый палец рассекал воздух у Хуана под носом.

— Допрыгались! — закричал он. — Посадили нас. Я знал, что этим кончится. Ей-богу, так и знал! Как я теперь попаду в суд? Как вы нас отсюда вытащите?

Хуан отбил его палец ладонью.

— Не тычьте мне в лицо, — сказал он. — Вы мне надоели. Ну-ка сядьте на место.

Сердитый взгляд Ван Бранта дрогнул. Он вдруг понял, что на этого человека нет управы. Ни комиссии железнодорожной он не боится, никого. Ван Брант попятился и сел на наклонное сиденье.

Хуан выключил зажигание, мотор смолк. Дождь стучал по крыше автобуса. Хуан похлопал ладонями по баранке, потом, сидя, повернулся к пассажирам.

— Так, — сказал он. — Приехали.

Они смотрели на него растерянно. Мистер Причард робко спросил:

— Вы не можете нас вытащить?

— Я еще не смотрел, — ответил Хуан.

— Но, кажется, мы сели довольно основательно. Что вы намерены делать?

— Не знаю, — сказал Хуан. Ему хотелось увидеть лицо Эрнеста Хортона — понял ли он, что это сделано нарочно, — но Эрнеста не было видно за Нормой. Камилла вообще никак не откликнулась на происшествие. Она слишком долго ехала, чтобы теперь торопиться.

— Сидите спокойно, — сказал Хуан. Он сел попрямее в наклонившемся кресле и толкнул рычаг двери. Замок щелкнул, но дверь не открылась. Ее заклинило. Хуан встал и открыл дверь ударом ноги. Стал слышен шелест дождя на дороге и в траве. Хуан вылез под дождь и подошел к заду автобуса. Косой дождь холодил ему голову.

Машину он посадил на совесть. Теперь без аварийной, а то и трактора ее не вытащишь. Он

наклонился и заглянул под днище — убедиться в том, что и так знал. Полуоси с дифференциалом лежали на земле. Пассажиры смотрели в окна, их лица искажало мокрое стекло. Хуан выпрямился и опять влез в автобус.

— Так, граждане, наверно, вам придется подождать. Виноват — но не забудьте, что все вы сами хотели ехать по этой дороге.

— Я не хотел, — сказал Ван Брант.

Хуан резко повернулся к нему:

— Не вмешивайтесь, черт подери. Не злите меня, я и так сейчас разозлюсь.

Ван Брант смекнул, что это не пустые слова. Он поглядел себе на руки, ущипнул дряблую кожу на костяшке и потер левую руку правой.

Хуан сидел боком в кресле водителя. Взгляд его перебежал на Деву. «Ладно, ладно, — мысленно сказал он ей, — малость смухлевал. Не очень, но малость есть. Думаю, теперь ты вправе сделать так, чтобы мне стало довольно неудобно». Вслух он сказал:

— Придется мне сходить и вызвать по телефону аварийную машину. Попрошу, чтобы за вами, друзья, прислали такси. Это будет не очень долго.

Ван Брант возразил сдержанно:

— Тут на шесть километров вокруг нет жилья. Дом старика Хокинса — километрах в полутора, но он стоит пустой с тех пор, как его забрал банк. Надо идти до шоссе, а это шесть километров с лишним.

— Ну, раз надо идти, значит, надо, — сказал Хуан. — Хуже, чем насквозь, не промокнешь.

В Прыще вспыхнуло чувство товарищества.

— Я пойду, — вызвался он. — Пошлите меня, а сами оставайтесь.

— Нет, — сказал Хуан, — у тебя сегодня выходной. — Он засмеялся: — Попользуйся им, Кит. — Он протянул руку к ящику в приборной доске и открыл дверцу. — Тут аварийное виски, — сказал он.

Он замешкался. Взять ему револьвер — хороший «смит-и-вессон» калибра 11,43, с пятнадцатисантиметровым стволом? Стыдно бросить такую вещь. Но и таскать его не с руки — если какая-нибудь неприятность, револьвер будет не в его пользу. Хуан решил оставить его. Если он собирается оставить жену, то револьвер подавно можно оставить. Он небрежно сказал:

— Если на вас нападут тигры, тут у меня револьвер.

— Я хочу есть, — пожаловалась Камилла.

Хуан улыбнулся ей:

— Возьмите эти ключи и откройте багажник. Там полно пирогов. — Он улыбнулся Прыщу: — Смотри, все не ешь. Значит, вы можете оставаться в автобусе, а если хотите — можете вынуть из багажника брезент и постелить себе в какой-нибудь пещере. Можете даже развести там костер, если найдете сухое топливо. Я постараюсь, чтобы машину за вами прислали поскорее.

— Можно, я пойду вместо вас? — спросил Прыщ.

— Нет, ты посиди здесь и присмотри за всем, — сказал Хуан и увидел, как Прыщ вспыхнул от удовольствия. Хуан доверху застегнул куртку. — Сидите спокойно, — сказал он и спустился на землю.

Прыщ выбрался за ним следом. Он прошел за Хуаном несколько шагов, Хуан повернулся и подождал его.

— Мистер Чикой, — тихо сказал Прыщ, — что вы задумали?

— Задумал?

— Ага. Ну, понимаете… вы газовали.

Хуан положил руку ему на плечо.

— Слушай, Кит, когда-нибудь я тебе скажу. Ты пока побудь за меня, ладно?

— Ну конечно, мистер Чикой, только… я просто хотел узнать.

— Я тебе все объясню, когда мы будем одни, — сказал Хуан. — Ты последи пока, чтобы эти люди не поубивали друг друга, ладно?

— Ну конечно, — смущенно ответил Прыщ. — Через сколько вы думаете вернуться?

— Не знаю, — нетерпеливо ответил Хуан. — Почем я знаю? Делай, что я говорю.

— Конечно. Ну конечно, — сказал Прыщ.

— И ешь пирогов сколько хочешь, — сказал Хуан.

— Но нам же платить за них, мистер Чикой!

— Конечно, — сказал Хуан и зашагал под дождем по дороге. Он знал, что Прыщ смотрит ему вслед, и знал, что Прыщ что-то почувствовал. Прыщ догадался, что он убегает. А Хуана это не так уж радовало. Не так, как он ожидал. Не так ему было хорошо, не так приятно, не так привольно. Он остановился и посмотрел назад. Прыщ как раз влезал в автобус.

Дорога шла мимо выветренного каменного обрыва с пещерами. Хуан свернул с дороги и зашел на минуту в укрытие. Пещеры и уступы над ними были больше, чем казалось снаружи, и внутри было довольно сухо. Перед входом в

самую большую лежали три закопченных камня и помятая жестянка. Хуан вернулся на дорогу и пошел дальше.

Дождь слабел. Справа под склоном горы ему открылась просторная излучина реки, которая здесь поворачивала и бежала обратно поперек долины, между намокших зеленых полей. Все вокруг было пропитано влагой. Сильно пахло гнилью — мясистые зеленые стебли прели. Охлестанный дождем проселок расковыривала вода, а не колеса. Тут давно никто не проезжал.

Хуан пошел быстрее, бодая дождь. Хуже, чем он думал. Он пытался вспомнить солнечную четкость Мексики, девочек в синих шалях и дух горячих бобов, но в голову лезла Алиса. Алиса выглядывала из-за сетчатой двери. И он подумал о спальне с цветастыми занавесками. Она любила, чтобы было уютно. Она любила красивые вещи. Взять покрывало — огромное покрывало, которое она связала сама, мелкими квадратиками, и не было двух одинакового цвета. Она говорила, что могла бы получить за него больше ста долларов. И целиком связано ее руками.

Он подумал о больших деревьях и о том, как приятно было лежать в полной ванне горячей воды — в собственной ванной комнате, первой

настоящей ванной комнате в его жизни, если не считать гостиниц. И всегда там кусок душистого мыла. «Просто привычка, будь она проклята, — сказал он себе. — Дурацкая западня. Привыкаешь к чему-то, а потом начинаешь думать, что тебе нравится. Перетерплю, как простуду перетерпливаю. Будет, конечно, тяжело. Буду волноваться за Алису. Жалеть буду. Укорять себя; а то и спать буду плохо. Но перетерплю. А после и думать перестану. Дешевая западня, и больше ничего». Возникло лицо Прыща, доверчивое и дружелюбное. «Потом объясню. Я тебе все объясню, Кит Карсон». Мало кто так верил Хуану.

Он хотел подумать об озере Чапала, и над светлой спокойной его водой увидел «Любимую», увязшую в грязи.

Внизу слева, в ложбине, он увидел дом, конюшню и ветряную мельницу со сломанными повисшими крыльями. Это и есть, наверное, дом старика Хокинса. Как раз — где пересидеть. Он пойдет туда — может быть, в дом, но скорее в конюшню. Старая конюшня обыкновенно чище старого дома. Там должен быть чердак или сеновал. Хуан заберется наверх и поспит. Ни о чем не будет думать. Проснется, может быть, завтра в эту же пору, выйдет на шоссе округа и проголосует.

До пассажиров — какое ему дело? «С голоду не умрут. Это им будет совсем не вредно. Полезно будет. А мне какая печаль?»

Быстрым шагом он двинулся под гору к дому старика Хокинса. Его будут искать. Алиса решит, что его убили, и вызовет шерифа. Никому и в голову не придет, что он мог сбежать. Вот что самое потешное. Никому в голову не придет, что он на это способен. Вот он им и докажет. Сперва до Сан-Диего, оттуда через границу и на почтовом грузовике в Ла-Пас. Алиса поднимет полицию.

Он остановился и оглянулся на дорогу. Следы его были заметны, но дождь, наверно, смоет их, да он и сам бы мог замести следы, если бы захотел. Он отвернулся от дороги и пошел к дому Хокинса.

Старый дом, стоило его бросить, пришел в упадок очень быстро. Забегавшие сюда ребята перебили стекла, утащили свинцовые трубы и водопроводные детали, а двери хлопали без толку и сорвались с петель. Дождь с ветром стащили старые темные обои и обнажили слой старых газет со старыми комиксами — «Хитрый дед», «Маленький Немо», «Веселый Хулиган» и «Бастер Браун». Побывали здесь и бродяги, намусорили, сожгли дверные коробки в старом закопченном

камине. В доме пахло запустением и кислой сыростью. Хуан заглянул в дверь, вошел, принюхался к брошенному дому и черным ходом вышел к конюшне.

Изгородь загона повалилась, ворота конюшни упали, но запах внутри был свежий. В стойлах, там, где лошади терлись о дерево, оно было отполировано. Углы скрадывала паутина. Между выгребными окошками еще стояли свечные коробки с вытертыми щетками и ржавыми скребницами. На вешалке возле двери висел старый хомут и гужи. Кожа на хомутине полопалась, и в трещины выглядывал войлок.

Сеновала тут не было. Под сено была занята когда-то вся середина конюшни. Хуан обошел крайнее стойло. Внутри было сумрачно, и свет неба низался сквозь трещины в кровле. Пол устилала короткая солома, темная от старости и чуть затхлая. Тихо стоя в дверях, Хуан слышал мышиный писк и чуял запах мышиных поселений. Две ржаво-белые сипухи поглядели на него с балки и снова закрыли желтые глаза.

Дождь затихал и уже едва шелестел по крыше. Хуан зашел в угол и ногой откинул верхний пыльный слой соломы. Он сел, потом лег навзничь и заложил руки за голову. Конюшня жила тайными

слабыми звуками, но Хуан очень устал. Нервы были натянуты, настроение мерзкое. Он подумал, что, если поспит, ему, может быть, станет легче.

Он еще в автобусе чувствовал, предвкушал судорожный восторг слияния со свободой. Но так не получилось. Ему было скверно. Плечи болели, и сейчас, хотя он расслабился и вытянулся, спать не хотелось. Он спросил себя: «Что же, счастья никогда не будет? И сделать ничего нельзя?» Он пытался вспомнить былое время, когда ему казалось, что он счастлив, когда он испытывал чистую радость — и в уме всплывали картинки. Раннее-раннее утро, в воздухе холодок, солнце поднимается за горами, и по грязной дороге прыгают серые птички. Радоваться как будто нечему, но радость была.

И другая. Вечер, лоснящаяся лошадь трется красивой шеей об изгородь, кричит перепел, и где-то звук каплющей воды. Он задышал чаще от одного воспоминания.

И другая. Он едет на старой тележке с двоюродной сестрой. Она старше его… он не помнит ее лица. Лошадь отпрянула от клочка бумаги, сестра повалилась на него и, чтобы сесть, оперлась на его бедро, и внутри у него все занялось, а в голове загудело от восторга.

И другая. В полночь он стоит в громадном сумрачном соборе, и от острого варварского запаха копала свербит в носу. Он держит тоненькую свечку, перевязанную посередине белым шелковым бантом. И, как во сне, ласковый рокот мессы донесся издали с высокого алтаря, и его объяла сладкая дрема.

Мышцы Хуана расслабились, и он уснул на соломе в пустой конюшне. И робкие мыши, почуяв, что он спит, вылезли из-под соломы и деловито играли вокруг, а дождь тихо шуршал по крыше.

Глава XV

Пассажиры смотрели, как уходит Хуан и скрывается за косогором. Никто не заговорил — даже тогда, когда в автобус влез Прыщ и занял место водителя. Сиденья были наклонены, и каждый старался умоститься поудобнее.

Наконец мистер Причард обратился ко всем с вопросом:

— Как вы думаете, сколько времени ему понадобится, чтобы прислать сюда машину?

Ван Брант нервно потер левую руку.

— Ждите ее не раньше, чем через три часа. Ему идти шесть с половиной километров. Если ему и удастся вызвать машину, они будут час собираться да час сюда ехать. Если вообще поедут. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь согласился ехать по этой дороге. Нам надо было идти с ним и голосовать на шоссе.

— Мы не можем, — ответил мистер Причард. — С нами багаж.

Миссис Причард сказала:

— Я не хотела ничего говорить, когда тебе взбрела в голову эта дикая идея, Элиот. В конце

концов, это же твой отпуск.

Ей давно хотелось объяснить другим пассажирам, как люди их положения, для всех очевидного, могли очутиться в автобусе, могли подвергнуть себя таким неудобствам. Они, наверно, удивляются, думала Бернис. Теперь она повернулась и обратилась к ним:

— Мы выехали на поезде, чудесном поезде, «Город Сан-Франциско» — очень комфортабельный и дорогой поезд. А потом у моего чудака мужа возникла дикая идея ехать на автобусе. Он решил, что так лучше увидит страну.

— И мы ее видим, девочка, — сердито напомнил он.

Она продолжала:

— Мой муж сказал, что он оторван от людей. Ему захотелось послушать, о чем говорит народ, настоящий народ. — Тонкая струйка яда зажурчала в ее голосе. — Я подумала, что это глупо, но ведь это его отпуск. Ведь это он столько трудился для победы. У жен забот было немного — выкрутиться как-нибудь с нормированными продуктами, раздобыть еды в пустых магазинах. Представляете, было два месяца, когда мы не видели ни крошки мяса. Ничего, кроме кур.

Мистер Причард посмотрел на жену с неко-

торым удивлением. Не часто ему доводилось слышать такую досаду в ее голосе, и это подействовало на него неожиданно. Он поймал себя на том, что сердится — ужасно, безрассудно сердится. Причиной был ее тон.

— Я очень жалею, что мы поехали, — сказал он. — Я, кстати, и не хотел ехать. Я бы прекрасно отдохнул, играя понемногу в гольф и ночуя в своей постели. Я совсем не хотел ехать.

Остальные пассажиры наблюдали за ними с любопытством. Они скучали. Это могло стать занятным. Супружеская ссора постепенно захватывала автобус.

Милдред сказала:

— Мама, папа, кончайте.

— А ты не вмешивайся, — сказал мистер Причард. — Я не хотел ехать. Совсем не хотел. Терпеть не могу чужие страны, в особенности грязные.

Губы у миссис Причард сжались и побелели, глаза сделались холодными.

— Ты удачно выбрал время, чтобы об этом сообщить, — сказала она. — Кто составил весь маршрут и покупал все билеты? Кто посадил нас на этот автобус, застрявший неизвестно где? Кто это сделал? Я это сделала?

— Мама! — закричала Милдред. Она никогда не

слышала у матери такого тона.

— Довольно странное заявление… — голос у миссис Причард слегка прерывался, — я так стараюсь. Эта поездка со всеми расходами обойдется нам в три или четыре тысячи. Если бы ты не хотел ехать, я могла бы построить оранжерейку для орхидей, которую мне так давно хочется, — миленькую крохотную оранжерейку. Ты говорил: мы покажем дурной пример, если построим ее во время войны, — но война уже кончилась, а мы едем в путешествие, которого ты не хотел. Так ты теперь и для меня его испортил. Оно мне будет не в радость. Ты все портишь. Все! — Она закрыла глаза рукой.

Милдред встала.

— Мама, прекрати. Мама, прекрати сейчас же!

Миссис Причард тихонько застонала.

— Если ты не прекратишь, я уйду, — сказала Милдред.

— Уходи, — сказала миссис Причард. — Ах, уходи. Ты ничего не понимаешь.

Лицо у Милдред стало жестче. Она надела свое габардиновое пальто.

— Я пойду на шоссе, — сказала она.

— Это шесть километров с лишним, — сказал Ван Брант. — Вы испортите туфли.

— Я хорошо хожу, — ответила Милдред. Ей надо было уйти — в ней поднималась ненависть к матери, и ее мутило.

Миссис Причард извлекла носовой платок, и запах лаванды наполнил автобус.

— Возьми себя в руки, — грубо сказала Милдред. — Я знаю, что ты собираешься устроить. Собираешься устроить мигрень и наказать нас. Я тебя знаю. Очередной притворный приступ, — со злобой сказала она. — Не желаю сидеть и смотреть на твои выкрутасы.

Прыщ наблюдал увлеченно. Он дышал ртом.

Миссис Причард смотрела на дочь в ужасе.

— Дорогая! Ты ведь сама так не думаешь!

— Кажется, начинаю, — сказала Милдред. — Очень уж кстати случаются эти мигрени.

Мистер Причард сказал:

— Милдред, перестань!

— Я пошла.

— Милдред, я запрещаю!

Дочь резко обернулась к нему.

— Плевать на твои запрещения! — Она застегнула пальто на груди.

Мистер Причард протянул руку:

— Милдред, дорогая, я тебя прошу.

— Хватит с меня, — сказала она. — Мне надо

проветриться. — Она вылезла из автобуса и быстро пошла прочь.

— Элиот, — крикнула миссис Причард. — Элиот, останови ее. Не позволяй ей уйти.

Он потрепал ее по руке.

— Ничего, девочка, ничего с ней не будет. Мы просто раздражены. Мы все.

— Ох, Элиот, — простонала она, — если бы только я могла лечь! Если бы я могла немного отдохнуть. Она думает, что я изображаю головную боль. Элиот, я убью себя, если она вправду так думает. О, если бы я могла лечь и вытянуться!

Прыщ сказал:

— Мадам, у нас в заду лежат куски брезента. Мы закрываем ими багаж, когда везем на крыше. Ваш муж может постелить брезент в пещере, вы там полежите.

— Чудесная мысль! — сказал мистер Причард.

— Лежать на сырой земле? — ужаснулась она. — Нет.

— Нет, на брезенте. Я устрою моей девочке милую кроватку.

— Ну, не знаю, — сказала она.

— Посмотри, дорогая, — настаивал он. — Посмотри, сейчас я скатаю мое пальто, а ты положишь на него голову, вот так. А немного

погодя я приду за тобой и провожу тебя к твоей постельке.

Она всхлипнула.

— Ты положишь голову на подушку и закроешь глаза.

Прыщ сказал:

— Мистер Чикой велел мне вытащить пироги, если кто проголодается. Там четырех сортов, и все довольно приличные. Я бы съел кусок прямо сейчас.

— Давайте сначала возьмем брезент, — сказал мистер Причард. — Моя жена устала. Она просто падает с ног. Поможете устроить ей постель, ладно?

— Конечно, — сказал Прыщ. Он чувствовал, что неплохо справляется в отсутствие Хуана. Настроение было веселое и бодрое. Об этом говорила вся его повадка: плечи были расправлены, а бледные волчьи глаза смотрели ясно и уверенно. Одно лишь беспокоило Прыща. Он жалел, что не догадался кинуть в автобус старую пару туфель. Двухцветным его полуботинкам теперь достанется, и надо будет основательно поработать зубной щеткой, пока отчистишь эту грязь. А показать, что он бережет свою обувь, он не может: Камилла поймет, что он не такой рубаха-парень. На нее

не произведет впечатления мужчина, который переживает из-за своей обуви — даже если это новые бело-коричневые полуботинки.

Эрнест сказал:

— Пойду погляжу на пещеры. — Он встал и вылез из автобуса. Ван Брант ворча последовал за ним.

Миссис Причард примостилась на мужнином пальто и закрыла глаза. Она была угнетена. Как она могла сцепиться с ним при людях — с мужем? Такого еще не бывало. Когда назревала ссора, она старалась остаться с ним с глазу на глаз. Даже дочери не позволялось присутствовать при ссорах. Бернис считала вульгарным ругаться при посторонних, а кроме того, это разрушало образ, который она строила годами, — легенду о том, что благодаря ее мягкому характеру у них идеальный брак. В это верили все ее знакомые. Она сама в это верила. Своими стараниями она создала прекрасный брак — а теперь она оступилась. Она поссорилась. Она проговорилась насчет оранжерейки для орхидей.

Она уже несколько лет хотела эту оранжерейку. Точнее — с тех пор, как прочла в «Харперс базаре» про оранжерею некоей миссис Уильям О. Маккензи. Фотографии были красивые. Люди стали

бы говорить о миссис Причард, что у нее прелестная оранжерейка. Это вещь дорогая, ценность. Это лучше колец и мехов. Люди, с которыми она даже не знакома, прослышали бы про ее оранжерейку. Втихомолку она многое разузнала об устройстве таких теплиц. Она изучала чертежи. Она знала стоимость отопительных систем и увлажнителей. Она знала, где покупают рассаду и какие на нее цены. Она изучала книги по цветоводству. И все это — в глубокой тайне, ибо она знала, что, когда придет срок сооружать теплицу, она устроит так, чтобы мистеру Причарду захотелось выяснить все самому и ей объяснить. Это — единственный путь. И ее это даже не возмущало. Просто такова жизнь, и таким путем она сделала свой брак счастливым. Она будет восхищаться его познаниями и спрашивать его совета по всякому поводу.

Но ее тревожило, что она сгоряча проболталась. Эта оплошность может отбросить ее назад на полгода и больше. Она намеревалась подвести его к тому, чтобы он предложил оранжерею сам, и дозированным сопротивлением заставить его преодолеть ее неохоту. А теперь, в ссоре, она выдала свою цель, и у него возникнет стойкое предубеждение. Если в дальнейшем не проявить

величайшей осмотрительности, он вообще может упереться на своем.

Сзади до нее долетал тихий разговор Нормы с Камиллой. Им и в голову не приходило, что она подслушивает: глаза у нее были закрыты, и выглядела она такой маленькой, такой больной. Норма говорила:

— А еще я хочу, чтобы вы меня научили, как вы обращаетесь… ну, с парнями.

— Что значит — как? — спросила блондинка со смешком.

— Ну, с Прыщом, например. Я же видела, как он себя вел… старался — но на выстрел не мог подъехать, а вы вроде ничего и не делали. Или с этим другим, например, с торговцем. Он ведь довольно шустрый, а вы его отшили, как маленького. Хотела бы я знать, как это у вас получается.

Камилла была польщена. Хоть и боялась она надеть себе такой хомут на шею, а все же приятно, когда тобой восхищаются. Тут-то и было самое время объяснить Норме, что никакая она не сестра, объяснить про гигантский винный бокал и про банкетики, — но она не могла. Короче, ей не хотелось разочаровывать Норму. Ей хотелось восхищения.

— Мне что нравится — что вы не вредничаете,

не огрызаетесь, а они к вам близко подойти не смеют, — продолжала Норма.

— Знаешь, не замечала, — ответила Камилла. — Инстинкт, наверно, какой-то. — Она усмехнулась. — У меня подруга есть — вот она умеет с ними управляться. Ей на все плевать, а с мужчинами она, пожалуй, даже вредная. И вот, Лорейн — так ее зовут — была… ну, можно сказать, помолвлена с одним, — у него было хорошее место, словом, человек подходящий. Лорейн хотела шубу. У нее, конечно, был короткий жакет из волка и пара белых песцов — потому что Лорейн пользуется большим успехом. Она хорошенькая и маленькая, а когда она с женщинами — смешит беспрерывно. И вот Лорейн хотела норковую шубу, не короткую, а настоящую, полную, они стоят три-четыре тысячи.

Норма свистнула сквозь зубы.

— Ничего себе! — сказала она.

— В один прекрасный день Лорейн говорит: «Кажется, теперь у меня будет шуба». Говорю: «Ты шутишь».

«Думаешь, шучу? Эдди подарит».

«Когда он тебе сказал?» — спрашиваю.

Лорейн только засмеялась. «Он мне не сказал. Он еще сам не знает».

«Так, — говорю. — Ты, случайно, не того?»

«Давай спорить?» — Лорейн хлебом не корми, дай поспорить.

А я спорить не люблю, я говорю: «Как же ты собираешься подъехать?»

«Если я скажу, не разболтаешь? Это просто. Я знаю Эдди. Сегодня вечером начну его подковыривать и буду подковыривать, покуда он не взбесится. Не отвяжусь, пока он меня не стукнет. Может, даже подставлюсь — когда Эдди под мухой, он плохо попадает. Вот, а потом дам ему повариться в собственном соку. Я знаю Эдди. Он будет жалеть и переживать. Ну что, поспорим? — говорит. — Я даже срок поставлю. Спорим, что к завтрашнему вечеру у меня будет шуба».

Я вообще никогда не спорю — и говорю ей: «На двадцать пять центов — что не будет».

У Нормы был открыт рот от волнения, а у миссис Причард в щелках между сомкнутыми ресницами мерцал отраженный свет.

— Ну, а шубу-то? — не вытерпела Норма.

— В воскресенье утром я к ней пришла. У Лорейн — фонарь, красивый синий фонарь, залеплен пластырем, и нос разбит.

— Ну, а шубу она получила?

— Получила, будь спокойна. — Камилла хмури-

лась с озадаченным видом. — Получила, и шуба была прелесть. Потом она все с себя сняла — мы были вдвоем. Она вывернула шубу и надела прямо на голое тело, мехом к телу. И стала кататься, кататься по полу, а сама смеется, хохочет, как ненормальная.

Норма медленно перевела дух.

— Ой, — сказала Норма, — почему это она?

— Не знаю. Она была, что ли… ну, что ли, не в себе — как будто рехнулась.

У миссис Причард горело лицо. Она дышала очень часто. Кожу покалывало, по бедрам и животу разливался тянущий зуд, и ее охватило возбуждение, какое ей пришлось испытать только раз в жизни — давным-давно, когда она ехала верхом.

Норма рассудительно сказала:

— По-моему, это нехорошо. Если она в самом деле любила Эдди и он хотел на ней жениться, по-моему, нехорошо так поступать.

— По-моему, тоже, — согласилась Камилла. — Мне это не очень нравилось в Лорейн, я ей так и сказала, а она говорит: «Ну, другие женщины просто подбираются дольше, кружной дорогой, а я хотела быстро. В конце-то концов выходит одно на одно. А Эдди все равно кто-нибудь обротает».

— И она за него вышла?

— Да нет, не вышла.

— Да она его небось и не любила, — горячо сказала Норма. — Просто обирала этого Эдди.

— Может быть, — отозвалась Камилла, — но мы с ней старые подруги, и если мне что нужно, она всегда тут как тут. Один раз у меня было воспаление легких, она сидела со мной трое суток напролет, я была без гроша, и она заплатила врачу.

— Да, тут трудно разобраться, — заметила Норма.

— Трудно, — согласилась Камилла. — Видишь, а ты меня спрашиваешь, как обращаться с мужчинами.

Миссис Причард секла себя словами. Ее испугала собственная реакция. Она сказала себе — даже вслух прошептала: «Какая страшная, вульгарная история. Какие низменные эти девушки. Так вот что имеет в виду Элиот, говоря «соприкоснуться с народом». Нет, это ужас. Мы просто забываем, каковы люди, как они бывают гнусны. «Милая Эллен, — лихорадочно излагала она, а внутренние части ляжек все еще покалывало от возбуждения. — Милая Эллен, дорога из Сан-Исидро в Сан-Хуан-де-ла-Крус была ужасна. Автобус

застрял в канаве, а мы сидели и ждали, час за часом. Мой Элиот был очень нежен и устроил мне постель в смешной пещерке. Ты говорила, что у меня будут приключения. Помнишь? Ты сказала, что у меня всегда бывают приключения. Ты не ошиблась. С нами в автобусе ехали две вульгарные необразованные девушки, одна официантка, а другая довольно хорошенькая. Ты догадаешься, что за птица. Я отдыхала, а они, наверно, решили, что я сплю, и преспокойно беседовали. Не могу написать на бумаге, что они говорили. Я до сих пор краснею. Порядочные люди просто не знают, как живут эти существа. Это невероятно. Я убеждена, что все от невежества. Если бы у нас были получше школы и если б — словом, если хочешь знать правду, — если бы мы, те, кто должен показывать пример, показывали бы пример получше, я уверена, что вся картина стала бы меняться — медленно, но верно».

Эллен будет читать и читать это письмо знакомым. «Я только что получила письмо от Бернис. С ней происходят самые удивительные приключения. Знаете, с ней всегда так. Нет, вам надо послушать, что она пишет. Я не знаю никого, кто умел бы, как Бернис, разглядеть в людях хорошее».

Норма говорила:

— Если бы парень мне нравился, я бы ни за что с ним так не поступила. Если бы он захотел сделать мне подарок, пусть бы сам догадался.

— Я тоже так на это смотрю, — согласилась Камилла. — Но у меня нет меховой шубы, даже жакета, а у Лорейн — три.

— Нет, не думаю, что это честно, — сказала Норма. — Не думаю, чтобы мне понравилась Лорейн.

«Скажи на милость! — мысленно воскликнула Камилла. — Не знаешь, понравится ли тебе Лорейн. Да представляешь ли ты, что Лорейн о тебе подумает? Нет, — поправилась она, — неправда, Лорейн скорее всего приняла бы эту девушку, привела бы в порядок, помогла бы. Что там ни говори про Лорейн, а что она плохой товарищ, про нее не скажешь».

Глава XVI

Милдред наклонила голову, чтобы дождь не забрызгивал очки. Шагать по гравию было приятно, и от ходьбы она задышала глубже. Ей казалось, что смеркается. Час был не поздний, но вечер уже подкрадывался, высветляя светлые предметы, вроде обломков кварца и известняка, а темные, вроде столбов ограды, превращая в черные.

Милдред шагала быстро, с силой ставя ногу на землю, вгоняя каблуки в гравий. Она старалась выкинуть из головы родительскую ссору. Она не помнила, чтобы мать с отцом ругались при ней. Но процесс был отлаженный, и сама шаблонность ходов показывала, что в нем нет ничего чрезвычайного. Мать, наверное, умело загоняла ссоры в спальню, где их никто не мог услышать. Она создала и поддерживала версию об идеальном браке. На этот раз, когда температура достигла точки воспламенения, спальни поблизости не было. Милдред различила в ссоре нехорошие капельки желтого яда, и это ее встревожило. Яд был тайный — не открытая честная ярость, а подспудная ползучая злость, бившая острым узким

жалом и тут же прятавшая оружие.

И впереди — бесконечная поездка по Мексике. А что, если ей не вернуться? Что, если уйти, проголосовать на дороге и исчезнуть… снять где-нибудь комнату, хотя бы на берегу моря, и проваляться все это время на камнях или на пляже? Мысль была очень заманчивая. Она сама себе будет стряпать и познакомится с людьми на берегу. Нелепая мысль. У нее нет денег. Отец был очень щедр — но не на звонкую монету. Он мог платить за ее платья и по ресторанным счетам, но наличных денег у нее всегда было очень мало. Отец был щедр, но весьма любопытен. Он желал знать, что она покупает, где ест, и он выяснял это по ежемесячным счетам.

Конечно, можно устроиться на работу. Все равно ей это предстоит, не сейчас, но скоро. Нет, придется потерпеть. Придется дотянуть эту жуткую поездку по Мексике — а как было бы чудесно проехаться в одиночку! — и опять в университет. Но скоро она пойдет работать, и отец одобрит это. Он скажет Чарли Джонсону: «Я готов давать ей все, что надо, но где там — у нее столько прыти. Она сама зарабатывает на жизнь». Он скажет это с гордостью, словно это его заслуга, и даже не поймет, что работает она из желания оградить

себя, иметь свою квартиру, свои деньги и тратить их, не докладываясь ему.

Дома, например, ей было разрешено залезать в винный шкаф когда угодно, но она знала, что отец точно помнит уровень в каждой бутылке и, если она нальет себе три рюмки, он сразу заметит. Он очень любопытный человек.

Милдред сняла очки, вытерла их о подкладку пальто и снова надела. Она различала на дороге следы Хуана, большие шаги. Были места, где его нога поскользнулась на камушке, а в грязи отпечатывалась вся ступня со смазанными очертаниями мыска. Милдред попробовала ставить ноги в его следы, но шаг у него был широкий, и скоро у нее заныли бедра.

Что-то в нем есть странное, притягательное, подумала она. Она была рада, что утреннее переживание выдохлось. Она знала: смысла в нем искать нечего. Раздражение в совокупности с действием желез — все это она проходила. А кроме того, она знала про себя, что она женщина с большим биологическим потенциалом. Недалеко уже то время, когда ей необходимо будет либо выйти замуж, либо завести какую-нибудь постоянную связь. Периоды беспокойства и нужды становились все чаще. Она вспомнила смуглое

лицо Хуана и блестящие глаза — они ее не волновали. Но в нем была теплота и честность. Он ей нравился.

Одолев склон, она увидела внизу брошенную ферму; и это зрелище захватило ее. От фермы веяло унынием. Она знала, что не сможет пройти мимо дома, не заглянув туда. Шаг ее убыстрился. Ее разбирало любопытство.

«Закладную просрочили, — объяснил Ван Брант, — и семье пришлось уехать, а банку старый дом без надобности. Он землю отнимал».

Шаг ее почти сравнялся с шагом Хуана. Она размашисто спустилась к подошве холма и перед утонувшим в грязи въездом на ферму вдруг стала. Следы Хуана вели туда. Она прошла еще немного по дороге — посмотреть, не выходят ли они с фермы, но никаких следов больше не увидела.

«Значит, он еще там, — сказала она себе. — Но почему? Он ведь шел к шоссе. Телефона тут быть не может». Сообразив, что происходит что-то непонятное, да и сам человек этот ей почти неизвестен, она насторожилась. Она медленно вернулась ко входу и сошла на траву, чтобы гравий не шуршал под ногами.

От брошенного дома исходила какая-то опасность. Вспомнились старые газетные сообщения

об убийствах в таких местах. От страха у нее встал ком в горле. «Ну и что, — утешила она себя, — могу повернуться и уйти. Никто меня не держит. Никто туда не загоняет — но знаю, что надо заглянуть. Знаю, что не уйду. Наверно, те убитые девушки тоже могли уйти. Наверно, сами напросились».

Она представила себе, как лежит на полу в комнате, задушенная или зарезанная, и что-то в этой картине ей показалось смешным… вот что: в очках лежит. А что она знает про Хуана? У него жена и небольшое дело. Ей вспомнился один заголовок. «Отец троих детей — садист-убийца. Пастор убил хористку». Почему, интересно, убивают столько хористок и органистов? Как видно, с хоровым пением связана большая профессиональная вредность. Все время за органами находят задушенных хористок. Она засмеялась. Она знала, что войдет в дом. Протопать туда или наоборот — прокрасться и застигнуть Хуана врасплох за его занятием? Может быть, он просто в уборной.

Она осторожно поставила ногу на ступеньку и замерла, когда под ее тяжестью скрипнула доска. Она прошла по дому, заглядывая в шкафы. В кухне валялась опрокинутая банка из-под перца,

а в стенном шкафу спальни забыли вешалку. Милдред наклонила голову набок, чтобы разглядеть старые газеты с комиксами под отставшими обоями. Она пробежала полоску «Веселого Хулигана». Лошачиха Мод вскинула зад и лягнула, Сай полетел кубарем, на штанах у Сая отпечатались копыта.

Милдред подняла голову. Почему она раньше не подумала о конюшне? Она тихонько вернулась на крыльцо и внимательно осмотрела доски. Видны были мокрые следы Хуана. Они привели ее в комнату и там пропали. Тогда она подошла к открытой задней двери и выглянула. Ну что за дура — ходила крадучись! Вот следы — ведут наружу, действительно к конюшне.

Она спустилась по гнилым ступеням, прошла по следу через двор и мимо старой ветряной мельницы. В конюшне остановилась, прислушалась. Ни звука. Ей хотелось крикнуть и покончить с этим. Медленно она прошла вдоль стойл и обогнула последнее. Глаза не сразу привыкли к потемкам. Она стояла посередине конюшни. Все мыши попрятались. Потом она увидела Хуана. Он лежал навзничь, закинув руки за голову. Глаза у него были закрыты, и он дышал ровно.

«Могу уйти, — сказала Милдред. — Никто меня

не держит. Сама буду виновата. Надо это запомнить. У него свои дела. Да что за чепуха такая?»

Она сняла очки и сунула в карман. Фигура мужчины расплылась в ее близоруких глазах, но все же она его видела. Медленно и осторожно она прошла по застланному соломой полу, остановилась возле Хуана и, поставив ногу за ногу, села по-турецки. Шрам у него на губе был белый, а дышал он неглубоко и ровно. «Просто устал, — сказала она себе. — Прилег отдохнуть и уснул. Не надо его будить».

Она подумала о тех, кто в автобусе, — что, если ни Хуан, ни она не вернутся? Что они там будут делать? Мать рухнет. Отец даст телеграмму губернатору — двум или трем губернаторам. Вызовет ФБР. Солоно ей придется. Но что они могут? Ей двадцать один год. Когда ее поймают, она может сказать: «Я совершеннолетняя и живу как хочу. Кому какое дело?» А если уехать в Мексику с Хуаном? Это уже совсем другая история, совсем другая.

В голову полезли посторонние мыслишки. Если он индеец или с индейской примесью, разве к нему можно подкрасться? Она оттянула углы глаз, чтобы разглядеть его лицо. Лицо дубленое, в шрамах, но хорошее лицо, подумала она. Губы

полные и насмешливые, но добрые. С женщиной он должен быть мягким. Вытерпит он с ней вряд ли долго, но будет ласков. Хотя — жена, страшная эта жена, ее-то он терпит? И Бог знает сколько лет. Она, наверно, была хорошенькая, когда они поженились, а сейчас уродина. Что там у них вышло? Как эта страшная баба его удержала? Может быть, он такой же, как все, как ее отец. Может быть, и его держат на привязи страхи и привычки. Милдред не понимала, как это случается с человеком, но видела, что случается. Когда человек стареет, мельчают его страхи. Отец боится чужой постели, иностранного языка, другой политической партии. Отец в самом деле верит, что демократическая партия — подрывная организация, которая приведет страну к развалу и отдаст ее бородатым коммунистам. Он боится своих друзей, а друзья боятся его. Трус на трусе, трусом погоняет.

Взгляд ее перешел на тело Хуана, крепкое, жилистое тело, которое будет становиться с возрастом только крепче и жилистее. Брюки у него намокли от дождя и облепили ноги. В нем была опрятность — опрятность механика, только что принявшего душ. Она посмотрела на его плоский живот и широкую грудь. Она не заметила, чтобы

он шевельнулся или задышал чаще, но глаза его были открыты — он смотрел на нее. И глаза были не мутные со сна, а ясные.

Милдред вздрогнула. Может быть, он вовсе не спал. Наблюдал за ней с тех пор, как вошла в конюшню. Невольно она начала объяснять:

— Захотелось размяться. Понимаете, все время сидела. Решила пройтись по шоссе и перехватить машину. А тут увидела этот старый дом. Я люблю старые дома.

У нее затекли ноги. Она оперлась на руку и, вытянув ноги в другую сторону, старательно прикрыла юбкой колени. В ногах закололо, когда кровь побежала по жилам.

Хуан не отвечал. Он смотрел ей в лицо. Он медленно перекатился на бок и подпер щеку рукой. В глазах у него возник темный блеск, и углы рта чуть поднялись. Лицо у него жесткое, подумала она. Через эти глаза в голову не проникнешь. Либо все — на виду, либо, наоборот, так запрятано, что вообще проникнуть нельзя.

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

Губы у него слегка раздвинулись.

— А вы что здесь делаете?

— Я сказала — захотелось размяться. Сказала.

— Да, сказали.

— А вы что здесь делаете?

Он как будто не совсем проснулся.

— Я? А-а, присел отдохнуть. Заснул. Не спал ночь.

— Да, я помню, — сказала она. Ей надо было продолжать разговор. Она была взвинчена. — Не могу понять. Вам здесь не место. В смысле — на автобусе. Ваше место где-то не здесь.

— Где же это? — шутливо спросил он. Взгляд его уперся туда, где сходились лацканы пальто.

— Ну… — смущенно сказала она, — пока я шла, у меня возникла странная мысль. Я подумала — а что, если вы не вернетесь, пойдете дальше, может быть, обратно в Мексику? Я представляю себе, что на вашем месте могла бы так сделать.

Прищурив глаза, он вглядывался в ее лицо.

— Вы в своем уме? С чего вы взяли?

— Ну, просто в голову взбрело. Ваша жизнь — в смысле езда на автобусе — должна быть довольно скучной после… ну, после Мексики.

— Вы не были в Мексике?

— Нет.

— Тогда вы не знаете, как там скучно.

— Нет.

Он поднял голову, распрямил руку и опустил голову на плечо.

— Как по-вашему, а что стало бы с ними?

— Как-нибудь вернулись бы, — ответила она. — Тут недалеко. С голоду бы не умерли.

— А как по-вашему, что стало бы с моей женой?

— С ней? — Милдред растерялась. — Я об этом не подумала.

— Нет, подумали, — сказал Хуан. — Она вам не понравилась. Я вам скажу. Она никому не нравится, кроме меня. А мне еще потому нравится, что не нравится никому. — Он ухмыльнулся. «Ну и врун», — сказал он себе.

— Конечно, дурацкая была мысль, — сказала она. — Мне даже пришло в голову, что и я могу убежать. Исчезну и буду жить сама по себе, и… ну, больше не видеть никого из знакомых. — Она поднялась на колени, потом села, вытянув ноги в другую сторону.

Хуан посмотрел на ее колено. Он протянул руку и прикрыл колено юбкой. Она дернулась, когда рука потянулась к ней, потом смущенно приняла прежнюю позу.

— Только не думайте, что я пошла сюда за вами, — сказала она.

— Хотите, чтобы я не думал, а сами пошли, — сказал Хуан.

— Ну, а если и пошла?

Его рука снова приблизилась, легла на ее прикрытое колено, и ее бросило в жар.

— Не из-за вас, — сказала она. В горле у нее пересохло. — Только не думайте, что из-за вас. Я сама. Я знаю, чего хочу. Вы мне даже не нравитесь. От вас пахнет козлом. — Ее голос продолжал с запинкой: — Вы не знаете, какой жизнью я живу. Я совсем одна. Никому ничего нельзя рассказать.

Глаза у него были горячие и блестящие и как будто обдавали ее жаром.

— Может быть, я не такая, как все, — говорила она. — Откуда я знаю? Только не из-за вас. Вы мне даже не нравитесь.

— Спорите с собой до упаду, а? — сказал Хуан.

— Слушайте, что вы собираетесь делать с автобусом? — строго спросила она. — Вы пойдете на шоссе?

Рука на ее колене стала тяжелее, потом он отнял руку.

— Я пойду обратно, вытащу автобус, довезу людей до места, — сказал он.

— Тогда зачем вы сюда пришли?

— Не вытанцевалось одно дело, — сказал он. — Я кое-что задумал, да не вытанцевалось.

— Когда вы пойдете обратно?

— Теперь скоро.

Она поглядела на его руку, спокойно лежавшую на соломе, — кожа была смуглая и блестящая, слегка морщинистая.

— Не собираетесь ко мне подъехать?

Хуан улыбнулся, и улыбка была хорошая, открытая.

— Да, наверно. Когда кончите спорить с собой. Сейчас вы ни здесь, ни там. Может быть, вы скоро решите — за или против, тогда я пойму, откуда заходить.

— А вы… вы хотите?

— Конечно, — сказал Хуан. — Конечно.

— Знаете, что я все равно буду ваша, и поэтому решили — стоит ли трудиться?

— Вы меня в ваш спор не втягивайте, — сказал Хуан. — Я старше вас. Я очень люблю эту работу. Так люблю, что могу подождать. Могу даже обойтись какое-то время.

— Вы могли бы мне очень не понравиться, — сказала она. — Вы отнимаете у меня всякую гордость. Отнимаете возможность все свалить на принуждение.

— Я думал, вашей гордости будет легче, если позволить вам самой решить.

— Выходит, не легче.

— Выходит, — сказал он. — У нас в стране женщины такие же. Надо их упрашивать — или напирать. Тогда они довольны.

— Вы что, со всеми такой?

— Нет, — ответил Хуан, — только с вами. Вы зачем-то сюда пришли. Сами сказали, что я тут ни при чем.

Она посмотрела на свои пальцы.

— Смешно. Я, что называется, интеллигентная женщина. Читаю всякие книжки. Я не девушка. Изучила тысячу историй болезни, а набиваться не умею. — Она улыбнулась коротко и тепло. — Не можете хоть немножко меня заставить?

Он протянул к ней руки, и она легла рядом с ним на солому.

— Не будете меня торопить?

— У нас целый день, — сказал он.

— Презирать меня или смеяться не будете?

— А вам не все равно?

— Не все равно — ничего не могу поделать.

— Вы слишком много разговариваете, — сказал он. — Слишком много.

— Я знаю — со мной всегда так. Вы заберете меня? Хоть в Мексику.

— Нет, — сказал Хуан. — Попробуйте, может, вам удастся немного помолчать.

Глава XVII

Прыщ вынул из зажигания ключи и подошел к заду автобуса. Он отпер висячий замок на багажнике и поднял крышку. Пахнуло нежным запахом пирогов. Мистер Причард заглянул поверх его плеча. Багаж внутри был составлен плотно.

— Пожалуй, придется все вытащить, чтобы достать брезент, — сказал Прыщ и начал дергать стиснутые чемоданы.

— Погодите, — сказал мистер Причард. — Дайте я приподыму, а вы тащите, тогда не надо будет трогать вещи.

Мистер Причард встал на бампер и потянул кверху нижний чемодан, а Прыщ стал дергать перегиб грубого брезента. Он дергал из стороны в сторону, и постепенно брезент вылез из-под чемоданов.

— Может, заодно прихватим пару пирогов, пока открыто? — предложил Прыщ. — Тут с малиновым и лимонным кремом, с изюмом и карамельно-кремовый. Кусочек карамельно-кремового — в самый раз бы сейчас.

— Потом, — сказал мистер Причард. — Сперва

устроим мою жену. — Он взялся за один край тяжелого брезента, Прыщ за другой, и они пошли к обрыву с пещерами.

Это было вполне обычное обнажение. В давние времена склон холмика отвалился, и получилась гладкая стенка из мягкого камня. Ветер и дождь постепенно выедали низ, а верхушку держал дерн. И с течением веков под нависающей стеной образовалось несколько пещер. Здесь койоты плодили щенков, сюда в прежнее время, когда они еще водились, забирался спать гризли. А в верхних пещерах днем сидели сычи.

Внизу обрыва были три глубокие темные пещеры, а над ними — пещеры поменьше. Нависшая стена защищала их входы от дождя. Пещеры были творениями не одной природы — тут отдыхали и жили отряды индейцев, охотившихся на антилоп, кипели тут их битвы, которых уже никто не помнит. Позже они служили пристанищем для белых людей, заполонивших страну, и люди расширяли пещеры и разводили костры под стеной.

Копоть на камне была где старая, где довольно свежая, а полы пещер сравнительно сухие, потому что этот холмик с обрушившимся склоном не принимал стока с других, высоких холмов.

На стене кто-то выцарапывал свои инициалы, но камень был такой мягкий, что они вскоре делались неразборчивыми. Только большое слово «Покайтесь» еще не сдалось непогодам. Бродячий проповедник спустился по веревке, чтобы написать это великое слово черной краской, — и ушел, ликуя, что разносит слово Божие по грешному миру.

Мистер Причард, держа свой край брезента, поднял взгляд на слово «Покайтесь».

— Кому-то пришлось потрудиться, — сказал он, — крепко потрудиться.

Интересно, подумал он, кто финансировал это начинание? Какой-нибудь миссионер, подумал он.

С Прыщом они свалили брезент под стеной и пошли осматривать пещеры. Норы были мелкие и почти одинаковые: метра полтора в высоту и в ширину, три с половиной — четыре — в глубину. Мистер Причард выбрал крайнюю справа, потому что она казалась посуше, а внутри — чуть потемнее. Раз у жены начинается головная боль, в темноте ей будет легче. Прыщ помог ему расстелить брезент.

— Хорошо бы раздобыть сосновых веток или соломы и подложить под парусину, — сказал

мистер Причард.

— Трава мокрая, — сказал Прыщ, — а сосны не найдешь и за сто километров отсюда.

Мистер Причард потер брезент ладонью — не грязный ли.

— Она может лечь на мое пальто, — сказал он, — а своим меховым накрыться.

Подошли Эрнест с Ван Брантом и заглянули в пещеру.

— Мы могли бы жить тут месяц, если бы было что есть, — сказал Эрнест.

— Может, и придется, если хотите знать, — сказал Ван Брант. — Если шофер не вернется до завтрашнего утра, я пойду пешком. Хватит с меня ваших глупостей.

Прыщ предложил:

— Если хотите, могу распатронить пару пирогов.

— А что, неплохая мысль, — ответил Эрнест.

— Вы какие любите? — спросил Прыщ.

— Да всякие.

— Карамельно-кремовый хорош. Там вместо корочки печенье.

— Ну и прекрасно, — сказал Эрнест.

Мистер Причард пошел к автобусу за женой. Ему было стыдно за недавнюю вспышку. В жи-

воте стоял твердый ком, всегда появлявшийся от неприятностей, — ком наподобие кулака. Чарли Джонсон сказал, что у него, наверное, язва, и Чарли довольно забавно прошелся на этот счет. Он сказал: у тех, кто получает меньше двадцати пяти тысяч в год, не бывает язвы. Она — признак солидного счета в банке, сказал Чарли. И бессознательно мистер Причард слегка гордился болью в животе.

Когда он влез в автобус, глаза у миссис Причард были закрыты.

— Мы постелили тебе кроватку, — сказал мистер Причард.

Она открыла глаза и растерянно огляделась.

— О!

— Ты спала? — спросил он. — Напрасно я тебя разбудил. Прости меня.

— Нет, дорогой. Ничего страшного. Я только задремала.

Он помог ей подняться.

— Ты можешь лечь на мое пальто, а своим накрыться.

Ответом на это была слабая улыбка. Он помог ей сойти на землю.

— Извини меня за грубость, девочка, — сказал он.

— Ничего. Ты просто устал. Я знаю, что ты не со зла.

— Чтобы это искупить, я угощу тебя в Голливуде роскошным, сказочным обедом, ну, хотя бы у Романова — и с шампанским. Согласна?

— Тебе нельзя доверить деньги, — игриво сказала она. — Все уже забыто. Мы просто устали. — «Дорогая Эллен, мы прелестно пообедали у Романова, и ты ни за что не угадаешь, кто сидел за соседним столиком». — Смотри, дождь почти кончился, — сказала она.

— Нет, а моей девочке надо поспать, чтобы проснуться здоровой и веселой.

— Ты уверен, что там не сыро и нет змей?

— Нет, мы смотрели.

— И пауков нет?

— Да, никакой паутины там нет.

— Ну, а большие волосатые тарантулы? Ведь у них нет паутины.

— Мы можем еще посмотреть, — сказал он. — Стены гладкие. Им там негде спрятаться. — Он подвел ее к пещерке. — Видишь, как уютно? Ты можешь лечь головой сюда, повыше, и смотреть наружу, если захочешь.

Он расстелил свое пальто, и она села.

— Теперь ляг, а я тебя накрою.

Она была очень послушна.

— Как у моей девочки головка?

— Ничего, я боялась, что будет хуже.

— Это хорошо, — сказал он. — Сосни немного. Тебе уютно?

Она издала тихий сладкий стон.

— Если тебе что-нибудь понадобится, позови. Я буду близко.

К пещере подошел Прыщ. Рот у него был набит, и он нес форму с пирогом.

— Хотите кусочек пирога?

Миссис Причард подняла голову, потом передернулась и опять легла.

— Нет, спасибо, — сказала она. — Очень любезно с вашей стороны, что вы обо мне вспомнили, но пирог — не могу. — «Элиот обращался со мной как с королевой, Эллен. Многие ли способны на это после двадцати трех лет совместной жизни? Не устаю напоминать себе, как мне повезло».

Мистер Причард посмотрел на нее сверху. Глаза у нее были закрыты, на губах легкая улыбка. Вдруг, как это часто бывало, на него напала тоска одиночества. Он помнил, ясно помнил, как она возникла первый раз. Ему было пять лет, когда родилась младшая сестра, — и вдруг все двери перед ним закрылись, и он не мог войти в детскую,

не мог дотронуться до ребенка, и тогда появилось чувство, что он — маленький грязнуля, шумный и нехороший, а его мама всегда занята. И тогда навалилось на него холодное одиночество, холод одиночества, который нападал и потом и вот напал опять. Легкая улыбка на лице жены означала, что Бернис удалилась от мира в свои покои, а ему туда входа нет.

Он вынул из кармана золотой маникюрный приборчик, открыл его и, отходя от пещеры, почистил ногти. Он увидел Эрнеста Хортона, который сидел спиной к обрыву с другого края. Верхняя пещера была у него над головой. Эрнест сидел на газетах, и, когда подошел мистер Причард, он вытащил из-под себя двойной лист и протянул ему.

— Самая нужная вещь на свете, — сказал он. — Годится для чего угодно — кроме чтения.

Мистер Причард со смешком взял газету и сел на нее рядом с Эрнестом.

— Если ты прочел это в газете, значит, это неправда, — процитировал он Чарли Джонсона. — Вот вам, пожалуйста. Два дня назад я жил в номере люкс гостиницы «Окленд», а сейчас мы в пещере. Вот чего стоят наши планы.

Он посмотрел на автобус. В окнах он увидел Прыща и обеих женщин — они ели пирог. Его

потянуло к ним. Он бы съел кусок пирога. Эрнест сказал:

— Что чего стоит — непременно выясняется. Иногда мне просто смешно. Знаете, считается, что мы технический народ. Каждый водит машину, пользуется холодильником и радио. Люди, пожалуй, действительно думают, что у них технический ум, — но засорись у вас карбюратор, и… машина так и будет стоять, покуда не придет механик и не вынет сетку. Свет перегорит — зови электрика менять пробки. Лифт застрянет — паника.

— Ну, не знаю, — возразил мистер Причард. — В общем и целом американцы все же — технический народ. Наши предки неплохо управлялись и сами.

— Они-то управлялись. Да и мы бы тоже, если бы нужда была. Можете вы отрегулировать опережение у себя в моторе?

— Я…

— Пойдем дальше, — сказал Эрнест. — Положим, вам пришлось остаться здесь на две недели. Сумеете вы не умереть с голоду? Либо схватите воспаление легких и умрете?

— Видите ли, — сказал мистер Причард, — теперь люди специализируются.

— Сумеете убить корову? — не отставал Эрнест. — Сумеете освежевать ее и зажарить?

Мистер Причард почувствовал, что этот молодой человек вызывает у него раздражение.

— По стране бродит какой-то цинизм, — резко сказал он. — Мне кажется, молодежь перестала верить в Америку. У наших предков была вера.

— Нашим предкам надо было кушать, — сказал Эрнест. — Им верить было некогда. Теперь люди много не работают. Им есть когда верить.

— Но веры у них нет! — вскричал мистер Причард. — Что в них вселилось?

— Интересно, — сказал Эрнест. — Я даже пробовал разобраться. У моего отца было две веры. Одна — что честность так или иначе вознаграждается. Он думал, что, если человек честен, он как-нибудь выдюжит, и думал, что, если человек хорошо трудится и откладывает, он может накопить немного денег и не страшиться завтрашнего дня. Нефтяной скандал двадцать второго года и прочие такие дела просветили его насчет первого, а тысяча девятьсот тридцатый просветил насчет второго. Он уяснил, что самые почитаемые люди — совсем не честные. И умер в недоумении — страшноватом, между прочим, недоумении: во что он верил — в честность и

усердие, — они себя не оправдали. А я вдруг смекнул, что вместо них-то ничего другого не придумано.

Мистер Причард не допустил до себя эту мысль.

— Налоги подтачивают усердие, — сказал он. — Было время, когда человек мог сколотить состояние, теперь — не может. Все отбирают налоги. Просто работаешь на правительство. Я вам говорю: они под корень режут инициативу. Никто ни к чему не стремится.

— Да не так уж важно, на кого работаешь, если веришь, — сказал Эрнест. — На правительство или на кого-нибудь другого.

Мистер Причард перебил.

— Солдаты, пришедшие с войны, — сказал он, — вот кто меня беспокоит. Они не хотят осесть и взяться за работу. Считают, что правительство обязано кормить их всю жизнь, а нам это не по средствам.

На лбу у Эрнеста выступили капли пота, вокруг губ побелело, взгляд сделался мутным.

— Я тоже оттуда, — тихо сказал он. — Нет-нет, не беспокойтесь. Рассказывать про это не буду. Не собираюсь. Не желаю.

Мистер Причард сказал:

— Нет, конечно, я глубоко уважаю наших солдат и считаю, что к их голосу тоже надо прислушаться.

Пальцы Эрнеста подползли к петле в лацкане.

— Ну да, — сказал он, — ну да, я понимаю. — Он говорил как будто с ребенком. — Я читаю в газетах про наших лучших людей. Наверно, они наши лучшие люди, раз занимают главные места. Я читаю, что они говорят и делают, а у меня полно приятелей, которых вы назовете ханыгами, и между ними — страшно мало разницы. Кое-кто из ханыг, я слышу, выдает тексты почище, чем государственный секретарь… А ну их к черту! — Он засмеялся. — У меня есть изобретение — резиновый барабан, а бьешь в него губкой. Это для алкоголиков, которые хотят играть в оркестре на ударных. Пойду пройдусь.

— У вас нервы, — сказал мистер Причард.

— Ага, нервы, — сказал Эрнест. — У всех нервы. И вот что скажу. Если у нас опять будет война, знаете, что самое ужасное? Я опять пойду. Вот что самое ужасное. — Он встал и пошел прочь, назад, в ту сторону, откуда ехал автобус.

Голова у него была опущена, руки в карманах, ноги били дорожный гравий, и он стискивал губы и не мог остановиться. «Нервы у меня, — говорил

он, — просто нервы. Больше ничего».

Мистер Причард смотрел ему вслед, потом опустил глаза на руки, снова вынул пилку для ногтей и почистил ногти. Мистер Причард был потрясен и не понимал — чем. При всем его пессимизме относительно правительства, вмешивающегося в коммерцию, в глубине души мистера Причарда всегда жила большая надежда. Есть где-то человек, такой, как Кулидж или Гувер, — он явится и вырвет правительство из рук у нынешних дураков, и тогда дело пойдет на лад. Забастовки прекратятся, все будут наживать деньги, и все будут счастливы. До этого рукой подать. Мистер Причард не сомневался. У него и в мыслях не было, что изменился мир. Мир просто наделал ошибок, но явятся нужные люди — скажем, Боб Тафт, — и все станет на места и дурацкие эксперименты кончатся.

Но молодой человек тревожил его, потому что это способный молодой человек, а живет с ощущением безнадежности. И хотя такого разговора не было, мистер Причард знал, что Эрнест Хортон не проголосовал бы за Боба Тафта, если бы его выдвинули. Мистер Причард, как большинство его соратников, верил в чудеса, но он был глубоко потрясен. Хортон не нападал на мистера При-

чарда прямо, но… это насчет карбюратора. Перед мысленным взором мистера Причарда изобразился карбюратор. Сумел бы он его разобрать? Он смутно помнил, что в карбюраторе есть какой-то поплавок, и ему рисовалась латунная сетка и прокладки.

Однако есть кое-что поважней, над чем подумать, напомнил он себе. Хортон сказал «если свет погаснет»… мистер Причард попробовал вспомнить, где у него в доме щиток с пробками, — и не смог. Хортон на него нападал, Хортон его невзлюбил. А что, если они будут отрезаны, как сказал этот молодой человек?

Мистер Причард закрыл глаза и очутился в автобусе, в проходе между сиденьями. «Не волнуйтесь, — обратился он к остальным пассажирам, — я все беру на себя. Как вы догадываетесь, не обладая определенными способностями, я не создал бы крупное коммерческое предприятие. Давайте рассуждать, — сказал он. — Прежде всего нам нужна пища. Тут на поле пасутся коровы. А Хортон сказал, что я не сумею убить корову. Ничего, мы ему покажем». Может быть, Хортон не знал, что в ящичке у шофера — пистолет. А мистер Причард знал.

Мистер Причард вытащил пистолет. Он вылез

из автобуса, пошел к полю и перелез через забор. Он держал в руке большой черный пистолет. Мистер Причард часто ходил в кино. Сама собой его мысль заработала наплывами. Он не увидел, как убивает корову и свежует ее, зато увидел, как возвращается к обрыву с громадным куском красного мяса. «Вот вам пища, — сказал он. — Теперь — костер». И снова дал наплыв: пляшет огонь в костре, и большой кусок мяса на вертеле над жаром.

А Камилла говорит: «Но что с животным? Оно же — чье-то».

Мистер Причард ответил: «Целесообразность не признает законов. Закон выживания — прежде всего. Кто потребует, чтобы я позволил вам голодать?»

И вдруг — опять наплыв, и он тряхнул головой и открыл глаза. «Этого не касайся, — шепнул он себе. — От этого подальше». Где он ее видел? Если бы удалось немного с ней поговорить, он бы припомнил. Он не мог ошибиться, он был уверен в этом, потому что при виде ее лица у него как-то сжималось в груди. Он не только видел ее — что-то еще, должно быть, произошло. Он посмотрел на автобус. Прыщ и обе женщины по-прежнему сидели внутри.

Он поднялся на ноги, отряхнул сзади брюки, словно газета не предохранила их от пыли. Дождь едва моросил, и на западе проглядывало клочками голубое небо. Все будет в порядке. Он подошел к автобусу и поднялся по ступенькам. Ван Брант растянулся на заднем сиденье, занимавшем всю ширину автобуса. Ван Брант как будто спал. Прыщ и женщины разговаривали тихо, чтобы не потревожить его.

— От жены мне надо, чтобы она была верной, — говорил Прыщ.

— А сам ты? — спросила Камилла. — Тоже собираешься быть верным?

— Конечно, — сказал Прыщ, — если жена будет, какая мне нужна.

— Ну, а если нет?

— Тогда я ей тоже покажу. Как вы с нами, так и мы с вами — как Кери Грант в этом кино.

Пустая форма из-под пирога и вторая, уже только с четвертушкой, лежали на сиденье по другую сторону от прохода. Женщины сидели вместе, а Прыщ — перед ними, боком, свесив руку за спинку.

При появлении мистера Причарда все повернулись к нему.

— Не возражаете, я присяду? — спросил он.

— Ну конечно, заходите, — сказал Прыщ. — Съедите кусочек пирога? Вот тут кусок лежит. — Он протянул пирог мистеру Причарду и сдвинул пустые формы, чтобы освободить ему место.

— У вас есть девушка? — продолжала Камилла.

— Ну, можно сказать, да. Но она… ну… как бы сказать, глуповата.

— Она вам верна?

— Конечно, — сказал Прыщ.

— Откуда вы знаете?

— Ну ни разу не… короче… ага, я уверен.

— Мне кажется, вы скоро женитесь, — шутливо сказал мистер Причард, — и сами откроете дело.

— Нет, пока нет, — сказал Прыщ, — я учусь заочно. У радара большое будущее. За год можно подняться до семидесяти пяти долларов в неделю.

— Да что вы говорите?

— Там ребята, которые кончили эти курсы, они пишут, что столько зарабатывают, — сказал Прыщ. — Один уже заведует районным отделением — всего через год.

— Районным отделением чего? — спросил мистер Причард.

— Просто районным отделением. Так он пишет в письме, а оно напечатано в рекламе.

Настроение у мистера Причарда исправилось. Вот молодой человек к чему-то стремится. Не все — циники.

Камилла поинтересовалась:

— Когда вы думаете пожениться?

— Ну, не сейчас еще, — сказал Прыщ. — Я думаю, до того как обзаводиться семьей, надо повидать мир. Поглядеть, поездить. Может быть, устроюсь на корабль. Если знаешь радар, так ведь и радио знаешь. Я думаю, неплохо было бы устроиться на корабль и поплавать радистом.

— А когда вы рассчитываете кончить курсы? — спросил мистер Причард.

— Занятия начинаются скоро. Талон у меня уже оформлен, теперь коплю на взнос. Испытание я прошел — написали, что у меня большие способности. У меня три или четыре письма оттуда.

Глаза у Камиллы были усталые. Мистер Причард смотрел на ее лицо. Он знал, что очки скрывают его взгляд. Он думал, что, если присмотреться к ней поближе, у нее очень приятное лицо. Губы такие полные и добрые, только глаза усталые. Всю дорогу из Чикаго на автобусе, подумал он. С виду она не очень-то крепкая. Он видел, как круглится ее грудь под жакетом, а жакет был мятый. Отложные манжеты блузки она

завернула внутрь, чтобы не запачкались края. Мистер Причард это заметил. Это говорило об аккуратности. Он любил подмечать детали.

Девушку эту он ощущал почти как запах духов. Он ощущал подъем и влечение. Не часто же видишь таких девушек, таких привлекательных и милых, сказал он себе. И тут он услышал свой голос — а между тем и не думал, что собирается заговорить.

— Мисс Дубс, — сказал он, — я тут кое о чем подумал, и у меня возникла одна дельная мысль, которую вам, возможно, захочется выслушать. Я президент весьма крупной корпорации, и мне пришло в голову… надеюсь, молодые люди извинят нас, если вам будет угодно выслушать мою мысль. Не пройтись ли нам к обрыву? Там можно сесть, у меня есть газеты. — Он изумился своим словам.

«Тьфу, нелегкая! — сказала про себя Камилла. — Поехало».

Мистер Причард вылез первым и галантно помог спуститься Камилле. Когда она перешагивала канаву, он поддержал ее под локоть, а потом мягко направил к расстеленным газетам, на которых сидел перед тем с Эрнестом. Он показал на землю.

— Не знаю, ей-богу, — сказала Камилла. — И так засиделась.

— Ничего, перемена позы — это тоже отдых, — ответил мистер Причард. — Знаете, когда я подолгу работаю за столом, я каждый час меняю высоту кресла и нахожу, что это прекрасно освежает. — Он помог ей сесть на газеты. Она прикрыла колени юбкой и, обхватив руками, подтянула к груди.

Мистер Причард сел рядом. Он снял очки.

— Я вот что подумал, — сказал он. — Понимаете, человек моего положения должен смотреть вперед и рассчитывать. Сейчас, формально, я в отпуске. — Он улыбнулся. — Отпуск… интересно, что это будет такое, настоящий отпуск.

Камилла улыбнулась. Сидеть было очень жестко. «Долго ли это протянется?» — подумала она.

— Так вот, главное сырье у любой преуспевающей компании — люди, — сказал мистер Причард. — Я постоянно ищу людей. Сталь и резину можно получить когда угодно, но мозги, талант, красота, целеустремленность… это продукт редкий.

— Слушайте, дорогой мой, — сказала она, — я ужасно устала.

— Понимаю, милая, и перехожу к сути. Я хочу

взять вас на работу. Проще, кажется, сказать нельзя.

— Кем?

— Секретарем в приемной. Это весьма квалифицированный труд, и отсюда можно дорасти… словом, вы можете даже стать моим личным секретарем.

Камилла совсем сникла. Она оглянулась на пещеру, где лежала миссис Причард. Ничего не было видно.

— Что на это скажет ваша жена?

— Какое она имеет к этому отношение? Она моими делами не распоряжается.

— Дорогой мой, говорю вам — я устала. Не надо нам затевать эту канитель. Я хотела бы выйти замуж. Я была бы хорошей женой — да и так относилась бы хорошо к человеку, если бы он хоть на время обеспечил мне спокойную жизнь.

— Не понимаю, к чему вы клоните, — сказал мистер Причард.

— Да нет, понимаете, — сказала она. — Я вам не понравлюсь, потому что играть в ваши игры не буду. Вам бы подбираться к этому месяцами, а потом взять да огорошить, а я сижу почти без денег. Говорите — жена не распоряжается вашими делами, а я говорю — распоряжается. И вами,

и вашими делами, и всем, что вас касается. Я не хочу вас обижать, но я устала. Она, наверно, подбирает вам и секретарш, только вы не догадываетесь. Это крутая женщина.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Да понимаете, — сказала Камилла. — Кто купил вам галстук?

— Но…

— Она узнает про меня через пять минут.

— Она-то?

— Нет, дайте мне досказать. Вы не можете попросить женщину напрямик. Вам надо подъезжать сбоку. Но есть только два пути, дорогой мой. Или вы влюбляетесь, или предлагаете сделку. Если бы вы сказали: «Значит, таким путем. Столько-то на квартиру, столько-то на тряпки» — вот это я могла бы обдумать и могла бы решить, и могло бы что-то получиться. Но чтобы меня расклевывали по крошкам — не согласна. Вы что — хотели меня огорошить после двух-трех месяцев сидения за столом? Стара я для таких забав.

Мистер Причард выставил подбородок.

— Моя жена не распоряжается моими делами, — сказал он. — Не понимаю, откуда вы это взяли.

— Да Бог с ней, — сказала Камилла. — Только я лучше налечу на гнездо гремучих змей, чем на вашу жену, если она меня невзлюбит.

— Меня несколько удивляет ваше отношение, — сказал мистер Причард. — У меня в мыслях не было ничего подобного. Я просто предложил вам место. Хотите — соглашайтесь, хотите — нет.

— Ах ты, птичка! — сказала она. — Если вы себя так можете заморочить, упаси Господь ваших девушек. Разве тут поймешь, откуда ветер дует.

Мистер Причард улыбнулся.

— Вы просто устали, — сказал он. — Может быть, когда вы отдохнете, вы подумаете.

Воодушевления в его голосе уже не было, и у Камиллы отлегло от души. Она подумала, что, может быть, зря она так — уж больно легко с ним управиться, лапша. Лорейн скрутила бы его за день.

Теперь мистер Причард видел ее лицо по-другому. Он видел в нем черствость и дерзость, а вдобавок, сидя к ней так близко, видел всю косметику, как она положена, — и он чувствовал себя перед этой женщиной нагим. Его огорчало, что разговор принял такой оборот. Он думал, что если она согласится… ну, тогда он… тогда… но беда в том, что она поняла. Правда, он никогда не

назвал бы это… но, в конце концов, есть же такое понятие, как воспитанность.

Он был смущен и от смущения снова начал сердиться. Дважды рассердиться за день — это на него не похоже. Шея у него покраснела от злости. Надо как-то замаскировать. Из уважения к себе надо. Он заговорил решительно:

— Я просто предложил вам место. Не хотите — как хотите. Не понимаю, откуда этот вульгарный тон. В конце концов, есть такое понятие, как воспитанность.

Голос ее стал резким.

— Вот что, дядя, — сказала она, — грубить и я умею. Насчет воспитанности — это уже зря. Я вам растолкую. Вам показалось, что вы меня узнали. Состоите вы в каком-нибудь клубе вроде «Международного Восьмиугольника», или в «Птицах Мира», или «Двух с половиной — трех тысячах»?

— Я в «Восьмиугольнике», — надменно произнес мистер Причард.

— Помните девушку, которая сидит в бокале? Видала я, на что вы, молодцы, похожи. Не знаю, что вам за радость от этого, и не желаю знать. Но знаю, что это некрасиво, дядя. Может, вы и разбираетесь в воспитании. Не знаю. — Голос у нее немного прерывался, и от усталости она была

почти в истерике. Она вскочила на ноги. — Пойду-ка я пройдусь, а вы ко мне не приставайте, потому что я вас знаю и знаю вашу жену.

Она быстро ушла. Мистер Причард смотрел ей вслед. Глаза у него были широко раскрыты, а в груди — гнетущая тяжесть, вялый физический ужас. Он смотрел, как движется ее красивое тело, смотрел на ее красивые ноги и мысленно видел ее раздетой — она стояла возле громадного бокала, и вино красными струями стекало по ее животу, бедрам, ягодицам.

Рот у мистера Причарда был разинут, шея — багровая. Он оторвал от нее взгляд и осмотрел свои руки. Он вынул золотую пилку для ногтей и снова засунул в карман. Голова у него закружилась. Он неуверенно встал и двинулся вдоль обрыва к пещерке, где лежала миссис Причард.

Когда он вошел, она открыла глаза и улыбнулась. Мистер Причард быстро лег рядом с ней. Он приподнял край ее пальто и залез под него.

— Ты устал, дорогой, — сказала она. — Элиот! Что ты делаешь? Элиот!

— Замолчи, — сказал он. — Слышишь? Замолчи! Ты жена мне или нет? Есть у человека право на жену?

— Элиот, ты с ума сошел! Кто-нибудь… кто-ни-

будь тебя увидит. — Она панически сопротивлялась. — Я тебя не узнаю, — сказала она. — Элиот, ты рвешь мне платье.

— Я его купил или нет? Мне надоело, что со мной обращаются как с больным котенком.

Бернис тихо плакала от ужаса и отвращения.

Когда он ушел, она продолжала плакать, зарывшись лицом в мех. Постепенно плач прекратился, она села и выглянула наружу. Взгляд ее был свиреп. Она подняла руку и приставила ногти к щеке. Раз она провела ногтями для пробы, а потом закусила губу и рванула по щеке. Она почувствовала, как кровь сочится из царапин. Она опустила руку на пол, измазала ее в грязи и стала втирать грязь в окровавленную щеку. Кровь просачивалась сквозь грязь и текла по шее за ворот блузки.

Глава XVIII

Милдред вышла с Хуаном из конюшни и сказала:

— Смотрите, дождь перестал. Смотрите, солнце над горой. Будет чудесно.

Хуан улыбнулся.

— А знаете, у меня прекрасное настроение, — сказала она. — Прекрасное настроение.

— Конечно, — сказал Хуан.

— А у вас оно достаточно прекрасное, чтобы подержать мне зеркальце? В сарае ничего не было видно. — Она вынула из сумочки квадратное зеркальце. — Вот. Нет, чуть повыше. — Она быстро расчесала волосы, попудрила щеки и намазала губы. Она придвинулась к самому зеркальцу, потому что видела только вблизи. — Считаете, что для опозоренной девушки я веду себя легкомысленно?

— Обыкновенно себя ведете, — сказал он. — Вы мне нравитесь.

— И только? Не больше?

— Хотите, чтоб я врал?

Она засмеялась:

— Пожалуй, немного да. Нет, не хочу. И вы не возьмете меня в Мексику?

— Нет.

— Значит, это — все? Больше ничего не будет?

— Откуда я знаю? — сказал Хуан.

Она спрятала зеркальце и помаду в сумочку и разровняла помаду — губой о губу.

— Стряхните с меня солому, ладно? — Он стал отряхивать ее пальто ладонью, а она поворачивалась. — А то, — продолжала она, — папа с мамой о таких вещах не знают. Уверена, что и меня зачали непорочно. Мама меня посадила — луковица номер один — до заморозков и присыпала меня землей, песком и навозом. — Голова у нее шла кругом. — В Мексику нельзя. А что мы будем делать?

— Вернемся, вытащим автобус и поедем в Сан-Хуан. — Он пошел к воротам старой фермы.

— Можно взять вас ненадолго за руку?

Он посмотрел на руку с отрезанным пальцем и стал переходить на другую сторону, чтобы дать ей целую.

— Нет, — сказала она, — мне эта нравится. — Она взяла его за руку и погладила пальцем гладкий конец обрубка.

— Не надо, — сказал он. — Это действует мне

на нервы.

Она крепко сжала его руку.

— И очки можно не надевать, — сказала она.

Склоны на востоке горели и золотились от заходящего солнца. Хуан и Милдред повернули направо и стали подниматься к автобусу.

— Ответите мне на один вопрос, в… ну, в уплату за мое распутство?

Хуан засмеялся.

— Какой вопрос?

— Зачем вы сюда пришли? Думали, что я пойду за вами?

— Хотите правду или словами поиграть? — спросил он.

— Вообще мне и то и другое нравится. Впрочем, нет… пожалуй, сперва правду.

— Я сбежал, — сказал Хуан. — Хотел удрать в Мексику и скрыться, а пассажиров бросить на произвол судьбы.

— Да? А почему не сбежали?

— Не знаю, — сказал он. — Не заладилось. Дева Гвадалупская меня подвела. Я думал, что надул ее. Она не любит надувательства. Подрезала этому делу крылышки.

— Вы сами в это не верите, — с чувством сказала она. — Я тоже не верю. А настоящая причина?

— Чего?

— Почему вы пришли на старую ферму?

Хуан продолжал шагать и вдруг расплылся в улыбке; шрам на губе сделал улыбку кривоватой. Он посмотрел на Милдред, и взгляд его черных глаз был теплым.

— Я зашел сюда, потому что надеялся, что вы пойдете погулять, а тогда, я подумал, можно будет… вдруг удастся вас залучить.

Она продела руку ему под локоть и сильно прижалась щекой к его рукаву.

— Хотела бы я, чтобы это еще немного продлилось, — сказала она, — но знаю, что нельзя. Прощайте, Хуан.

— Прощайте, — сказал он. И они медленно пошли назад, к автобусу.

Глава XIX

Ван Брант лежал вытянувшись на заднем сиденье автобуса. Глаза у него были закрыты, но он не спал. Голова его лежала на правой руке, и от тяжести правая рука затекла.

Когда Камилла вышла с мистером Причардом из автобуса, Прыщ и Норма замолчали.

Ван Брант прислушивался к тому, как растекается по жилам старость. Он почти ощущал шорох крови в своих бумажных артериях и слышал, как бьется сердце со скрипучим присвистом. Правая рука потихоньку немела, но его беспокоила левая рука. В левой руке у него осталось мало чувствительности. Кожа была невосприимчива, словно превратилась в толстую резину. Когда он был один, он тер и массировал руку, чтобы восстановить кровообращение, и, догадываясь, что с ней на самом деле, не хотел признаваться в этом даже самому себе.

Несколько месяцев назад он потерял сознание — всего на секунду, и врач, измерив ему давление, сказал, что главное — не волноваться, и все будет в порядке. А две недели назад про-

изошло другое. Была электрическая вспышка в голове и в глазах, секундное ощущение как бы ослепительного бело-голубого света, и теперь он совсем не мог читать. Не из-за зрения. Видел он вполне хорошо, но слова на странице плыли и набегали друг на друга, извивались, как змеи, и он не мог разобрать, что они говорят.

Он очень хорошо понимал, что перенес два легких удара, но скрывал это от жены, а она скрывала от него, и врач скрывал от них обоих. И он ждал, ждал еще одного, того, который взорвется в мозгу, скрючит тело и если не убьет его, то сделает бесчувственным предметом. В ожидании этого он злился, злился на всех. Животная ненависть ко всем окружающим подкатывала к горлу.

Он перепробовал всевозможные очки. Пробовал читать газеты с лупой, потому что сам, половиной сознания, пытался скрыть от себя свою беду. Злоба теперь вспыхивала и прорывалась у него совершенно неожиданно, но самым ужасным для него было то, что иногда он непроизвольно начинал плакать и не мог остановиться. Недавно он проснулся утром с мыслью: «Почему я должен ждать этого?»

Отец его умер от того же самого, но перед смертью одиннадцать месяцев пролежал в постели,

как серый беспомощный червь, и все деньги, которые он копил на старость, ушли на врачей. Ван Брант понимал, что, если такое случится с ним, восьми тысяч долларов, лежавших у него в банке, не будет и старуха жена, похоронив его, останется без гроша.

В тот день, как только открылись аптеки, он пошел в аптеку Бостона — к своему приятелю Милтону Бостону.

— Мне надо потравить белок, Милтон, — сказал он. — Дашь мне немного цианида, ладно?

— Это дьявольски опасная штука, — сказал Милтон. — Терпеть не могу его продавать. Может, я дам тебе стрихнина? Это будет ничем не хуже.

— Нет, — ответил Ван Брант, — я получил правительственный бюллетень с новой прописью, там цианид.

Милтон сказал:

— Ну ладно. Тебе, конечно, надо будет расписаться в книге ядов. Но осторожнее с этой дрянью, Ван. Осторожней. Не оставляй ее где попало.

Они дружили много лет. Вместе вступили в Синюю Ложу, были учениками, подмастерьями и по прошествии лет стали мастерами ложи Сан-Исидро; потом Милтон вошел в Капитул Королевской Арки и в Шотландский Обряд, а Ван

Брант так и не поднялся выше третьей степени. Но они остались приятелями.

— Сколько тебе надо?

— С унцию, наверно.

— Это страшно много, Ван.

— Я принесу что останется.

Милтон не успокоился:

— Только не прикасайся руками, хорошо?

— Я умею с ним обращаться, — сказал Ван Брант.

Потом он пошел к себе в кабинет, в цокольном этаже своего дома, и острым перочинным ножом проколол тыльную сторону ладони. Когда выступила кровь, он открыл пробирку с кристаллами. И остановился. Не мог. Просто не мог высыпать кристаллы на ранку.

Через час он отнес пробирку в банк и спрятал в свой абонированный сейф, где лежало его завещание и страховки. Ему пришло в голову купить маленькую ампулу и носить на шее. Тогда, если случится сильный приступ, ему, может быть, удастся донести ее до рта, как делали эти люди в Европе. Но сейчас высыпать — он не мог. Может быть, это и не случится.

Он носил в душе тяжесть разочарования и носил в душе злость. Злили его все люди вокруг, не

собиравшиеся умирать. И еще одно его угнетало. Удар спустил с цепи некоторые его инстинкты. В нем вновь проснулись могучие вожделения. Его до удушья тянуло к молодым женщинам, даже девочкам. Он не мог оторвать от них глаз и мыслей и в самом разгаре болезненных своих фантазий вдруг разражался слезами. Он боялся, как ребенок боится в чужом доме.

Он был слишком стар, чтобы приспособиться к изменению личности и к тому новому в естестве, что было порождено ударом. Он прежде не был охотником до чтения, но теперь, потеряв способность читать, изголодался по печатному слову. И характер у него делался все более вздорным и вспыльчивым, так что даже старые знакомые начинали его избегать.

Он слушал, как точится в жилах время, и хотел, чтобы пришла смерть, и боялся ее. Сквозь прикрытые веки он видел, как золотой свет заката заливает автобус. Его губы слегка зашевелились, и он сказал: «Вечер, вечер, вечер». Слово было очень красивое, и он слышал, как посвистывает у него в сердце. Сильное чувство овладело им, расперло грудь, расперло горло, застучало в голове. Он подумал, что опять расплачется. Он попробовал сжать правую руку, но она онемела

и не сжималась.

А потом он окаменел от напряжения. Тело, казалось, раздувается, как резиновая перчатка. Ворвался вечерний свет. В мозгу выросла страшная мигающая вспышка. Он почувствовал, как валится, валится в потемки, в черноту, в черноту…

Солнце село на западный холм, сплющилось, и свет его был желтым и чистым. Напоенная долина блестела под косым светом. Прозрачный промытый воздух был свеж. На полях поникшая пшеница и толстые оцепенелые стебли овсюга подтянулись, а свернувшиеся лепестки золотых маков чуть раздались. Желтая речная вода бурлила и вертелась в воронках и остервенело грызла берега. На заднем сиденье автобуса захлебывался храпом Ван Брант. Лоб у него был мокрый. Рот был открыт, глаза — тоже.

Глава XX

Прыщ пересел к Норме, а она грациозно подобрала юбку и отодвинулась к окну.

— Как по-твоему, чего этот старикан хочет от девушки? — подозрительно спросил он.

— Не знаю, — сказала Норма. — Одно тебе скажу. Она себя в обиду не даст. Она замечательная девушка.

Прыщ сказал:

— Ну, не знаю. Есть и кроме нее замечательные девушки.

Норма вспыхнула.

— Кто же, например? — спросила она иронически.

— Ты, например, — сказал Прыщ.

— Вот как! — Она этого не ожидала. Она опустила голову и стала смотреть на свои сморщенные пальцы, стараясь овладеть собой.

— С чего ты вдруг взяла и уволилась? — спросил Прыщ.

— Миссис Чикой плохо ко мне относилась.

— Я знаю. Она ко всем плохо относится. Жалко, что ты ушла. Мы бы с тобой могли подружиться.

Норма не ответила. Прыщ предложил:

— Если скажешь, я притащу пирог с изюмом. Они довольно вкусные.

— Нет. Нет, спасибо. Подумать о еде не могу.

— Тошнит?

— Нет.

— Вообще, если бы ты вернулась туда на работу, мы могли бы ездить на субботний вечер в Сан-Исидро — на танцы или еще куда.

— Раньше ты об этом не подумал, — сказала она.

— А я не думал, что нравлюсь тебе.

В ней появилось лукавство. Это была восхитительная игра.

— А почему ты думаешь, что теперь нравишься? — сказала она.

— Ну, ты теперь другая. Вроде изменилась. Мне нравится твоя прическа.

— А-а, это, — сказала она. — Да там, в закусочной, вроде как незачем прихорашиваться. Кто меня увидит?

— Я, — галантно сказал Прыщ. — Давай назад. Тебя возьмут обратно. Гарантирую.

Она покачала головой:

— Нет, когда я ухожу — я ухожу. Обратно не приползу. А кроме того, пора подумать о буду-

щем. У нас есть планы.

— Какие планы?

Норма заколебалась, стоит ли рассказывать. С одной стороны, можно сглазить — но удержаться она не могла.

— У нас будет квартирка с красивым диваном и радио. Будет плита, холодильник, и я буду учиться на сестру. — Ее глаза сияли.

— Кто это «мы»?

— Мы с мисс Камиллой Дубс, вот кто. Когда я стану сестрой, у меня будет на что одеваться, мы будем ходить в театр и, может быть, принимать друзей.

— Ерунда, — сказал он. — Не будет этого.

— Почему ты так говоришь?

— Не будет, и все. Слушай, чего ты не вернешься к Чикоям? Я изучаю радар, а там уйдем вместе и, кто его знает, может, и сойдемся. Ведь девушке — ей же хочется замуж. Я парень молодой. Ну а… это… парню хорошо иметь жену. Это делает его вроде… целеустремленным.

Норма посмотрела ему в глаза серьезным вопросительным взглядом, — не смеется ли он над ней. И была в ее взгляде такая прямота, что Прыщ неверно истолковал его и смущенно отвернулся.

— Понятно, — сказал он с горечью. — По-твое-

му, нельзя встречаться с парнем, у которого такая штука. Я все делал. Больше сотни истратил на врачей и разную аптечную дрянь. Все без толку. Один врач говорит, они пройдут. Говорит, годика через два исчезнут. Только не знаю, правда ли. Ну и давай, — сказал он со злостью. — Устраивай себе квартирку. Я, может, такие развлечения знаю, какие тебе не снились. Нечего ставить из себя. — Голос у него был совершенно подавленный, и он глядел себе на колени.

Норма посмотрела на него с удивлением. Ни в ком, кроме себя, не предполагала она такой жалкой боли. Никто еще не искал у Нормы сочувствия и поддержки. Пузырек тепла наклюнулся у нее внутри — и какая-то благодарность. Она сказала:

— Ты так не думай. Нельзя так думать — если ты девушке не безразличен, она так думать не будет. Врач знал, что говорит. Я знала трех молодых ребят, у них это потом прошло.

Прыщ не поднимал головы. Он все еще был подавлен, но бесенок уже зашевелился. Он чувствовал, что преимущество переходит к нему, и начал им пользоваться — и это было внове для него, это было открытие. Он всегда хвастался перед девушками, петушился, а тут, оказывается,

так просто. Хитрый бесенок начал действовать.

— Это так доводит, что прямо не можешь, — сказал он. — Иногда думаю покончить с собой. — Он вынудил у себя всхлип.

— Нет, ты так не говори, — сказала Норма. Для нее это было тоже новой ролью, но такой, наверно, для которой она годилась лучше всего.

— Никто меня не любит, — сказал Прыщ. — Никто меня знать не хочет.

— Не говори так, — повторила Норма. — Это неправда. Ты мне всегда нравился.

— Никогда я тебе не нравился.

— Нет, нравился. — Утешая его, она положила руку ему на локоть.

Он не глядя накрыл ее ладонью и прижал к себе. А потом его рука схватила руку Нормы и сжала пальцы, и Норма машинально ответила пожатием. Он повернулся, сгреб ее и сунулся к ней лицом.

— Не надо! — крикнула она. — Перестань.

Он обхватил ее еще крепче.

— Перестань, — сказала она. — Перестань же. Старик сзади.

Прыщ прошептал:

— Слышишь, храпит старый хрыч. Хоть из пушки стреляй. Не бойся, не бойся.

Она уперлась локтями ему в грудь. Руки Прыща цеплялись за ее юбку.

— Перестань, — шепнула она. — Перестань, слышишь? — Теперь она поняла, что ее провели. — Перестань! Пусти меня!

— Ну давай, — ошалело говорил он. — Давай, ну пожалуйста. — Глаза у Прыща помутнели, и он возился с ее юбкой.

— Перестань, перестань, пожалуйста. А если… если войдет Камилла? Если увидит, что ты де…

Взгляд у Прыща на секунду прояснился. Он недобро уставился на Норму.

— Ну и войдет. Ну и увидит, проститутка несчастная, — а тебе не один черт?

Рот у Нормы раскрылся, руки ослабли. Она смотрела на него, не веря своим глазам. Смотрела так, как будто не расслышала. А затем — ярость ее была холодной и убийственной. Ее закаленные работой мускулы напряглись. Она вырвала руку и ударила его в зубы. Она вскочила на ноги и заработала обоими кулаками, а он был так ошарашен, что только закрывал лицо.

Она фырчала на него, как кошка.

— Сопляк! — сказала она. — У-у, сопляк паршивый! — Она пинала и толкала его, выпихнула в проход, пробежала по проходу и выскочила

вон. Он запутался ногами в ножках сидений и пытался перевернуться.

Норма чувствовала слабость и дурноту. Губы у нее дрожали, из глаз текло.

— Сопляк паршивый, — плакала она. — Сопляк паршивый, грязный. — Она перешагнула кювет, кинулась в траву и уткнулась лицом в руки. Прыщ наконец встал и воровато выглянул в окно. Он совсем не знал, что теперь делать.

Камилла медленно возвращалась по дороге и увидела Норму, лежащую ничком. Она перешагнула канаву и наклонилась к ней.

— Что с тобой? Упала? Что случилось?

Норма подняла заплаканное лицо.

— Ничего, — сказала она.

— Встань, — коротко приказала Камилла. — Встань ты с мокрой травы. — Она рывком подняла Норму, подвела к обрыву и усадила на газеты. — Да что с тобой стряслось-то?

Норма утерла мокрое лицо рукавом и смазала остатки губной помады.

— Не хочу про это говорить.

— Ну, дело хозяйское, — сказала Камилла.

— Все Прыщ. Хватать меня начал.

— Ты что, постоять за себя не можешь? Сразу сырость разводить?

— Не из-за этого.

— А из-за чего же? — Камилле было, в общем, не интересно. У нее хватало своих забот.

Норма терла пальцами красные глаза.

— Я его ударила, — сказала она. — Ударила потому, что он назвал вас проституткой.

Камилла отвернулась. Она смотрела на ту сторону долины, где за горами пряталось солнце, и терла щеку. Глаза у нее были потухшие. Потом она заставила их ожить, заставила их улыбнуться и с улыбкой обернулась к Норме.

— Слушай, детка, — сказала она. — Придется тебе принять это на веру, пока сама не убедишься, — каждой случается в жизни быть проституткой. Каждой. И худшие проститутки — те, кто называет это иначе.

— Но вы же нет, — сказала Норма.

— Оставим это. Оставим. Давай-ка лучше займемся твоим личиком. Помада, конечно, ванны не заменит, но все же лучше, чем ничего.

Камилла раскрыла сумочку, порылась в ней и достала расческу.

Глава XXI

Хуан ускорил шаги, и Милдред с трудом держалась рядом.

— Нам обязательно бежать? — спросила она.

— Гораздо легче будет откопать автобус, пока светло, чем ковыряться в потемках.

Она поспевала за ним рысцой.

— Вы надеетесь его вытащить?

— Да.

— Почему же вы сразу не попробовали, а ушли?

Хуан замедлил шаги.

— Я же сказал вам. Два раза сказал.

— А-а, ну да. Значит, это было всерьез?

— Я всегда говорю всерьез, — ответил Хуан.

Они пришли к автобусу, когда солнце уже скользнуло за хребет. Верхние облака все еще были розовыми и розовой прозрачностью обливали землю и холмы.

Прыщ шмыгнул из-за автобуса навстречу Хуану. В его повадке было какое-то враждебное подобострастие.

— Когда они выезжают? — спросил он.

— Никого не нашел, — лаконично ответил Хуан. — Придется самим. Мне нужна помощь. Куда они, к чертям, подевались?

— Разбрелись, — сказал Прыщ.

— Ладно, вынимай брезент.

— Там дама на нем спит.

— Ладно, подними ее. Нужны камни, если можешь найти, и нужны доски или столбы. Придется, наверно, разобрать забор. Но колючую проволоку оставь, скот разбежится. И вот что, Прыщ…

Рот у Прыща открылся, плечи повисли.

— Вы обещали…

— Собери всех мужчин. Мне понадобится помощь. Я возьму большой домкрат под задним сиденьем.

Хуан влез в автобус. Внутри уже было темновато. Он увидел, что на сиденье лежит Ван Брант.

— Вам придется встать, я хочу взять домкрат, — сказал Хуан.

Вдруг он наклонился ниже. Глаза у старика были открыты и закатились, шумный натужный храп рвался из его глотки, в углах рта собралась слюна. Хуан перевернул его на спину, язык у старика запал в горло и преградил путь воздуху. Хуан залез в его открытый рот пальцами и от-

тянул язык вперед и вниз. Он крикнул: «Прыщ! Прыщ!» — и свободной рукой, золотым обручальным кольцом постучал в стекло.

Прыщ влез в автобус.

— Он заболел, черт подери. Позови кого-нибудь. Посигналь.

Сменить их пришлось мистеру Причарду. Ему это было отвратительно, но отказаться он не мог. Хуан отрезал коротенькую палочку и показал ему, как придерживать западавший язык, уперев палочку в нёбо, чтобы старик не задохнулся. Мистеру Причарду был омерзителен вид больного, и от кислого запаха, выходившего с тяжелым дыханием, его мутило. Но отказаться он не мог. Он не хотел ни о чем думать. Его ум желал выключиться. Все его существо поминутно скручивалось от леденящих мыслей. В автобус вошла его жена и, увидев его, села на первое место у двери — как можно дальше от него. И даже в сумерках он разглядел царапины и кровь у нее на воротнике. Она с ним не разговаривала.

Он мысленно сказал: «Я, наверно, был невменяем. Не понимаю, как я мог это сделать. Дорогая, ну почему ты не можешь подумать, что я был болен, не в своем уме». Он сказал это в своем уме. Он подарит ей маленькую оранжерейку — и не такую

уж маленькую. Он построит ей лучшую оранжерейку на свете. Но долгое время об этом нельзя будет даже заговорить. И путешествие в Мексику — им надо пережить его. Оно будет ужасным, но им надо пережить его. И долго ли не исчезнет из ее глаз это выражение — обида, укор, упрек? Несколько дней она не будет разговаривать — это он знал, — а если и будет, то безукоризненно вежливо: краткие ответы, мягкий голос, и ни одного взгляда в глаза. «О Господи, — подумал он, — как меня в такое заносит? Почему не я здесь лежу, умираю, а этот старик? Ему уже никогда не придется переживать такое».

Он почувствовал, что под машиной начали работать люди. Он услышал, как воткнулась лопата и хлюпнула грязь, услышал, как бросили камень под колесо. Жена сидела подобравшись, и на губах ее была терпеливая улыбка. Он еще не знал, как она обернет дело, но все в ее руках.

Ей было грустно, и она твердила себе: «Не нужно злых мыслей. Если Элиот поддался низменному, это вовсе не значит, что я должна забыть о своем благородстве и великодушии». В груди трепыхнулось торжество. «Я победила гнев, — прошептала она, — и победила отвращение. Я способна простить его, я знаю, что способна. Но ради него же я

не должна торопиться с этим — ради его же блага. Я должна выждать». Лицо ее было преисполнено достоинства и обиды.

У автобуса Прыщ творил чудеса силы и доблести. Его двухцветные штиблеты погибали в грязи. Он губил их почти намеренно. Слой грязи налип на его шоколадные брюки. Он надругался над своим красивым костюмом. Он вонзал лопату в землю, окапывая колеса сзади и с боков, и отшвыривал грязь. Он стал на грязь коленями, чтобы рыть руками. Его волчьи глаза горели от труда, и на лбу выступил пот. Он украдкой поглядывал на Хуана. Хуан забыл их уговор — и как раз тогда, когда Прыщу это было особенно важно. Прыщ втыкал лопату в землю с порывисто-бурной силой.

Эрнест Хортон взял кирку и перешагнул через канаву. Он снял дерн, корни, слой почвы и наткнулся на то, что искал. Каменные обломки некогда обвалившегося холма. Он выковыривал камни и складывал на траве возле ямы. К нему подошла Камилла.

— Я помогу вам носить.

— В грязи измажетесь, — сказал Эрнест.

— Думаете, я могу стать грязнее, чем сейчас? — спросила она.

Он опустил кирку.

— Не хотите дать мне телефон? Я бы вас сводил куда-нибудь.

— Я правду сказала. Я пока нигде не живу. У меня нет телефона.

— Как знаете, — сказал Эрнест.

— Да нет, честно. Где вы остановитесь?

— В «Голливуд-Плазе», — сказал Эрнест.

— Хорошо, если будете в вестибюле послезавтра около семи, я, может быть, зайду.

— Годится, — сказал Эрнест. — Пойдем обедать к Муссо-Франку.

— Я не сказала, что приду. Я сказала — может быть. Не знаю, какое еще будет настроение. Если не появлюсь, не швыряйте часы об стенку. Я уже не соображаю, что к чему — до того укаталась.

— Годится, — сказал Эрнест. — Поторчу до половины восьмого.

— Вы молодец, — сказала Камилла.

— Лопух как лопух, — сказал Эрнест. — Большие не поднимайте. Я отнесу. Берите маленькие.

Она взяла в обе руки по камню и отправилась к автобусу.

Хуан подошел к старой изгороди и стал вытаскивать столбы. Он вышатнул восемь штук, но через один, чтобы не упала колючая проволока.

Он отнес столбы и пошел за новыми.

Розовая заря бледнела, и на долину спускались сумерки. Хуан опер домкрат на столб, подвел его под полку обода и стал поднимать автобус с одного бока. По мере того как колесо поднималось в яме, Прыщ наталкивал под него камни.

Хуан переставил домкрат, покачал еще, и постепенно одна сторона автобуса поднялась из грязи. Хуан перенес домкрат на другую сторону и стал вывешивать другое колесо.

Эрнест выкапывал камни, а Камилла с Нормой носили их к канаве.

Милдред сказала:

— А мне что делать?

— Уложите поплотнее этот столб, пока я схожу за другим рычагом, — сказал Хуан. Он работал наперегонки с темнотой. Лоб у него блестел от пота. Прыщ, коленями в грязи, бутил яму под колесом, и другая сторона автобуса поднималась над кюветом.

— Поднимем с запасом, — сказал Хуан, — чтобы не переделывать снова. Я хочу уложить столбы под колеса.

Кончили уже в потемках. Хуан сказал:

— Надо, чтобы все подтолкнули, когда я тронусь. Если хоть метр сделаем — все в порядке.

— Как там дальше дорога? — спросил Прыщ.

— Мне показалось — ничего! Ого! Дал ты жизни своему костюму.

Лицо у Прыща осунулось от разочарования.

— Подумаешь, костюм, — сказал он. — Что от него толку? — Голос был такой убитый, что Хуан уставился на него в полутьме.

Губы Хуана нехотя разошлись в улыбке.

— Я сяду за руль, а тебе придется покомандовать здесь, Кит. Заставь их навалиться, когда я тронусь. Ты знаешь, что делать. Командуй здесь, Кит.

Прыщ швырнул лопату.

— Все сюда! — закричал он. — Все сюда, а ну, нажмем! Я стану справа. Девушки тоже. Все взялись! — Он выстроил людей позади автобуса. На секунду он задержал алчный взгляд на миссис Причард. «Пожалуй, будет только мешаться», — решил он.

Хуан забрался в автобус.

— Вылезайте толкать, — велел он мистеру Причарду.

Мотор завелся легко. Хуан дал ему несколько секунд поработать. Потом включил первую скорость, дважды стукнул по борту и услышал, как Прыщ два раза стукнул в ответ по задней стенке.

Он чуть прибавил газу и стал отпускать сцепление. Колеса пошли, пробуксовали, рыкнули, пошли, и «Любимая», пьяно переваливаясь по каменной колее, выползла на дорогу. Хуан отъехал по дороге от лужи и потянул ручной тормоз. Он встал и выглянул в дверь.

— Кидайте инструменты прямо на пол, — сказал он. — Давайте, поехали.

Он включил фары, и лучи осветили гравийную дорогу до самой макушки маленького холма.

Глава XXII

Хуан очень медленно въехал на вершину и повел автобус вниз по изрытому водой гравию, мимо покинутого дома. На повороте его фары ухватили безглазый дом, сломанный ветряк, конюшню.

Ночь была совсем черна, но повеял новый ветерок, неся семенной запах трав и пряный — люпина. Фары бурили ночь над дорогой, и мелькала сова, то влетая в свет, то вылетая. Далеко впереди перебегал дорогу кролик: он поглядел на фары, вспыхнули красным его глаза, и он соскочил в канаву.

Хуан вел автобус на второй скорости, держа размытую водой колею между колесами. В автобусе было темно, лишь щиток светился. Хуан кинул взгляд на Деву. «Я прошу только об одном, — сказал он про себя. — От того я отказался, но сделай одолжение, пусть она будет трезвой, когда я вернусь».

Миссис Причард уже сидела не так прямо. Голова ее качалась от толчков автобуса, и она мечтала. Она одета в… во что… что на ней бу-

дет?.. Что-нибудь светлое. Должно быть, белое. И она водит Эллен по своей оранжерейке. «Тебя удивляет, что я оставила несколько пурпурных орхидей? — спрашивает она у Эллен. — Ведь у всех есть родственники, которым нравятся пурпурные. Даже у тебя, Эллен, — ты не станешь отрицать. Зато посмотри сюда. Они как раз распускаются — прелестные коричневые и зеленые. Элиот выписал их из Бразилии. Они растут за тысячу километров от устья Амазонки».

На полу автобуса кирка лязгала о лопату.

Прыщ нагнулся к Хуану:

— Я могу сменить вас, мистер Чикой. Вы устали. Давайте я поведу.

— Нет, спасибо, Кит, с тебя хватит.

— Да я не устал.

— Ничего, — сказал Хуан.

Милдред видела профиль Хуана на фоне освещенной дороги. «Интересно, на сколько мне удастся растянуть этот день. Как мятную жвачку. Надо держаться за сегодня, покуда не выпадет другой день, такой же хороший».

В шуме и тряске автобуса мистер Причард ловил ухом дыхание Ван Бранта. Он едва различал его лицо на сиденье. Мистер Причард обнаружил в своей душе ненависть к этому человеку за то,

что он умирает. Он с удивлением анализировал свою ненависть. Он понял, что мог бы с легкостью задушить этого человека и жить дальше. «Что же я за тварь? — воскликнул он. — Откуда во мне эти твари? Или я схожу с ума? Может быть, я переутомился. Может быть, это — нервное расстройство».

Он наклонился к больному — не нарушилось ли у него дыхание. Сильная ссадина будет у него на нёбе, куда упирается палочка. Он услышал движение за спиной и увидел, что Эрнест Хортон пришел назад и сел рядом.

— Сменить вас?

— Нет, — сказал мистер Причард. — Пока, кажется, все в порядке. Как вы думаете, что с ним?

— Удар, — сказал Эрнест. — Я не хотел на вас набрасываться. Нервы расшалились.

— Такой уж день, — ответил мистер Причард. — Когда все скверно, моя жена говорит: «Ничего, пройдет время, и это покажется нам смешным».

— Что ж, хорошо так смотреть на вещи, если можешь, — сказал Эрнест. — Если надумаете мне позвонить, я буду в «Голливуд-Плазе». А то попробуйте вечером на квартиру — я вам дал номер.

— Боюсь, не сумею выкроить время, — сказал мистер Причард. — А все же вы бы заглянули как-

нибудь на завод. У нас может получиться дело.

— А что — может, — сказал Эрнест.

Норма сидела теперь у окна, Камилла рядом с ней. Норма облокотилась на подоконный выступ и глядела в порхающую темень. Над западными горами вокруг широкой черной тучи чуть серел еще ободок неба; потом, когда туча ушла, оттуда выглянула вечерняя звезда, ясная, умытая, немигающая.

— В небе первую звезду ранним вечером найду, загадаю на звезду: сбудься то, чего я жду.

Камилла сонно повернула голову.

— Что ты сказала?

Норма ответила не сразу. Потом тихо спросила:

— Посмотрим, как получится?

— Да, посмотрим, как получится, — отозвалась Камилла.

Где-то впереди, чуть слева, показались огоньки — слабенькие огоньки, мерцавшие сквозь расстояние, сиротливые и затерянные во тьме, далекие, холодные, мерцающие, связанные в цепочки.

Хуан посмотрел на них и крикнул:

— Вон впереди Сан-Хуан.